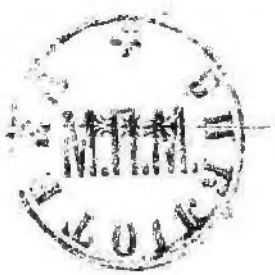
ПЛАНЪ ЗАВОЕВАНІЯ КРЫМА,

СОСТАВЛЕННЫЙ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ГОСУДАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА

УЧЕНЫМЪ СЛАВЯНИНОМЪ ЮРІЕМЪ КРИЖАНИЧЕМЪ.

М. Н. Бережкова.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининск. кан., 80.
1891.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія. 1891 г.

2007231514

Посвящается съ признательностью

профессору

Константину Николаевичу

Бестужеву-Рюмину.

Изъ многихъ „политичныхъ думъ“ Юрія Крижанича, обильно высказанныхъ въ его „Политикѣ“, одна имѣла для русскихъ его современниковъ близкій жизненный интересъ, именно — дума объ отношеніяхъ Московскаго государства къ Крыму. Смѣлый, горячій патріотъ славянскій совѣтовалъ порѣшить крымскій вопросъ что̀ называется съ корня: онъ предлагалъ московскому правительству планъ завоеванія Перекопа соединенными силами Россіи, Польши и другихъ, по его соображеніямъ, вѣроятныхъ союзниковъ, христіанскихъ народовъ юга,—въ той увѣренности, что походъ большаго войска на Крымъ будетъ успѣшенъ и въ разныхъ отношеніяхъ выгоденъ для Московскаго государства. Этотъ планъ подробно, по мѣстамъ даже весьма обстоятельно развитъ у Крижанича въ двухъ большихъ главахъ его „Политики“; сверхъ того, въ разныхъ мѣстахъ книги, равно въ другихъ сочиненіяхъ автора, крымскій вопросъ неоднократно затрогивается имъ съ разныхъ сторонъ, напримѣръ, по связи его съ турецкимъ и польскимъ вопросами, или по отношенію къ быту украинскаго русскаго населенія, жившаго въ постоянной опасности татарскихъ набѣговъ, или по отношенію къ казеннымъ издержкамъ на Крымъ и проч. Видно, что авторъ не мало размышлялъ надъ этимъ вопросомъ; хотя и не призванный совѣтникъ, онъ поступилъ умѣстно, что, замѣтя важный для московскаго правительства политическій вопросъ, высказался по нему въ своемъ главномъ трудѣ политическаго содержанія.

То былъ дѣйствительно важный вопросъ, который уже давно чувствовался въ Московскомъ государствѣ, какъ назойливый и въ то же время какъ очень затруднительный для практическаго разрѣшенія вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ: оборона или наступленіе? Если оборона, то какъ лучше и выгоднѣе устроить ее по всей, очень обширной

границѣ южной? Но довольно ли одной обороны? Если же наступленіе, то какъ далеко вести его и какими силами: большимъ войскомъ, или не большими легкими отрядами? Только будетъ ли польза отъ наступленія, предполагая даже, что походъ большаго войска будетъ доведенъ до конца, то-есть, до Перекопа и далѣе, внутрь Крыма? При томъ же за Крымъ непремѣнно заступится турецкій султанъ: новая война, длинная и тяжелая! А тамъ того смотри, что Польша ударитъ въ тылъ: надобно будетъ впередъ помириться крѣпче съ Польшей; только очень трудно ждать, да едва ли когда и дождешься „вѣчнаго мира“ съ Польшей! Итакъ, кажется, не слѣдуетъ выступать въ степь на Крымскую орду большимъ войскомъ: лучше до времени довольствоваться посылкой въ Крымъ обычныхъ подачекъ, что̀ называются „поминками“, въ то же время постепенно укрѣплять южную границу, сторожить движенія татаръ и готовиться къ отраженію ихъ силою, да иногда поддерживать подъ рукой мелкую войну казаковъ противъ Крыма и такимъ образомъ сдерживать варваровъ-бусурманъ не одними только денежными подачками, но еще силой и угрозами.

Такъ или приблизительно такъ разсуждали правительствующія лица Московскаго государства и дѣйствовали относительно Крыма, соображаясь съ разными условіями внѣшними и внутренними. Порѣшить задачу сразу, въ одинъ пріемъ, они не находили возможнымъ; они предпочитали постепенно подвигать ее къ рѣшенію. Конечно, въ царской думѣ всегда были такіе совѣтники, которые высказывались за наступленіе противъ перекопскихъ разбойниковъ, за укрощеніе ихъ не поминками да дипломатическими переговорами, а силою оружія; они были по своему правы, давая смѣлый совѣтъ въ смыслѣ наступленія, — и вся государева дума, конечно, раздѣляла тѣ благородныя чувства, коими былъ внушаемъ такой совѣтъ; да она и не отказывалась рѣшительно отъ всякихъ наступательныхъ дѣйствій противъ Крыма. Но въ большинствѣ случаевъ царская дума постановляла мѣры оборонительныя, — и была въ этомъ дѣлѣ права: нельзя было сразу одолѣть степь; до времени было цѣлесообразнѣе обороняться отъ ея обитателей, чѣмъ наступать на нихъ. Походъ большаго войска могъ причинить не столько пользы дѣлу, сколько вреда; въ самомъ дѣлѣ, степной промежутокъ отъ Сѣверской Украйны и даже отъ Малороссіи и Слободской Украйны до Перекопа былъ и въ XVII вѣкѣ все еще довольно великъ и трудно

проходимъ для большаго войска съ обозомъ и артиллеріей. Допустимъ даже, что Крымъ былъ бы разоренъ тогда русскимъ войскомъ: кто могъ ручаться, что другіе степняки — татары ногайскіе, калмыки, или тѣ же татары крымскіе, переселившіеся на Кубань или въ Буджакъ,—не отрѣжутъ новаго русскаго владѣнія отъ центра государства и не поставятъ въ крайне трудное положеніе русскихъ гарнизоновъ въ Крыму? Такъ именно случилось въ древности, когда печенѣги и половцы отрѣзали отъ Кіева и Чернигова Корсунь и отдаленную Тмутракань на Азовскомъ лукоморьѣ. Надо было завоевать Перекопъ, надо было и удержать его — двѣ задачи одинаково трудныя! Надо было готовиться къ войнѣ турецкой, еще болѣе трудной; союзъ же съ Польшей противъ Крыма и Турціи, — искренній союзъ на дѣлѣ, а не на словахъ только, — былъ дѣломъ малонадежнымъ. Крымъ вѣдь современемъ не уйдетъ отъ русскихъ рукъ; это будетъ, когда сократится степной промежутокъ отъ русскихъ украинъ до Крыма и Черноморскихъ береговъ, то-есть, когда заселится Новороссія и когда вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ приходить къ концу та борьба Россіи съ Польшею, на счетъ которой собственно жилъ Крымъ; тогда онъ падетъ самъ собою и присоединится къ Россіи.

Впрочемъ, все это стало вполнѣ ясно уже по завершеніи событій. Всему свое время: время идеямъ и время событіямъ. Историку приходится изучать тѣ и другія рядомъ, сопоставлять ихъ для лучшаго пониманія, и воздавать свое каждому: хороша смѣлая мысль публициста; еще лучше мудрая осторожность государственнаго человѣка.

Въ настоящемъ опытѣ мы желаемъ сдѣлать именно нѣсколько сопоставленій идей и фактовъ изъ исторіи отношеній Московскаго государства къ Крыму; при этомъ будетъ видно, въ какой степени практичны, а иногда совсѣмъ не практичны были воззрѣнія Крижанича по крымскому дѣлу. Его планъ во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія историка уже потому только, что онъ былъ составленъ за четверть вѣка до крымскихъ походовъ князя В. В. Голицына. Планъ его не былъ что̀ называется „выдуманный“, праздный; нѣтъ сомнѣнія, что авторъ высказалъ въ немъ не свои только воззрѣнія, но и многихъ русскихъ людей того времени, которые находили, что пора усмирить крымскихъ татаръ оружіемъ, пора подвергнуть ихъ наказанію за дерзкіе набѣги и грабежи. И вотъ по-

чему за Юріемъ Крижаничемъ остается извѣстная доля заслуги—въ томъ, что онъ далъ посильный отвѣтъ на занимавшую тогда многихъ задачу, какъ лучше рѣшить на практикѣ вопросъ крымскій.

Бросимъ предварительно хотя бѣглый взглядъ на крымскія отношенія, посмотримъ, какъ они слагались въ XV — XVII столѣтіяхъ и какъ стояли они въ то время, какъ писалъ о нихъ нашъ авторъ, пришлецъ въ Московское государство.

I.

Сношенія Московскаго государства съ Крымскимъ ханствомъ, документально засвидѣтельствованныя въ русскихъ посольскихъ книгахъ, начались въ тотъ важный для обоихъ историческій моментъ, когда оба они стремились освободиться отъ зависимости предъ Золотою ордой: изъ этого совмѣстнаго стремленія и на почвѣ этого взаимнаго интереса стали возникать дипломатическія сношенія великаго князя Іоанна III Васильевича и хана Менгли-Гирея, приведшія къ союзу между ними, довольно продолжительному и прочному. Главнымъ дѣятелемъ, направлявшимъ переговоры и всё дѣло союза, былъ московскій великій князь, государственный умъ котораго и дипломатическія способности достаточно извѣстны и общепризнаны въ настоящее время: предусмотрительный и твердый политикъ, одинъ изъ самыхъ видныхъ историческихъ дѣятелей своего вѣка въ цѣлой Европѣ, онъ держалъ въ своихъ рукахъ нити не одной восточной только политики. Отъ него пошли внушенія крымскому хану, что у него и у князя великаго есть общіе „недруги“, то-есть, Ахматъ, ханъ Золотой орды, и Казимиръ Ягайловичъ, король польскій, онъ же и великій князь литовско-русскій. Внушенія относительно перваго недруга охотно выслушивались въ Крыму: и Менгли-Гирей, и его совѣтники, родовитые вельможи крымскіе, сами безъ постороннихъ внушеній понимали, что золотоордынскіе ханы никогда не простятъ имъ стремленія къ независимости, что между Золотою ордой и Крымомъ, въ ея глазахъ мятежнымъ улусомъ, всегда будетъ существовать непримиримая взаимная ненависть; въ Крыму хорошо это чувствовали и охотно въ этомъ вѣрили государю московскому.

Иначе могло представляться крымцамъ дѣло относительно другаго такъ называемаго „недруга“, то-есть, короля польскаго Казимира. Въ самомъ дѣлѣ: если при Хаджи-Гиреѣ, родоначальникѣ

новой династіи, Крымская орда находилась въ хорошихъ отношеніяхъ съ государствомъ Польскимъ и Литовско-русскимъ, и самъ Хаджи-Гирей, по преданію, спасался въ Литвѣ въ свое безвременье, даже находилъ здѣсь поддержку при воцареніи въ Крыму, то и теперь не было важныхъ препятствій для Крыма оставаться въ такихъ же отношеніяхъ съ Польско-литовскимъ государствомъ. Въ Крыму могли даже надѣяться, что Казимиръ, король польскій, не только не будетъ врагомъ хану Менгли-Гирею, но еще, пожалуй, приметъ крымскій союзъ, если ханъ предложитъ его, на томъ, конечно, условіи, чтобы король порвалъ свои сношенія съ Золотою ордой; не было ничего не возможнаго, что король предпочтетъ дружбу и союзъ хана крымскаго, близкаго сосѣда, все болѣе усиливающагося, благо, что уже были и преданія для такого союза. Иное дѣло — московскій государь. Для него король польскій есть дѣйствительно „природный недругъ“; онъ былъ бы такимъ для него и въ томъ даже случаѣ, еслибы Іоаннъ не поднялъ открыто знамени войны съ польскимъ королемъ за возвращеніе западныхъ русскихъ земель: тутъ дѣйствительная недружба, тутъ открытая непримиримая борьба двухъ государствъ на нѣсколько вѣковъ и оружіемъ, и многими другими способами. И опять иное дѣло—ханъ Ахматъ для московскаго великаго князя. Золотая орда давно перестала быть страшною для Москвы; противъ прежняго времени она значительно ослабѣла отъ внутренней неурядицы, отъ дробленія на особые улусы и орды; давняя надежда собирателей Русской земли на полное освобожденіе отъ орды теперь исполнялась на дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ ханъ Ахматъ былъ гораздо менѣе страшенъ для Москвы, чѣмъ для Крыма, гдѣ долго и сильно боялись Ахмата и сыновей его. И здѣсь оказывается разница.

Такимъ образомъ, у Москвы и Крыма дѣйствительно были общіе недруги; но они были таковыми не въ равной степени для каждой стороны, и не въ равной степени опасными по ихъ матеріальнымъ силамъ. Вотъ почему союзъ Московскаго государства съ Крымскимъ ханствомъ состоялся не сразу, а послѣ многихъ пересылокъ: Іоаннъ пробовалъ почву въ Крыму, а тамъ также пробовали уяснить отношенія, взвѣшивали, какой союзъ будетъ выгоднѣе, и торговались въ цѣнѣ за союзъ. Заключеніе его было замедлено сверхъ того еще непрочнымъ въ первое время положеніемъ Менгли-Гирея: онъ не разъ терялъ ханскую власть, былъ въ опасности потерять самую жизнь; освободясь изъ-подъ зависимости Золотой орды, онъ попалъ

въ болѣе крѣпкую зависимость отъ турецкаго султана, котораго долженъ былъ признать своимъ верховнымъ повелителемъ, но при этомъ не освободился отъ нападеній Ахмата и его сыновей, не разъ наступавшихъ на Крымскую орду отъ береговъ Волги и Дона.

При такихъ условіяхъ былъ заключенъ, наконецъ, союзъ между Москвою и Крымомъ, благодаря дипломатическому искусству Іоанна. Уже съ первыхъ поръ этого союза становилось ясно, что московскій государь хочетъ имѣть въ Менгли-Гиреѣ союзника не столько противъ Ахмата (скоро погибшаго послѣ неудачнаго „стоянія“ на Угрѣ) и его сыновей, наслѣдовавшихъ ему въ Золотой ордѣ, сколько — и гораздо больше — противъ короля польскаго Казимира. Чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе видѣлъ крымскій ханъ, что онъ дорогъ для Москвы собственно какъ орудіе противъ короля, что его и орду хотѣли имѣть въ распоряженіи, какъ наемное войско противъ польскаго „недруга“: Менгли-Гирей былъ достаточно уменъ, чтобы скоро понять свое положеніе относительно Москвы, но онъ очень любилъ также богатые „поминки“ изъ Москвы, и потому соглашался служить видамъ московскаго союзника. Онъ умѣлъ повышать цѣну своего союза всякій разъ, когда меньше опасался Ахматовыхъ сыновей, или когда видѣлъ, что отношенія великаго князя къ королю становились болѣе затруднительными, а помощь его, Менгли-Гирея, болѣе нужною: въ такихъ случаяхъ ханъ требовалъ большаго количества поминковъ, заявлялъ желаніе такъ называемаго „запроса“, или запросныхъ поминковъ, и получалъ требуемое обыкновенно безъ отказа: въ Москвѣ не щадили никакихъ средствъ для хана, лишь бы поддержать союзъ противъ Польско-литовскаго короля: вѣдь для того союзъ и былъ заключенъ, чтобы постоянно поднимать крымскаго хана на короля.

Непрерывно, начиная съ 1474 года [1]) почти ежегодно, изъ Москвы въ Крымъ ѣздятъ посланники и гонцы „здоровье великаго князя сказать и царское здоровье видѣть“, передать „поклонъ“ отъ великаго князя хану, представить поминки ему, его семейнымъ, всѣмъ родичамъ и ближнимъ людямъ. Не смотря на трудности далекаго пути, большею частію степнаго, почти безлюднаго, но не безопаснаго отъ

[1]) Съ этого года начинаются записи посольскихъ сношеній съ Крымомъ въ древнѣйшей книгѣ крымскихъ дѣлъ, хранящейся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ („Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общества“, томъ 41). Самыя сношенія дипломатическія съ Крымомъ завязались раньше 1474 года; но союзъ съ нимъ состоялся позже этого года.

нападеній татарскихъ разбойничьихъ шаекъ, которыя рыскали по степи съ цѣлью перехватить и ограбить пословъ, везшихъ богатую казну въ Крымъ, а также купеческіе караваны, съ послами туда ѣздившіе, — не смотря на эти трудности, посланники, гонцы и гости великаго князя успѣвали въ большинствѣ случаевъ по-здорову доѣзжать до ханской резиденціи; въ случаѣ нужды они и сплою пробивались сквозь степь,—вступали въ открытую битву съ разбойниками татарскими. Въ виду важности поручаемаго дѣла, по причинѣ также трудностей пути, посланники великаго князя оставались въ Крыму по-дóлгу, иногда по году и больше, при чемъ одинъ посланникъ отъѣзжалъ обратно не раньше, какъ на его мѣсто пріѣдетъ изъ Москвы другой, вновь назначенный; такимъ образомъ, въ Крымской ордѣ въ XV вѣкѣ установилось нѣчто въ родѣ постояннаго резидентства московскаго, съ перемѣною только особъ посланниковъ. Задача, которая имъ ставилась отъ великаго князя, была постоянно одна и та же: поднимать хана на войну противъ короля польскаго, ни въ какомъ случаѣ не допускать между ними мира, внушать, что король есть общій Москвы и Крыма недругъ, которому слѣдуетъ всячески вредить... Задача проводилась настойчиво, послы объяснялись языкомъ твердымъ и самымъ откровеннымъ, когда дѣло шло о томъ, чтобы побудить хана на войну съ Польшей; однимъ проживаньемъ въ Крыму на глазахъ хана они даже безъ словъ напоминали ему смыслъ русской пословицы: „нанялся—продался“. Сверхъ этой главной задачи, посланникамъ поручалось собирать „вѣсти“ о положеніи дѣлъ какъ въ Крыму, такъ и въ сосѣднихъ странахъ: въ Золотой ордѣ, въ Турціи, въ Персіи, въ Литвѣ, въ Молдавіи, въ землѣ черкесовъ и на всемъ вообще Востокѣ. Крымъ, по его центральному положенію, былъ удобенъ для собиранія этихъ вѣстей со всего Востока, отчасти и Запада, представителями котораго въ Крыму были итальянскіе купцы, давно производившіе здѣсь торговлю. Добытыя вѣсти, иногда весьма важныя по содержанію и по соображеніямъ посланниковъ, сообщались въ Москву черезъ гонцовъ, бывшихъ въ распоряженіи посланниковъ всегда въ достаточномъ запасѣ; обратные же изъ Москвы гонцы привозили грамоты хану, или „памяти“ посланникамъ, то-есть, добавочныя инструкціи великаго князя. Такимъ образомъ, между Москвою и Бахчисараемъ, не смотря на трудности далекихъ путей сообщенія, въ XV вѣкѣ содержалась въ иные годы довольно частая и скорая почта, доставлявшая великому князю не мало политическихъ важныхъ свѣдѣній. Кромѣ собственно политиче-

скаго интереса, сношенія съ Крымомъ были еще важны въ торговомъ отношеніи; особый, значительный интересъ торговля съ Крымомъ получила послѣ того, какъ Іоаннъ закрылъ въ 1494 году нѣмецкій торговый дворъ въ Новгородѣ. Дѣлая разрывъ съ ганзейскимъ купечествомъ, великій князь естественно долженъ былъ, взамѣнъ сокращенія торговли въ одномъ краю, расширить ее въ другомъ, то-есть, на востокѣ и югѣ. Наиболѣе сильное торговое теченіе отнынѣ должно было направляться къ Черному морю на крымскіе рынки; тамъ должны были русскіе товары обмѣниваться на азіатскіе и европейскіе изъ разныхъ странъ свѣта. На Крымъ же пошла русская торговля съ заморскою Турціей: первое посольство, наряженное къ султану Баязету съ бояриномъ Плещеевымъ въ 1496 году, имѣло своимъ предметомъ установленіе правильныхъ торговыхъ сношеній Руси съ турецкими городами въ Крыму (Кафа, Азовъ) и въ самой Турціи заморской [1]). Для русскихъ купцовъ Кафа была тогда главнымъ торговымъ рынкомъ, сношенія съ коимъ начались еще до турецкаго взятія; въ турецкую же пору эти сношенія достигли наибольшаго развитія. Къ кафинскому султану, сыну и намѣстнику султана Баязета, обыкновенно ѣздили посланники великаго князя договариваться о дѣлахъ торговли съ подданными турецкими: какъ видно, въ первое время почти не чувствовалось надобности отправлять особыхъ посольствъ въ Царьградъ; сношенія съ турецкимъ султаномъ за первые годы были исключительно торговыя, а договориться о дѣлахъ и порядкахъ торговли можно было и съ кафинскимъ султаномъ, сыномъ турецкаго. Что касается Менгли-Гирея, то онъ ведетъ особую политику торговую и таможенную.

Возвращаемся къ дипломатическимъ собственно сношеніямъ. Мен-

---

[1]) Дѣло о первомъ русскомъ посольствѣ въ Турцію помѣщено среди крымскихъ дѣлъ въ „Сборникѣ Имп. Русск. Историч. Общества“, томъ 41, №№ 50 и 54. Второе посольство въ Турцію съ Александромъ Голохвастовымъ въ 1499 году описано тамъ же въ №№ 60 и 62. Гораздо больше описаній посольствъ въ Кафу по дѣламъ торговли; въ нихъ находится множество цѣнныхъ данныхъ о торговлѣ русскихъ купцовъ въ Крыму, въ крымской и заморской Турціи, о предметахъ, путяхъ и способахъ этой торговли: открывается цѣлый міръ своеобразныхъ восточныхъ отношеній и западныхъ! Заслуживаютъ вниманія данныя о многихъ фрягахъ, ѣздившихъ изъ Крыма или черезъ Крымъ въ Москву, въ качествѣ купцовъ и мастеровъ, имѣвшихъ поступить на службу великому князю: сдается, что эти ловкіе, предпріимчивые выходцы изъ разныхъ городовъ Италіи были не безъ вліянія на закрытіе ганзейскаго двора въ Новгородѣ; во всякомъ случаѣ, это дѣло было къ выгодѣ ихъ.

гли-Гирей, съ своей стороны, охотно поддерживаетъ пересылки съ Москвой: онъ доволенъ, что получаетъ отъ московскаго союзника хорошіе поминки деньгами, драгоцѣнными мѣхами, сѣверными ловчими птицами и т. д. Ближайшіе къ нему совѣтники, знатные родомъ вельможи, также получаютъ, смотря по ихъ вліянію въ Крыму и по усердію къ службѣ великому князю, подарки отъ него; сверхъ того, князья, мурзы, уланы и всѣ казаки (рядовое войско татарское) имѣютъ не малый заработокъ отъ частыхъ воинскихъ набѣговъ на владѣнія короля польскаго, на что побуждала ихъ какъ московская политика, такъ и собственное корыстолюбіе; въ Крыму пока довольны такимъ положеніемъ дѣлъ и не разрываютъ союза съ Москвой. Черезъ пословъ и гонцовъ, которые ѣздятъ вмѣстѣ съ московскими или навстрѣчу имъ, ханъ проситъ великаго князя, во имя союза и дружбы, о помощи противъ Ахмата и его дѣтей; обмѣнивается съ великимъ княземъ взглядами на счетъ польско-литовскихъ отношеній; высказываетъ почти всегда готовность воевать короля и вмѣстѣ требуетъ „запроса“, то-есть, сверхъ-обычныхъ поминковъ, по условію посылаемыхъ изъ Москвы (хотя, конечно, не опредѣленныхъ точно по размѣру); запросъ является, какъ надбавка, единовременный подарокъ, или же иногда, какъ плата въ счетъ будущаго или какъ „пособіе“ хану при иныхъ случаяхъ, напримѣръ, при выдачѣ замужъ царевны [1]). Достойно замѣчанія, что царю иногда посылаются особые „потайные поминки“, кои вручаются ему не при публичной аудіенціи, что̀ называется въ крымскихъ дѣлахъ „посольство“ или „большое посольство“, а наединѣ, на приватной аудіенціи, гдѣ крымскіе вельможи не присутствовали: они не должны были знать ни про эти поминки, ни про тайныя рѣчи московскихъ посланниковъ; вѣроятно, эти поминки провозились тайно и отъ таможенниковъ ханскихъ [2]). Иногда этимъ тайнымъ поминкамъ противополагаются „девятные“ поминки, такъ названные, кажется, отъ числа тѣхъ главныхъ лицъ, коимъ прежде всѣхъ другихъ они слѣдовали, а именно: хану, его супругѣ Нуръ-салтанъ, брату, четверымъ сыновьямъ, да двумъ Ширинскимъ князьямъ, самымъ вліятельнымъ въ Крыму [3]). Иначе эти поминки называются „опришные“, то-есть, особо каждому вручавшіеся, сверхъ общихъ поминковъ. Вообще, полученіе хорошихъ поминковъ—это было самымъ

[1]) Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общества, томъ 41, стр. 211.

[2]) Тамъ же, стр. 386.

[3]) Какъ это видно изъ дѣла № 64, ближе—на стр. 311. Впрочемъ, не можемъ настаивать на такомъ объясненіи „девятныхъ“ поминокъ.

существеннымъ дѣломъ для Крыма. Далѣе, Менгли-Гирей не разъ справляется о положеніи своихъ братьевъ Нурдаулета, бывшаго хана крымскаго, лишеннаго власти Менгли-Гиреемъ, и Айдара, бѣжавшихъ изъ Крыма сначала въ Литву, а потомъ въ Москву: великій князь держалъ ихъ у себя на службѣ, выставляя это Менгли-Гирею знакомъ дружбы къ нему, чему тотъ однако не вполнѣ довѣрялъ: онъ подозрительно смотрѣлъ на это проживанье въ Москвѣ своихъ старшихъ братьевъ и замѣтно побаивался, какъ бы они не стали когда-нибудь орудіемъ въ рукахъ московскаго государя противъ него, хана [1]). Не разъ также ханъ и жена его, Нуръ-салтанъ, справляются —первый о своихъ пасынкахъ, а вторая о родныхъ себѣ сыновьяхъ Магметъ-Аминѣ и Абдылъ-Летифѣ, бывшихъ одинъ послѣ другаго царяхъ казанскихъ въ зависимости отъ московскаго государя: мать царица пишетъ трогательныя просительныя письма къ великому князю о своихъ дѣтяхъ, поручаетъ ихъ благосклонности его, проситъ учить ихъ уму-разуму и всякому добру; великій князь, по возможности, отвѣчаетъ ея желаніямъ и самъ искусно затрогиваетъ ея материнскія чувства, чтобы чрезъ нее подѣйствовать на ея сыновей и ея мужа, впрочемъ, относится къ ней вообще съ подобающимъ почетомъ; то была дѣйствительно почтенная царица, — набожная, умная и съ немалымъ характеромъ, — одна изъ болѣе примѣтныхъ татарскихъ царицъ того вѣка, имѣвшая свое вліяніе на установленіе добрыхъ отношеній своего мужа къ московскому государю: своими письмами къ нему, ласковыми и добродушными, она вноситъ долю сердечности въ отношенія этихъ государей; она называетъ себя „сестрой и бого-

[1]) Нурдаулетъ, потомъ сыновья его Сатылганъ и Джанай „царствовали“ одинъ за другимъ въ Касимовѣ на службѣ московской. Объ этихъ царяхъ касимовскихъ, о роли другихъ касимовскихъ царей, и вообще о татарскихъ отношеніяхъ въ XV — XVII вѣкахъ см. превосходный трудъ *В. В. Вельяминова-Зернова*: Изслѣдованіе о касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, часть I—IV (о трехъ названныхъ царяхъ—въ первой части). Крымскія дѣла за время Іоанна III заключаютъ нѣсколько новыхъ данныхъ для жизнеописанія Нурдаулета; такъ, напримѣръ, они позволяютъ опредѣлить время кончины Нурдаулета болѣе точно, чѣмъ это могло быть сдѣлано въ „Изслѣдованіи о касимовскихъ царяхъ“ (I, стр. 144 и 148): оказывается, что онъ былъ еще живъ въ 1501 году, когда его уланы, князья и казаки были посылаемы изъ Касимова, по приказанію великаго князя, противъ золотоордынскихъ царей Ахматовичей,—и только въ сентябрѣ 1503 года Іоаннъ увѣдомляетъ крымскаго хана, что брата его въ животѣ не стало; по желанію Менгли-Гирея, великій князь переправилъ къ нему тѣло покойнаго царя касимовскаго, въ сопровожденіи вдовы его (Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общ., томъ 41, стр. 370; 491; 544 и 553).

молицей" Іоанна (она побывала въ Меккѣ), смотритъ на него, какъ на члена своего семейства крымскаго и казанскаго [1]).

Такъ происходили сношенія крымскаго Менгли-Гирея съ Іоанномъ. Ихъ союзъ, конечно, основывался на болѣе прочномъ основаніи, чѣмъ такъ называемая „дипломатическая дружба"; ихъ соединяли общіе непріятели, хотя бы и не въ одинаковой степени для нихъ обоихъ опасные; съ другой стороны, перечитывая переписку Іоанна съ Менгли-Гиреемъ, нельзя не чувствовать въ ней тона нѣкоторой дѣйствительной дружбы этихъ государей, что̀ естественно при давности ихъ союза (лѣтъ около тридцати продолжавшагося), при готовности ихъ оказать всякую услугу другъ для друга, при постоянной обсылкѣ послами и гонцами, которые привозятъ отъ своихъ государей-довѣрителей „поклоны изъ дальней земли ближнимъ сердцемъ" или, по другому восточному же выраженію, „тяжелые поклоны съ легкимъ поминкомъ" [2]): это были не простыя рѣчи, разъ онѣ сопровождались соотвѣтственными дѣлами. Время союза Іоанна и Менгли-Гирея несомнѣнно было счастливѣйшее во всей исторіи отношеній Московскаго государства къ Крыму; по сравненію съ послѣдующими временами оно было, можно сказать, „золотымъ вѣкомъ". Искусная, твердая рука Іоанна направляла всѣ вообще татарскія отношенія къ пользѣ Россіи: Крымъ въ союзѣ, Казань въ зависимости, Ногайскія орды подъ вліяніемъ русскимъ, Золотая орда не страшна [3]),—противъ нея почти довольно однихъ служилыхъ татаръ касимовскихъ, сторожившихъ юго-восточную украйну отъ степи. Въ Москвѣ внимательно слѣдятъ за внутренними движеніями въ разныхъ ордахъ, обо всемъ во̀-время освѣдомляются и все направляютъ къ безопасности и къ

---

[1]) Дочь князя Темира, Нуръ-Салтанъ, бывшая вдова царя казанскаго Халиля, потомъ брата его Ибрагима, также царя казанскаго, отъ коего она имѣла выше названныхъ сыновей, она вышла въ третій разъ за крымскаго Менгли-Гирея; по *Карамзину*, этотъ бракъ заключенъ былъ около 1485 года (Исторія Госуд. Россійскаго, VI, примѣч. 297. Сравн. въ Изслѣдованіи о касимовскихъ царяхъ, ч. I, стр. 51—53). О пріѣздѣ ея въ Москву и Казань въ 1510 г. см. у *Карамзина*, Ист. Госуд. Россійскаго, VII, стр. 32 (по 5 изд.); несомнѣнно, что она пріѣзжала тогда съ примирительными намѣреніями, но, къ сожалѣнію, не успѣла поддержать уже пошатнувшійся союзъ.

[2]) Менгли-Гирей не разъ обмѣнивался подарками съ Іоанномъ: однажды онъ прислалъ своему другу перстень съ „инорогомъ" въ качествѣ талисмана: Сборникъ Русск. Историч. Общества, 41, стр. 476.

[3]) Ее почти добилъ крымскій ханъ въ 1502 году (тамъ же, стр. 420, и всѣ вообще дѣла подъ 1502 годомъ).

выгодѣ государства; весь татарскій міръ степной былъ сдержанъ, либо служилъ видамъ московскаго государя, рука котораго дѣйствительно была „высока надъ поганствомъ“, — скажемъ собственнымъ выраженіемъ Іоанна [1]).

II.

Съ кончиною Іоанна (въ октябрѣ 1505 г.) дѣла сразу сильно измѣнились. Въ Крыму стали брать силу внушенія и домогательства польской дипломатіи, сопровождаемыя доставкою богатыхъ помин-

---

[1]) Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общества, томъ 35, стр. 351. Главный и самый богатый источникъ для исторіи крымскихъ и вообще татарскихъ и восточныхъ отношеній при Іоаннѣ III суть дѣла крымскія и ногайскія первыхъ лѣтъ: Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общества, томъ 41-й (въ немъ же отчасти дѣла по сношенію съ Кафою и Цареградомъ, какъ было сказано, съ Казанью также и Золотою ордой; были еще особыя посольскія книги казанскія, или „казанскія тетрати“, какъ онѣ называются въ „Сборникѣ“ на стр. 376; но онѣ не уцѣлѣли до настоящаго времени). Томъ 35-й „Сборника“, обнимающій посольскія сношенія Московскаго государства съ Польско-литовскимъ за время Іоанна III и Василія III, содержитъ въ себѣ не мало данныхъ также о крымскихъ и турецкихъ отношеніяхъ. Съ дѣлами крымскими и польскими важно сопоставить посольскія дѣла по сношеніямъ съ Цезарскимъ дворомъ (Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными, изд. II-го Отдѣленія Собст. Е. И. В. Канцеляріи, томъ I) и хотя въ нихъ нѣтъ про крымскія собственно отношенія за время Іоанново, но они важны для общей характеристики политики Іоанна. — За время Іоанна III и его преемника Василія III крымскія дѣла документально излагаются въ трудѣ *Малиновскаго*: Историческое и дипломатическое собраніе дѣлъ, происходившихъ между Россійскими великими князьями и бывшими въ Крымѣ татарскими царями съ 1462 по 1533 годъ (*Записки Одесск. Общ. Истор. и Древн.*, томъ 5).—Начальныя сношенія съ Крымомъ Польско-литовскаго государства, записывавшіяся въ Литовской Метрикѣ, смотр. въ Сборникѣ Муханова, №№ 22—26 (по 2 изд.); въ Сборникѣ кн. Оболенскаго, № 1; въ Актахъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи, томы I и II; въ „Книгѣ посольской Метрики великаго княжества Литовскаго“, изд. Имп. Моск. Общ. Истор. и Древн. Росс. Москва, 1843 (первая книга, подъ редакціей князя Оболенскаго и Даниловича, заключаетъ много важныхъ документовъ по сношеніямъ съ Крымомъ Сигизмунда II Августа; вторая, подъ редакціей Погодина и Дубенскаго заключаетъ дѣла посольскія за время Стефана Баторія, но гораздо меньше имѣетъ документовъ по сношеніямъ крымскимъ).—Въ 53-мъ томѣ Сборника Русск. Истор. Общества (дѣла по сношенію съ Прусскимъ орденомъ въ 1516 — 1520 г.), особенно же въ 59-мъ томѣ того же Сборника (дѣла по сношеніямъ съ Польско-литовскимъ государствомъ въ 1533—1560 г.) есть не мало данныхъ и про крымскія отношенія. Всѣ названные томы Сборника изданы подъ редакціей покойнаго Г. Ѳ. Карпова.

ковъ въ Крымъ, о союзѣ противъ Москвы. Самъ Менгли-Гирей, на десять лѣтъ пережившій своего московскаго друга, отшатнулся отъ союза съ Москвой: новый великій князь Василій Іоанновичъ естественно не имѣлъ въ его глазахъ отцовскаго авторитета; при томъ Менгли-Гирей подъ старость одряхлѣлъ, уже не могъ сдерживать ни своихъ буйныхъ сыновей, рвавшихся въ набѣги, ни своихъ вельможъ, клонившихъ въ польскую сторону. Можетъ быть, въ Крыму, въ послѣдніе годы жизни Іоанновой, стали чувствовать нѣкоторую стѣснительность вліянія Москвы; можетъ быть, иные посланники покойнаго государя не всегда умѣли соблюсти должную мѣру въ обращеніи съ татарами, то-есть, при твердости и настойчивости въ своихъ требованіяхъ не всегда имѣли то качество, которое называется на дипломатическомъ языкѣ того времени „гладость“, что̀ значитъ искусство мягкаго, утонченнаго обращенія; или же, наконецъ, крымцы просто хотѣли испробовать, не будетъ ли для нихъ выгоднѣе польскій союзъ, благо что его настойчиво и за богатые поминки предлагаютъ. Какъ бы то ни было, союзъ Польши съ Крымомъ противъ Москвы состоялся. Съ той поры начинаются набѣги крымцевъ на московскую украйну, грубое, иногда прямо варварское обхожденіе съ посланниками московскими, перерывъ на цѣлые годы дипломатическихъ и всякихъ иныхъ сношеній между Москвою и Крымской ордой; когда же сношенія возобновятся, начинается унизительный „аукціонъ“ въ Крыму: какая сторона, московская или польская, дастъ больше поминковъ, та и будетъ имѣть за себя, или по крайней мѣрѣ не противъ себя, Крымскую орду, точнѣе сказать—будетъ болѣе свободна отъ татарскихъ набѣговъ, ибо вѣроломные и жадные крымцы, разнуздавшіеся при безнаказанности за свои безчинства, не стѣснялись нападать въ одно время и на Московское государство, и на Польское, не обращая вниманія ни на какіе клятвенные договоры, ни даже на получаемые поминки.

Два великія славянскія государства, Московское и Польско-русское, терпѣли отъ нападеній сравнительно небольшой орды татарской, какъ терпятъ отъ оводовъ два горячіе коня, бѣгущіе въ жаркій лѣтній день, въ тяжелой упряжи: кони бѣгутъ все впередъ, да впередъ по длинной дорогѣ; они запряжены вмѣстѣ, но смотрятъ врозь, иногда сближаются какъ будто съ намѣреніемъ тянуть дружнѣе, но тотчасъ опять начинаютъ смотрѣть врозь, тянуть каждый въ свою сторону, даже норовятъ ударить другъ друга; въ это время рои безобразныхъ слѣпыхъ оводовъ преслѣдуютъ коней, кусаютъ ихъ, гдѣ попало,

и пьютъ благородную кровь, а кони бѣшено мчатся, да другъ съ другомъ бьются.

Но отложимъ сравненія, послушаемъ, что говоритъ трезвый умный дипломатъ объ отношеніяхъ къ Крыму Московскаго государства и Польскаго и о взаимныхъ отношеніяхъ ихъ между собой. Австрійскій посолъ, баронъ Герберштейнъ, два раза пріѣзжавшій въ Москву, въ княженіе Василія Іоанновича, между прочимъ съ цѣлію посредничества при замиреніи великаго князя и короля Сигизмунда I Казимировича, записалъ въ своей знаменитой книгѣ слѣдующее замѣчаніе: „Послѣ истребленія царей астраханскихъ весьма усилилось могущество таврическихъ царей; они принудили и короля польскаго платить себѣ извѣстную сумму денегъ съ тѣмъ условіемъ, что онъ будетъ пользоваться ихъ содѣйствіемъ во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, и князь московскій частою присылкою даровъ старался привязать ихъ къ себѣ, потому что оба эти государя постоянно воюютъ между собою, каждый надѣется уничтожить противника при помощи татарскаго оружія; зная это, царь татарскій манитъ того и другаго государя пустою надеждой, принимая дары отъ обоихъ“ [1]) Такъ судилъ цезарскій посланникъ: и фактъ, и причина замѣчены имъ вѣрно; все зло крымскихъ отношеній происходило отъ этой роковой тяжбы двухъ государствъ, изъ коихъ одно, впрочемъ, исполняло свою жизненную дорогую задачу собиранія русскихъ земель вокругъ одного общаго центра; для достиженія этой высокой цѣли приходилось многое вытерпѣть, принести много тяжелыхъ жертвъ, въ томъ числѣ и жертвы для жадности крымскихъ татаръ.

Въ государствованіе великаго князя Василія Іоанновича и сына его царя Іоанна Васильевича крымцы произвели не одно опустошительное нашествіе на Россію, увели въ неволю многія тысячи русскаго народа [2]). При этомъ они дѣйствовали не по одной только жадности къ добычѣ, и не потому только, что ихъ поднимала Польша

---

[1]) Записки о Московіи (Rerum Moscoviticarum Commentarii) переводъ *Анонимова*, стр. 155. Вся глава о татарахъ у Герберштейна очень важна по содержанію: свѣжія, обстоятельныя свѣдѣнія! Критическій разборъ этихъ свѣдѣній о татарахъ смотри въ книгѣ *Е. Е. Замысловскаго*, Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи (глава XLIV).

[2]) Нѣсколько данныхъ и соображеній по предмету крымскихъ набѣговъ на Россію мы собрали въ рефератѣ: Русскіе плѣнники и невольники въ Крыму (Труды VI Археологическаго Съѣзда въ Одессѣ, томъ 2).

на войну съ Московскимъ государствомъ, но еще по своимъ особымъ видамъ: крымскіе ханы поддерживаютъ тогда постоянныя сношенія съ Казанью, хотятъ тамъ поставлять въ ханы своихъ родичей, что иногда имъ дѣйствительно удается: въ Казани, въ первую половину XVI вѣка (или вторую половину ея зависимаго отъ Москвы существованія) успѣли царствовать двое царей изъ крымскаго дома— Саипъ-Гирей и Сафа-Гирей, поддержанные крымскою стороной въ Казани [1]): эта сторона, клонившаяся къ союзу съ Крымомъ, существовала въ Казани за все это время, на ряду съ другою партіей, которая хотѣла держаться Москвы: борьба обѣихъ партій продолжалась вплоть до взятія Казани русскою силой въ 1552 году.

Это великое событіе, коимъ означалось торжество христіанства надъ мусульманствомъ, русской гражданственности надъ азіатскимъ полуварварствомъ, имѣло ближайшимъ слѣдствіемъ покореніе Астрахани, татарскаго владѣнія на развалинахъ Золотой орды, усиленіе русскаго вліянія надъ Ногайскими ордами [2]), а затѣмъ распространеніе этого вліянія за Уралъ, гдѣ покорено татарское царство Сибирское, на Прикавказье, Закавказье, и далѣе, внутрь Азіи: перевѣсъ надъ татарскимъ міромъ очевидный, значительный!

Крымскіе ханы оказали только слабую попытку помѣшать московскому царю при покореніи Казани и Астрахани; когда событія уже совершились, они начинаютъ выражать притязанія на обратную имъ уступку покоренныхъ царствъ татарскихъ; но само собою разумѣется, что въ Москвѣ не обращали никакого серьезнаго вниманія на подобныя притязанія крымскихъ Гиреевъ. Напротивъ того, въ это время, то-есть, въ ближайшіе годы послѣ покоренія Казани и Астрахани, нѣкоторые совѣтники побѣдоноснаго царя предлагали ему завоевать вмѣстѣ и Крымъ, благо что обаяніе русскаго имени было сильно надъ умами татарскими; при томъ крымскіе и ногайскіе татары испытывали какъ разъ въ это время бѣдствія голода и мора. Вотъ какъ разсуждаетъ по этому дѣлу князь Курбскій въ исторіи Іоанна Грозн-

---

[1]) Не считаемъ малолѣтняго сына Сафа-Гиреева, младенца Утемишъ-Гирея, котораго въ Казани также провозгласили было царемъ, подъ опекою матери его Сююнбеки, дочери князя ногайскаго Юсуфа. Разказъ о нихъ, трогательный и добродушный, см. у *Карамзина*: VIII, 73—79).

[2]) „Чья будетъ Астрахань, Волга и Яикъ, того будетъ и вся Ногайская орда“,—говорили сами ногайцы: *Соловьевъ*, Истор. Россіи, VII, стр. 358. Объ отношеніяхъ ногайскихъ татаръ къ Москвѣ см. спеціальное изслѣдованіе *Г. И. Перетятковича*, Поволжье въ XV и XVI вв. Москва. 1877

наго: „Тогда время было надъ басурманы христіанскимъ царемъ мститися за многолѣтнюю кровь христіанскую, безпрестаннѣ проливаему отъ нихъ, и успокоити себя и отечество свое вѣчнѣ. И нашему тогда цареви совѣтницы нѣкоторые, мужіе храбрые и мужественные, совѣтовали и стужали, да подвигнется самъ своею главою съ великими войски на Перекопскаго царя, времени на то зовущу и Богу на сіе подвижущу... Но нашъ царь о семъ тогда мало радяше, аще и едва послалъ съ пять тысящей всего воинства, съ Вишневецкимъ Дмитромъ, Днѣпромъ рѣкою на Перекопскую орду, а на другое лѣто съ Даниломъ Адашевымъ и съ другими стратилаты съ осмь тысящей также водою послалъ... Мы же паки о семъ и паки царю стужали и совѣтовали; или бы самъ потщился итти, или бы войско великое послалъ въ то время на орду. Онъ же не послушалъ, прекаждающе намъ сіе и помогающе ему ласкателіе [1]), добрые и вѣрные товарищи трапезъ и кубковъ, и различныхъ наслажденій друзи [2])“.

Мы привели въ подлинникѣ эту страницу изъ книги Курбскаго, какъ образчикъ сужденій одной партіи царскихъ совѣтниковъ по крымскому вопросу. Изъ этихъ словъ князя Курбскаго видно, что въ царской думѣ было довольно крупное разногласіе по крымскому дѣлу: одни, какъ самъ авторъ, причисляющій себя къ храбрымъ и мужественнымъ совѣтникамъ, высказывались за наступательныя дѣйствія противъ Крыма, и при томъ большимъ войскомъ; другіе же не одобряли такихъ предпріятій. Царь Іоаннъ Васильевичъ раздѣлялъ мысль послѣднихъ.

Какой же совѣтъ былъ лучше, полезнѣе для дѣла? И справедливо ли князь Курбскій обвиняетъ несогласныхъ съ нимъ по крымскому вопросу товарищей и самого царя въ „нерадѣніи“ будто бы по сему дѣлу? Вспомнимъ нѣсколько фактовъ, сюда относящихся.

Года три спустя послѣ покоренія Казани, и за годъ до окончательнаго подчиненія Астрахани, гдѣ крымцы старались противодѣйствовать русскому вліянію, какъ и раньше въ Казани,—въ Москвѣ въ 1555 году были получены вѣсти, что ханъ Девлетъ-Гирей соби-

---

[1]) Нужно читать: „прекаждающимъ и помогающимъ“ и т. д., то-есть—въ формѣ дательнаго самостоятельнаго падежа.

[2]) Сказанія князя Курбскаго, изд. 2-е, стр. 63—64. Кромѣ второй главы Исторіи, у Курбскаго много интересныхъ замѣчаній объ отношеніяхъ крымскихъ и татарскихъ вообще разсѣяно въ другихъ мѣстахъ книги: стр. 49—52; 61—65; 67; 98—101; 231—232.

рается въ походъ на пятигорскихъ черкесовъ, недавно ставшихъ московскими подданными. По этимъ вѣстямъ было рѣшено отправить подъ Перекопъ, въ Мамаевы луга, 13-ти тысячный отрядъ подъ начальствомъ боярина Ивана Васильевича Шереметева-Большого промышлять надъ крымцами: отбивать у нихъ стада и мѣшать ихъ движеніямъ въ сторону Прикавказья и Астрахани. Изъ Бѣлева Шереметевъ выступилъ по Муравской дорогѣ, но, находясь близъ Святыхъ горъ и Донца, узналъ отъ станичниковъ и сторожей, что ханъ распустилъ ложный слухъ, будто идетъ на черкесовъ; на самомъ дѣлѣ отъ Изюмскаго кургана онъ поворотилъ на сѣверъ и быстро пошелъ къ Тульской Украйнѣ: „царемъ бо бусурманскимъ есть обычай издавна инуды лукъ потянуть, а инуды стрѣлять“, прибавляетъ по этому случаю характерную пословицу князь Курбскій. Тогда Шереметевъ, не теряя времени, быстро пошелъ вслѣдъ татарамъ, сначала отбилъ отъ нихъ обозъ, а потомъ настигъ самого хана на Судьбищахъ [1]) и далъ ему битву, два дня продолжавшуюся. Шереметевъ геройски бился съ татарами, гораздо болѣе многочисленными, до тѣхъ поръ пока не былъ раненъ, послѣ чего отрядъ его замѣшался, но не былъ окончательно разбитъ: оставшіеся храбрецы укрѣпились въ одномъ буеракѣ и отбили всѣ приступы хана; узнавъ о движеніи отъ Тулы на встрѣчу себѣ самого царя, ханъ поспѣшно обратился въ бѣгство, дѣлая верстъ по 70-ти на день. Таково было первое предпріятіе, первая попытка наступательныхъ дѣйствій противъ Крымской орды. Хотя царь Іоаннъ Васильевичъ не былъ доволенъ всѣмъ этимъ дѣломъ и посмотрѣлъ на битву Шереметева при Судьбищахъ, какъ на безполезную трату людей [2]), тѣмъ не менѣе и въ слѣдующіе годы наступательныя дѣйствія противъ Крыма продолжаются. Такъ, въ 1566 году изъ Путивля на низовье Днѣпра

---

[1]) И нынѣ существующее село Судьбищи находится верстахъ въ 150-ти отъ губернскаго города Тулы, а отъ уѣзднаго города Новосиля верстахъ въ 38-ми, на большой ефремовской дорогѣ.

[2]) Впослѣдствіи онъ писалъ кн. Курбскому: „О Иванѣ же Шереметевѣ что глаголати? Еже по вашему (боярскому) злосовѣтію, а не по нашему хотѣнію, случися таковая пагуба православному христіанству“ (Сказанія кн. Курбскаго, стр. 200; сравн. слова Курбскаго на стр. 52-й о томъ, что царь по совѣту храбрыхъ воеводъ, отвергнувъ совѣтъ боязливыхъ, выступилъ противъ хана къ Тулѣ). Битва при Судьбищахъ описана въ лѣтописи по Никонову списку, часть VII, стр. 241—244; сравн. стр. 49—52. Дополненный по другимъ источникамъ разказъ можно читать у *Карамзина*, VIII, 147—149, у *Соловьева*, VI, 137—139, и у *Барсукова*, Родъ Шереметевыхъ, кн. I, глава XII.

выступилъ съ горстью казаковъ дьякъ Ржевскій: придя на рѣку Псёлъ, онъ построилъ нѣсколько судовъ и спустился на нихъ въ Днѣпръ. Цѣль его была собственно добыть языковъ и вѣстей о движеніяхъ крымцевъ; но когда къ нему добровольно присоединились сотни три малороссійскихъ казаковъ, то мужественный дьякъ началъ дѣйствовать съ ними противъ татаръ: подступалъ къ ихъ укрѣпленіямъ на Днѣпрѣ (Исламъ-Кермень, Воламъ-Кермень, Очаковъ), отбилъ нѣсколько стадъ, не разъ дрался съ татарами и турками и, успѣшно отбившись отъ ихъ преслѣдованій, воротился домой; поискъ былъ очень удачный. Въ то же время на Дону дѣйствуетъ другой также незначительный отрядъ подъ начальствомъ Чулкова, который также тревожитъ татаръ и турокъ въ сторонѣ подъ Азовомъ [1]). Еще болѣе важны были дѣйствія вождя малороссійскихъ козаковъ, каневскаго старосты, князя Дмитрія Ивановича Вишневецкаго, бившаго челомъ царю о принятіи его изъ литовскаго подданства въ московское: онъ взялъ укрѣпленіе Исламъ-Кермень и основалъ на островѣ Хортицѣ свою сильную крѣпость, откуда грозилъ „запереть“ татаръ въ Крыму; но ханъ скоро сообразилъ опасность, оцѣнилъ важность занятаго казаками пункта на Днѣпрѣ и съ помощію турокъ постарался выбить казаковъ съ Хортицы (1557 г.). Въ слѣдующемъ году Вишневецкій, пожалованный между тѣмъ въ помѣстье городомъ Бѣлевомъ, снова былъ посланъ съ пятитысячнымъ отрядомъ на Днѣпръ: слѣдствіемъ похода было то, что Девлетъ-Гирей не посмѣлъ выйдти изъ Крыма. На слѣдующій 1559-й годъ тотъ же Вишневецкій дѣйствовалъ на Дону съ пятитысячнымъ же отрядомъ, а въ крымскую сторону былъ отправленъ съ восьмитысячнымъ войскомъ окольничій Данило Ѳедоровичъ Адашевъ: изъ городка на Псёлѣ онъ поплылъ въ Днѣпръ на ладьяхъ, спустился въ море и проникъ въ самый Крымъ: опустошилъ его западное побережье, вывелъ многихъ русскихъ плѣнниковъ, навелъ такой страхъ на крымцевъ, что тѣ едва могли собраться вокругъ хана,

[1]) О дѣйствіяхъ дьяка Ржевскаго (Матвѣя Ивановича, стрѣлецкаго головы)— въ Лѣтописи по Никонову списку, VII, стр. 262—264; 266; 272. О совмѣстныхъ его дѣйствіяхъ на Днѣпрѣ съ Вишневецкимъ въ 1558 году тамъ-же на стр. 308—309. Еще о порученіи ему—тамъ-же стр. 287. Позже Ржевскій былъ намѣстникомъ въ Черниговѣ и Ряжскѣ: Древн. Росс. Вивліоѳ. XIII, 287; 324 и 454; Сборн. И. Р. Ист. Общества, т. 59, стр. 598.—И раньше казаки изъ Путивля, Новгорода-Сѣверскаго и Чернигова ходили на улусы крымскіе, чинили не малый вредъ татарамъ, по признанію сихъ послѣднихъ и польскаго правительства: Книга Посол. метрики вел. княж. Литовскаго, изд. кн. Оболенскаго, стр. 26, актъ отъ 1545 г. Примѣръ развѣдочной и сторожевой службы тѣхъ же казаковъ позже, именно въ 1589 г., см. у Соловьева, И. Р. VII, стр. 386—388.

чтобы преслѣдовать русскихъ на обратномъ пути; впрочемъ, преслѣдователи не посмѣли напасть на Адашева, когда тотъ остановился у Днѣпровскихъ пороговъ [1]). Въ то же время самъ государь готовился выступить въ поле за Оку противъ татаръ при первомъ извѣстіи объ ихъ движеніи: „велѣлъ государь—говорится въ Разрядахъ того года—слузѣ князю Михайлѣ Ивановичу Воротынскому итти на Коширу, а съ Коширы итти на Дѣдиловъ, а съ Дѣдилова на поле мѣстъ смотрѣть, гдѣ царю и великому князю стояти“ [2]). Но царскій походъ за Оку не состоялся, да въ немъ и не было настоятельной надобности въ это время: крымскій ханъ сталъ гораздо сдержаннѣе, боялся теперь нападать на Московское государство; онъ самъ теперь очутился въ положеніи обороняющагося и сталъ больше сговорчивъ и склоненъ къ миру. Вотъ, напримѣръ, въ какомъ тонѣ повѣствуетъ лѣтопись подъ 1556 годомъ, подъ мѣсяцемъ декабремъ (слѣдовательно, послѣ предпріятій Шереметева и Ржевскаго), о дѣлахъ крымскихъ: „Писалъ царь Дивлетъ-Кирей ко царю и великому князю, что онъ уже всю безлѣпицу оставилъ, а царь бы и великій князь помирился съ нимъ крѣпко; и пословъ бы промежъ собою добрыхъ послати, которые бы могли промежъ ихъ любовь сдѣлати, и было бы кому вѣрити. А посолъ царя и великого князя Ѳедоръ Загряжской писалъ [3]), что царь (Крымскій) сбирался во все

[1]) О дѣйствіяхъ Вишневецкаго на Днѣпрѣ и на Дону см. въ Лѣтописи по Никон. сп. VII, стр. 272—273; 284; 292—296; 308—309; въ Разрядахъ тѣхъ лѣтъ: Древн. Росс. Вивліоѳика XIII, 260; 263; 288; въ Литовской Метрикѣ, изд. кн. Оболенскаго, на стр. 130; 135; 136—140; 142—143; 158—159. Сравн. въ Сборникѣ Русск. Истор. Общества, т. 59, стр. 542—543 и 585, гдѣ говорится о войскѣ будто бы въ тридцать тысячъ, данномъ Вишневецкому какъ на Днѣпръ, такъ и на Донъ: это число войска несомнѣнно очень сильно преувеличено. Разрядъ крымскаго похода Адашева 1559 года — въ Древ. Росс. Вивліоѳикѣ XIII. 286 — 287. О городкѣ на устьѣ Псёла, откуда Адашевъ выѣхалъ на низовья Днѣпра, тамъ же стр. 286; сравн. еще стр. 304 и 308. О значеніи этого городка для Московскаго государства въ его предпріятіяхъ на Крымъ замѣчательно судили въ Польшѣ: Литов. метрика, изд. кн. Оболенскимъ, стр. 135 и 139. Дополненный по инымъ источникамъ разказъ о дѣйствіяхъ Вишневецкаго и Адашева (Сказанія Курбскаго, Архивская лѣтопись и др.) см. у *Карамзина*, VIII, 154—157; 179—182, и у *Соловьева* VI, 139—144.

[2]) Древн. Росс. Вивліоѳика, XIII, 288; срав. слѣд. стр. до 296.

[3]) „Ханъ съ честію отпустилъ посла Загряжскаго въ 1558 году, державъ его у себя пять лѣтъ, какъ плѣнника“, замѣчаетъ *Карамзинъ* (VIII, 156). Вѣрнѣе сказалъ *Соловьевъ*, что московскій посолъ жилъ все это время въ Крыму „по обычаю“: VI, 141. Конечно, онъ имѣлъ нужду жить въ Крыму для разныхъ представленій хану, для убѣжденія его къ миру, для собиранія вѣстей и т. п.

лѣто, и у турскаго помочи просилъ; а чаялъ на себя приходу въ Крымъ царя и великого князя“ [1]). И дѣйствительно, если не самъ царь, то воеводы его продолжаютъ наступать на Крымъ; предпріятія Вишневецкаго и Адашева еще болѣе напугали татаръ. Изъ Москвы основательно говорили хану, чтобы онъ отказался отъ „безлѣпицы“, то-есть, неумѣстныхъ притязаній на ежегодную дань, да на уступку Казани и Астрахани: вѣдь теперь русскіе узнали дорогу въ Крымъ и полемъ и моремъ...

Такъ велась пятилѣтняя война Московскаго государства съ Крымомъ, первая открытая война между ними! Покоритель царствъ Казанскаго и Астраханскаго не оставилъ взять возможныя мѣры и противъ Крымской орды. Эти мѣры были правильны: война небольшими легкими отрядами, „казацкимъ обычаемъ“, да при помощи казаковъ была вполнѣ удобна, какъ разъ пригодна для того чтобы удерживать татаръ въ Крыму; легкіе отряды быстро нападали и отступали въ степи и по рѣкамъ, тревожили непріятеля, причиняли ему посильный вредъ и, во всякомъ случаѣ, сторожили его движенія, могли обо всемъ, происходящемъ въ Крыму, своевременно увѣдомлять воеводъ, стоявшихъ съ большими отрядами въ украинскихъ городахъ (заокскихъ) и по берегу Оки: тамъ во всякую пору были готовы встрѣтить и отразить хана, еслибы тотъ вздумалъ пуститься въ набѣгъ. Иное дѣло было бы наступленіе на Крымъ большаго войска, что̀ такъ настойчиво совѣтовали Іоанну іерей Сильвестръ, братья Адашевы, князь Курбскій, Шереметевъ и другіе единомысленные съ ними члены царской думы. Чѣмъ больше войско съ необходимымъ при немъ обозомъ, тѣмъ больше оно затрудняло бы само себя движеніемъ чрезъ степь, тѣмъ скорѣе оно могло очутиться въ опасномъ положеніи отъ безкормицы и безводія, отъ разныхъ неудобствъ и непредвидимыхъ случайностей далекаго похода сквозь рѣдко населенныя, или совсѣмъ даже безлюдныя пространства. Но предположимъ, что большое войско московское достигло бы, послѣ всѣхъ усилій и потерь, до Крыма и внутрь его: что же будетъ потомъ? Надобно будетъ удерживать завоеванный край, оборонять его прежде всего отъ тѣхъ же татаръ, которыхъ вѣдь можно было выгнать изъ полуострова, но не истребить вовсе; они даже заранѣе сами могли оставить Крымъ, отбѣжать въ любую сторону степи, а затѣмъ нападать на русскихъ какъ на пути ихъ къ Крыму, такъ и въ самомъ

[1]) Лѣтоп. по Никонов. списку VII, стр. 275—276.

Крыму; они имѣли бы полную возможность нападать также на всякіе отряды, обозы и караваны, которые стали бы ходить изъ Москвы въ подкрѣпленіе крымскимъ гарнизонамъ: легко ли было бы Московскому государству поддерживать постоянныя сообщенія съ завоеваннымъ вновь краемъ чрезъ степь? А затѣмъ надобно было бы готовиться къ упорной многолѣтней войнѣ съ Турціей; она, конечно, не уступила бы даромъ сѣверныхъ Черноморскихъ береговъ, къ которымъ имѣла вполнѣ удобный доступъ чрезъ море, располагая нѣкоторымъ флотомъ галернымъ, хоть не важнымъ по качеству, но все-таки достаточнымъ для того, чтобы переправить въ Крымъ большое войско гораздо скорѣе и удобнѣе, чѣмъ могло это сдѣлать Московское государство чрезъ степь: своевременно ли, по средствамъ ли было бы Московскому государству начинать войну съ Турціей, въ тотъ вѣкъ очень сильною? Да! Іоаннъ Грозный былъ правъ, отказываясь отъ наступленія на Крымъ большими войсками. Еслибы даже онъ не задался мыслію о пріобрѣтеніи Балтійскаго моря и съ этою цѣлію не началъ ливонской войны, еслибы онъ чувствовалъ себя вполнѣ безопаснымъ со стороны западнаго сосѣда, Польши и могъ бы направить всѣ силы государства на югъ для войны турецкой, то и въ такомъ даже случаѣ успѣхъ и польза этой войны были бы сомнительны для Россіи того вѣка. Не время еще было ей воевать съ Турціей [1]).

Какъ бы то ни было, царь Іоаннъ Васильевичъ обратилъ свое вниманіе въ это время на Балтійское поморье. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто того чтобы расширяться все далѣе внутрь азіатскаго міра, не

---

[1]) Вполнѣ раздѣляемъ соображенія по этому предмету *Соловьева*: Исторія Россіи VI, стр. 144—146. Въ нихъ дана вмѣстѣ и критика на воззрѣнія князя Курбскаго и Карамзина (Ист. Гос. Росс. VIII, стр. 155—157, 179—182). Въ новомъ трудѣ по отечественной исторіи *Д. И. Иловайскаго* поддерживается взглядъ Курбскаго и Карамзина на крымскія отношенія того вѣка (Ист. Россіи III, стр. 218—219; прим. 36). Откровенно признаемся многоуважаемому автору, что не можемъ согласиться съ нимъ по этому предмету: по нашему посильному разумѣнію, князь Курбскій и его товарищи впадали въ важную политическую ошибку, когда совѣтовали царю большой крымскій походъ. Пускай были нѣкоторыя благопріятныя условія для этого похода, напримѣръ, одушевленіе, овладѣвшее русскими для борьбы съ татарами, или движеніе черкесовъ въ сторону Россіи отъ Крыма; пускай вѣрно и то, что походъ на Крымъ хотя и трудный не былъ совсѣмъ не возможенъ; однако же неблагопріятныхъ и затрудняющихъ условій было еще больше. А главное, сомнительны были бы послѣдніе результаты войны съ Крымомъ и Турціей. Все дѣло—въ этой стихійной силѣ степи!

полезнѣе-ли было войдти въ ближайшее соприкосновеніе съ міромъ европейскимъ? Итакъ, Грозный началъ ливонскую войну, для которой имѣлъ достаточно важныя причины и справедливые поводы. А чтобы лучше обезопасить себя съ запада и юга, царь рѣшилъ испробовать, не удастся-ли ему порвать союзъ Польши съ Крымомъ и крѣпче помириться съ королемъ Сигизмундомъ Августомъ. Съ этою цѣлію въ началѣ ливонской войны онъ отправилъ къ королю своего дворянина Романа Олферьева съ грамотой о мирѣ, о вредѣ вражды между христіанскими государствами, о злѣ кровопролитія отъ бусурманъ [1]). По словамъ посланника, царская мысль была съ удовольствіемъ принята въ Литвѣ; посланника вездѣ встрѣчали съ почетомъ, съ радостью всѣмъ очень нравилась мысль о вѣчномъ мирѣ, всѣмъ очень тяжелы были татарская назойливость, вѣроломство, корыстолюбіе, особенно послѣ того какъ Подолія, не дальше какъ въ предыдущемъ году, потерпѣла татарскій набѣгъ, не смотря на союзническія отношенія между Крымомъ и Польшей. Слышались такія рѣчи литовскихъ пановъ: „добро, чтобы между государей былъ миръ и согласье, и на бусурманы-бъ стояли заодинъ; въ бусурманскихъ государѣхъ которые правды хотѣть? Государь нашъ, король христьянской, посылаетъ къ нему (крымскому хану) великіе дары, и къ царевичу, и его мурзы и князи жалуетъ, посылаетъ къ нимъ свое великое жалованье, казну, и здѣсь пословъ его и людей пословыхъ жалуетъ великимъ своимъ жалованьемъ и доводитъ,—и ничѣмъ его не утѣшитъ, всегды измѣняетъ.... Татаромъ гдѣ слаблѣ (то-есть, слабѣе), тутъ болѣ приставаютъ; и на Москвѣ то бывало, что имъ давывали, и какъ имъ не стали давать, и они не такъ приставаютъ“. Но слышались еще и такія рѣчи, не столь гладкія: „перекопскій—посаженикъ турскаго, а турской съ государемъ съ нашимъ помирился до семи колѣнъ; и государю нашему съ вашимъ государемъ стати на крымского за одинъ есть за что за его неправду; изгонити его съ Крыму не хитро такимъ государемъ [2]); да надобеть правда: турской у государя нашего въ сусѣдѣхъ, и турскому за то не молчать, недружба ему мстить крымскаго государю нашему, и государя нашего станетъ съ него [3]), да лихи вы, вѣрить

---

[1]) Сборникъ И. Рус. Ист. Общ., т. 59, стр. 539. Грамота, судя по слогу, писана самимъ царемъ, или съ его словъ. Грамота написана для перваго разу только въ общихъ выраженіяхъ и не касается частныхъ условій мира.

[2]) Замѣчательное признаніе!

[3]) То-есть, силъ у польскаго короля достанетъ для борьбы съ султаномъ, если тотъ вступится за крымскаго хана.

нельзя, ничѣмъ васъ не утѣшить; то государя вашего правда-ли: со государемъ нашимъ въ миру, а на государя нашего землѣ велитъ Вишневецкому городы ставити?“ [1]). Правда, на предложеніе Іоанна чрезъ Олферьева король Сигизмундъ Августъ отвѣчалъ неоднократными посольствами въ Москву; но эти посольства не привели ни къ чему, практически годному: обѣ стороны оставались, какъ и сначала, при добрыхъ чувствахъ да пожеланіяхъ мира, а когда дѣло дошло до опредѣленія условій его, то условія оказались не сходными для обѣихъ сторонъ. Уполномоченный отъ государя вести переговоры А. Ѳ. Адашевъ заявилъ польскимъ посланникамъ, что ради мира государь не будетъ требовать отъ короля своей вотчины Кіева; въ отвѣтъ на это королевскіе посланники стали требовать Смоленска и всѣхъ пріобрѣтеній, какія сдѣлало Московское государство на счетъ Литвы въ княженія Іоанна III и Василія III [2]). Сверхъ того, Польша оскорбительно медлила признать царскій титулъ Іоанна. Со стороны Польши, далѣе, не разъ выражалось неудовольствіе на дѣйствія князя Вишневецкаго въ низовьяхъ Днѣпра, на королевской-де землѣ. Напрасно въ Москвѣ возражали, что Днѣпръ въ его нижнемъ теченіи не принадлежитъ Польшѣ, что тамъ онъ есть собственно „Божій“ (вольный, никому не принадлежащій) и что Вишневецкій, стоя тамъ съ русскими людьми, защищалъ противъ татаръ какъ московскую, такъ и польскую украйну: въ Польшѣ не хотѣли этого слышать и повторяли упреки, что царь поступаетъ несправедливо, позволяя Вишневецкому воевать на польской землѣ. На самомъ дѣлѣ въ Польшѣ, конечно, поиспугались, что казацкій вождь предался московскому царю [3]). Наконецъ,—и это главное—Польша потребовала, чтобы царь

---

[1]) Сборн. И. Р. И. О., т. 59, стр. 548, № 35. Сравн. дѣла подъ №№ 36—38, относящіяся къ тому же вопросу о вѣчномъ мирѣ съ Польшей. Сравн. Лѣтопись по Никон. сп. VII, 301—302.

[2]) Сборникъ Р. И. О., т. 59, стр. 573. Сравн. рѣчи А. Ѳ. Адашева на стр. 572 и 579.

[3]) По всей вѣроятности, Польша приняла мѣры противъ дальнѣйшихъ попытокъ Московскаго государства дѣйствовать на нижнемъ Днѣпрѣ противъ татаръ съ помощію малороссійскихъ казаковъ; этимъ надобно объяснить, по нашему мнѣнію, то, что въ послѣдующее время уже нѣтъ предпріятій изъ Москвы противъ Крыма въ родѣ тѣхъ, что такъ успѣшно дѣлали Ржевскій, Вишневецкій, Адашевъ; въ противномъ случаѣ ничто, кажется, не мѣшало бы московскому правительству повторять и продолжать удачные опыты. Отмѣтимъ также, что царь жаловался королю въ 1559 году, что польскіе люди чинили многія обиды царскимъ людямъ въ Псёльскомъ городкѣ, въ этомъ опорномъ пунктѣ для преж-

прекратилъ воевать Ливонію, какъ страну, принявшую-де польское подданство. Ясно, что при такихъ условіяхъ мира между Россіей и Польшей не могло состояться; напротивъ того, ливонская война обратилась для Московскаго государства въ польскую войну, многолѣтнюю, упорную и несчастливую. Оказалось, что Грозный ошибся въ своихъ расчетахъ, потерпѣлъ тяжелую неудачу; на это были многія важныя препятствія, которыхъ всѣхъ нельзя было предвидѣть и устранить; но историкъ царствованія Іоанна Васильевича не можетъ не признать, что самый замыселъ его утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря, расширить свое государство въ эту европейскую сторону, а не въ азіатскую, къ берегамъ Азовскаго и Чернаго морей, былъ дѣльный, истинно полезный для Московскаго государства замыселъ.

Тяжба Россіи съ Польшей возобновилась,—и крымскіе татары снова очутились въ выгодномъ положеніи относительно обоихъ государствъ. Уже въ началѣ ливонской войны ханъ Девлетъ, почуявъ перемѣну въ отношеніяхъ Московскаго государства къ западнымъ сосѣдямъ заявилъ неумѣренные запросы: потребовалъ присылки казны въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ она посылалась Магметъ-Гирею I-му, иначе-де дружба будетъ не въ дружбу и правда не въ правду; если же ханъ повоюетъ короля польскаго, то московскій государь пусть будетъ давать еще ту же дань, какую ежегодно даетъ въ Крымъ Польша, и тогда-де будетъ крѣпкій миръ. Іоаннъ отказался исполнить такія требованія; онъ не отправилъ въ Крымъ новаго посланника (послѣ Загряжскаго); онъ былъ разсерженъ на хана, который-де поминки беретъ и присягу даетъ, но постоянно измѣняетъ; на этотъ разъ изъ Москвы былъ отправленъ простой гонецъ сказать хану, чтобы тотъ оставилъ безлѣпицу и многіе запросы [1]). Но спустя

нихъ предпріятій противъ Крыма, Сборникъ И. Р. И. О. (59, стр. 581). Что касается Вишневецкаго, то онъ покинулъ въ 1563 г. московскую службу, отъѣхалъ къ королю, потомъ въ Молдавіи попался въ плѣнъ и, выданный туркамъ, былъ преданъ отъ нихъ мучительной казни въ Цареградѣ (*Карамзинъ*, И. Г. Р. IX, 33; примѣч. 104. Сравн. въ „Историч. пѣсняхъ малорусскаго народа“ съ объясн. *Вл. Антоновича* и *М. Драгоманова*, стр. 145—159).

[1]) Лѣтопись по Никон. сп. VII, стр. 295—296. О Магметъ-Гиреевыхъ поминкахъ не извѣстно, какъ они были велики. Дѣло въ томъ, что этотъ сынъ и преемникъ Менгли-Гирея совершилъ въ 1521 году опустошительный набѣгъ на Москву вмѣстѣ съ братомъ, царемъ казанскимъ Саипъ-Гиреемъ, послѣ чего потребовалъ отъ вел. кн. Василія Ивановича дани. По поводу этого требованія историографъ Карамзинъ справедливо замѣтилъ: „едва-ли самъ варваръ, Магметъ-Гирей считалъ такое обязательство данью дѣйствительнымъ“. И дѣйствительно, хотя

лѣтъ пять, именно въ 1563 году, по взятіи Полоцка, Іоаннъ нашелъ нужнымъ отправить въ Крымъ Аѳанасія Ѳедоровича Нагаго съ порученіемъ склонять хана къ миру, сдерживать его отъ нападеній всяческими средствами, въ томъ числѣ обѣщаніемъ ежегодныхъ поминковъ въ Крымъ. Знаменитый посолъ велъ свое дѣло искусно, держался съ твердостью и достоинствомъ, успѣлъ оказать государю много важныхъ услугъ за время долгаго проживанія въ Крыму [1]). Прежде всего онъ услыхалъ здѣсь обычную рѣчь про поминки: ханъ запрашивалъ казны Саипъ-Гиреевской, сверхъ того— дани, какую платила Польша, да сверхъ всего этого поминковъ: запрашивалъ много, было бы, дескать, изъ чего уступить... Въ отвѣтъ на такіе запросы Нагой сказалъ хану: „государю моему казны къ тебѣ не присылывать, въ пошлину государь нашъ никому не даетъ ничего, государь нашъ дружбы не покупаетъ; станется между вами доброе дѣло, такъ государь нашъ тебѣ за поминки не постоитъ“... Отвѣтъ Аѳанасія Нагаго заслуживаетъ особаго вниманія, какъ общій принципъ и руководящее правило, которое всегда хотѣли внушать крымскимъ татарамъ: московское правительство никогда не согласится посылать въ Крымъ ежегодную денежную казну, въ видѣ дани, какъ нѣчто безусловно для себя обязательное; но оно также никогда не откажется доставлять хану и его приближеннымъ приличные поминки за добрыя услуги, то-есть, прежде всего за отказъ нападать на московскую украйну. Такъ было и въ данномъ случаѣ: изъ Москвы вскорѣ были присланы хорошіе поминки, очень понравившіеся хану; онъ далъ присяжную запись (шерть), по которой обязался предъ Нагимъ не воевать Московскаго государства; съ своей стороны, Іоаннъ,

---

хану была тогда выдана грамота (по счастливой случайности она осталась въ Россіи, въ рукахъ рязанскаго воеводы Хабара Симскаго), но едва-ли эта грамота содержала обязательство собственно о дани ежегодной; вѣроятнѣе предполагать, что въ ней было писано о поминкахъ, объ уплатѣ ихъ въ Крымъ на извѣстныхъ условіяхъ. Однако то несомнѣнно, что поминки въ Крымъ за время Магметъ-Гирея I были болѣе значительны, чѣмъ въ послѣдующее время, при его преемникахъ Сайдетъ и Саипъ-Гиреяхъ, какъ это видно изъ крымскихъ дѣлъ за время Іоанна Грознаго и Девлетъ-Гирея (*Карамзинъ*, И. Г. Р. VII, 67; *Малиновскій*, Истор. и дипломатич. собран. дѣлъ крымск., стр. 228—232; сравн. стр. 256; *Соловьевъ*, Истор. Рос. VI, 285; 294).

[1]) Онъ прожилъ въ Крыму еще дольше, чѣмъ Загряжскій, именно до 1572 года. Сначала онъ самъ не хотѣлъ выѣзжать изъ Крыма, говоря, что умретъ здѣсь, а не выѣдетъ безъ окончанія дѣла; позже ханъ не отпускалъ его, иногда даже держалъ его въ заключеніи.

довольный поведеніемъ Девлетъ-Гирея, прислалъ ему новые поминки, да при томъ платье со своего плеча и чару, изъ которой пилъ за ханское здоровье: рѣдкая любезность и почетъ со стороны московскаго государя хану крымскому! Дѣло пошло на ладъ: уже нашъ посолъ далъ обѣщаніе хану, что ему впредь будутъ доставляться ежегодные поминки, въ размѣрѣ Саипъ-Гиреевскихъ; уже вельможи крымскіе также согласились на Саипъ-Гиреевскіе поминки вмѣсто Магметъ-Гиреевскихъ, прежде просимыхъ; уже Нагой собирался выѣхать изъ Крыма, считая свое дѣло покончennымъ,—какъ вдругъ изъ Литвы пріѣхалъ королевскій гонецъ съ извѣстіемъ, что король будетъ присылать впредь двойную казну и сверхъ того Саипъ-Гиреевскіе поминки, кои обѣщала Москва, если ханъ согласится порвать съ нею миръ. И вотъ ханъ опять начинаетъ торговаться съ московскимъ посломъ, снова требуетъ поминковъ въ размѣрѣ Магметъ-Гиреевскихъ; Нагой отвѣчалъ, что онъ не ручается, чтобы его государь согласился на такой запросъ. Тогда въ Крыму рѣшили, что союзъ польскій выгоднѣе московскаго. Польша перетянула, наддала больше! При томъ совѣтники хана говорили ему слѣдующія знаменательныя рѣчи: помириться Крыму съ московскимъ царемъ значитъ то же, что выдать ему короля польскаго, а такая политика была бы не благоразумна, ибо московскій царь повоюетъ короля, возьметъ Кіевъ, станетъ города строить по Днѣпру,—и тогда Крыму, подобно Казани, „не пробыть“ отъ него. Такъ разсуждали вельможи крымскіе! По своему они были правы; они вѣрно цѣнили возрастающее могущество Московскаго государства и опасность, грозившую отъ него для Крыма. Вотъ почему не могло состояться крѣпкаго мира между Москвою и Крымомъ; при томъ крымское вельможество надѣялось на болѣе щедрое и исправное жалованье изъ Польши, да можетъ быть, питало также политическія сочувствія къ польско-литовскому магнатству и шляхетству. Какъ бы то ни было, союзъ Крыма съ Польшей возобновился, и ханъ въ силу обязательства, даннаго королю, и чтобы отплатить царю московскому за испугъ, причиненный дѣйствіями Ржевскаго, Вишневецкаго и Адашева, не разъ пускался въ это время въ набѣги на московскія украйны: въ 1571 году ему удалось переправиться за Оку и прорваться до самой Москвы, сжечь ее (24-го мая, въ праздникъ Вознесенія), погубить при этомъ множество народу и множество увести въ плѣнъ. Упоенный успѣхомъ ханъ написалъ царю самое заносчивое письмо, снова требовалъ Казани и Астрахани, да ежегодной дани; однако не дальше какъ черезъ годъ долженъ былъ

сильно сбавить своей спеси: когда онъ захотѣлъ повторить набѣгъ на Москву, и снова успѣшно прорвался за Оку, то мужественный воевода князь Михаилъ Ивановичъ Воротынскій погнался за нимъ отъ берега по слѣдамъ, принудилъ его къ битвѣ въ мѣстности у Воскресенья въ Молодяхъ, верстъ 50 не доходя до Москвы [1]), и нанесъ такое пораженіе, что ханъ поспѣшилъ переправиться обратно за Оку, а затѣмъ пустился въ неоглядное бѣгство. Послѣ такого пораженія едва ли Девлетъ-Гирей могъ серьезно настаивать на уступкѣ Казани и Астрахани, да на платежѣ ежегодной дани; то достовѣрно извѣстно, что царь Іоаннъ Васильевичъ ничего, кромѣ „легкихъ поминковъ", не хотѣлъ посылать въ Крымъ въ ближайшіе годы послѣ этихъ нашествій Девлетъ-Гирея. И только по смерти этого злосчастной для Россіи памяти хана (въ 1577 году), Іоаннъ, въ виду новой польской войны, которую готовилъ Стефанъ Баторій, нашелся вынужденнымъ задабривать сына и преемника Девлетова, Магметъ-Гирея II, приказывалъ своему послу князю Мосальскому вести себя въ Крыму „смирно", передать хану „челобитье" и обѣщать ему ежегодные поминки за союзъ, не внося, впрочемъ, статьи о поминкахъ въ шертную запись, въ видѣ формальнаго обязательства, которое крымцы поняли бы какъ обязательство данью. Но ханъ не хотѣлъ давать шерти иначе, какъ за уступку Астрахани, а съ другой стороны — изъ Москвы вмѣсто четырехъ тысячъ рублей, коихъ просилъ ханъ, ему была прислана только тысяча, — сумма, нужно сознаться, очень умѣренная и для дарителя, и для получателя [2])... Естественно, что и теперь не могло состояться мира на такихъ не-

---

[1]) А отъ Серпухова верстахъ въ 20-ти, отчасти въ болотистой мѣстности, отчасти на холмистыхъ поляхъ, орошаемыхъ рѣчками Лопасней и Рожаемъ, гдѣ понынѣ—прибавляетъ *Карамзинъ* про свое время—стоятъ высокіе курганы, памятники сей знаменитой побѣды и славы князя Воротынскаго (И. Г. Р. IX, 120; примѣч. 396). Нашествіе крымцевъ и пораженіе ихъ происходили въ концѣ іюля и началѣ августа 1572 года.

[2]) Сумма въ 4 тысячи рублей была, вѣроятно, единовременный запросъ отъ новаго хана, а не сумма годовыхъ поминковъ.—О посольствѣ Мосальскаго см. у *Карамзина*, т. IX, 164 — 165; 212. Посолъ подъ конецъ своего проживанья въ Крыму успѣлъ склонить хана въ 1582 году къ перемирію и выдачѣ шертной записи. (См. у *Карамзина* выписку изъ папскихъ дѣлъ въ примѣч. 622 къ IX тому). Однако этой записи нѣтъ въ числѣ шертныхъ грамотъ ханскихъ, реестръ коихъ былъ составленъ въ свое время *Малиновскимъ* и недавно напечатанъ г. *Лашковымъ* въ *Извѣстіяхъ Таврической ученой архивной коммиссіи* (№ 9). Остается не извѣстнымъ, на какихъ условіяхъ было заключено перемиріе 1582 года.

сходныхъ условіяхъ; и теперь Польшѣ не трудно было купить Крымъ на свою сторону.

Правда, есть извѣстіе, что Грозный посылывалъ въ Крымъ казну въ десять тысячъ рублей: именно преемникъ Магмета II, его братъ и убійца, Исламъ-Гирей говорилъ однажды царю Ѳеодору Іоанновичу, что отецъ-де его, покойный царь, купилъ миръ съ Крымомъ 10-ю тысячами рублей [1]). Вѣрно ли однако говорилъ ханъ? Въ какое время уплачивалась такая сумма, и какъ долго? Было ли это до 1571 года, или это случилось въ названный годъ счастливаго для хана набѣга на нашу столицу? Эти вопросы трудно рѣшить съ опредѣленностью до тѣхъ поръ, пока не будутъ изданы подлинныя крымскія дѣла за время Іоанна Грознаго; теперь же мы пока остаемся въ сомнѣніи, чтобы Грозный въ какой-нибудь періодъ своего царствованія платилъ нѣсколько лѣтъ къ ряду крупные поминки крымскимъ ханамъ въ видѣ правильной опредѣленной дани или того, что крымскіе татарскіе источники называютъ „тышъ“ [2]); все, что̀ намъ кажется возможнымъ допустить, какъ вѣроятное предположеніе, будетъ то, что въ 1571 году хану была дана крупная денежная дача въ видѣ единовременнаго откупа; но послѣ пораженія того же хана въ слѣдующемъ году, послѣ вторичнаго его нападенія разбойничьимъ способомъ, ни хану не было основанія (сколько-нибудь толковаго) требовать новыхъ поминковъ, ни Іоанну—посылать ихъ. Предположимъ, что Грозный далъ въ этотъ несчастный годъ клятвенную на себя запись, какой требовалъ Девлетъ-Гирей [3]); но эта запись, еслибы она даже дѣйствительно была дана, утрачивала всякое значеніе послѣ вторичнаго ханскаго набѣга за Оку; во всякомъ случаѣ извѣстно положительно, что Іоаннъ въ ближайшіе годы послѣ этихъ двухъ набѣговъ ханскихъ посылалъ въ Крымъ только незначительные поминки. Во-

---

[1]) *Карамзинъ*, X, 33. Одна изъ грамотъ этого хана къ царю Ѳеодору Іоанновичу напечатана въ „Исторіи Россійской“ князя *Щербатова*: томъ VI, часть 3, стр. 148—150 (Вообще у князя Щербатова не мало напечатано крымскихъ документовъ, но напечатаны они не всегда исправно).

[2]) Данныя татарскихъ крымскихъ источниковъ объ этой дани „тышъ“, и разборъ этихъ данныхъ см. въ новомъ важномъ трудѣ по исторіи Крыма г. *Смирнова*, Крымское ханство подъ верховенствомъ Оттоманской Порты, I, стр. 427—430. Но въ данномъ дѣлѣ мы не можемъ согласиться съ авторомъ: мы не можемъ признать неоспоримымъ тотъ выводъ, будто Девлетъ-Гирей бралъ нѣкоторое время дань съ Московскаго государства.

[3]) *Карамзинъ*, IX, 109.

обще при изслѣдованіи этой стороны дѣла въ крымскихъ отношеніяхъ, важно обращать вниманіе на различіе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ посылаемыхъ подарковъ хану и его приближеннымъ, кои называются „поминки", „любительные поминки", „запросные поминки", „казна", „дача" и т. д. Важно постоянно имѣть въ виду принципіальную разницу взглядовъ въ Крыму и въ Россіи на значеніе этихъ поминковъ: тамъ смотрѣли на нихъ, или хотѣли смотрѣть, какъ на дань обязательную, постоянную; здѣсь же ихъ разсматривали именно какъ поминки въ отношеніи хана и какъ „жалованье" въ отношеніи вельможей ханскихъ, какъ добровольные подарки отъ государя, временные и условные, то-есть, за дѣйствительныя услуги, или, по крайней мѣрѣ, за отказъ отъ грабительскихъ набѣговъ. Отсюда-то, изъ этого кореннаго различія воззрѣній на поминки въ Крыму и въ Россіи, происходятъ эти нескончаемые споры о поминкахъ или дани: споры идутъ не о словахъ, а въ сущности о принципахъ. Царь Іоаннъ Васильевичъ въ сношеніяхъ съ ханами выражалъ чрезъ своихъ пословъ ясный, опредѣленный взглядъ на значеніе поминковъ и никогда не хотѣлъ соглашаться давать ихъ въ видѣ дани.

Таковы были отношенія къ Крыму при Іоаннѣ Грозномъ. Исторія давно прославила покорителя царствъ татарскихъ; она воздаетъ также справедливую похвалу ему за его достойное, вообще говоря, отношеніе къ Крымской ордѣ; но съ другой стороны, она не можетъ не признать, что во вторую половину своего царствованія Грозный не всегда соблюдалъ свой прежній правильный тактъ относительно Крыма: онъ то грозилъ ему нападеніемъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, то посылалъ хану Девлету щедрые поминки, а то очень незначительные, при чемъ не хотѣлъ приказывать отъ себя „челобитья", а только „поклонъ" да отвѣчалъ колкостями на ханское письмо, правда, также очень заносчивое (видно, что между Іоанномъ и Девлетомъ накипѣло очень много личной вражды); иногда Грозный замѣтно пренебрегалъ татарами, больше обѣщалъ имъ, нежели давалъ подарковъ; то, наконецъ, предписывалъ своимъ посламъ держаться въ Крыму смирно, даже унизительно. Впрочемъ, и то слѣдуетъ сказать, что весьма трудно было выдерживать всегда ровный тактъ въ обращеніи съ легкомысленными, непостоянными варварами, жадными разбойниками, да притомъ довольно избалованными со стороны Польши, которая такъ много ухаживала за ними, и больше чѣмъ Москва готова была всегда платить имъ щедрые поминки. А тутъ еще неожиданныя тяжелыя неудачи ливонской войны, такъ счастливо начавшейся для русскаго оружія,

но вскорѣ обратившейся въ упорную изнурительную борьбу со всѣми западными сосѣдями. Туда, на западъ, Іоаннъ долженъ былъ направлять все вниманіе: вѣдь отъ успѣховъ западной войны съ сильными сосѣдями много зависѣло и спокойствіе государства съ крымской стороны; по сравненію съ западнымъ вопросомъ крымскій, при всей его докучливости, оказывался въ сущности второстепеннымъ только вопросомъ [1]).

Такимъ же второстепеннымъ крымскій вопросъ былъ и для Польши въ данное время. Авторъ интересныхъ историческихъ записокъ о времени Стефана Баторія, секретарь его Гейденштейнъ разказываетъ, что когда король на одномъ изъ первыхъ сеймовъ предложилъ государственнымъ сословіямъ вопросъ, съ кѣмъ они желаютъ вести войну,— съ москвитянами, или съ татарами, или же съ тѣми и другими вмѣстѣ, то получилъ отвѣтъ, что слѣдуетъ воевать прежде съ Московскимъ государствомъ, а потомъ уже съ татарами, что можно еще отложить до времени наказаніе этихъ послѣднихъ за набѣги [2]). Разъясняя

---

[1]) Источники: Крымскія посольскія дѣла за время Іоанна Грознаго въ сокращенномъ, иногда въ дословномъ изложеніи у *Карамзина*, въ томахъ VIII и IX, и у *Соловьева* въ томѣ VI. У нихъ же лучшій обзоръ и критика другихъ источниковъ. О нашествіяхъ Девлетъ-Гирея—въ Лѣтописи по Никонову списку, VII, 313—314; П. С. Р. Л. III, 173. Особая „Повѣсть о бою воеводъ московскихъ съ невѣрнымъ ханомъ", по рукописи Синодал. библіотеки, у *Карамзина*, IX, примѣч. 391. Разряды „береговой службы и отъ поля" въ Древн. Росс. Вивліоѳ. части XIII—XIV. Сравн. Разрядную книгу въ „Сибирскомъ Сборникѣ": любопытна разница въ подробностяхъ о дѣйствіяхъ воеводъ противъ хана въ 1572 году, какихъ нѣтъ въ Новиковской разрядной.—Дѣла по сношеніямъ съ Ногайскою ордой заключаютъ много данныхъ и для Крыма; цѣль этихъ сношеній между прочимъ та, чтобы поднимать ногайскихъ татаръ на крымскихъ (напечатаны въ „Продолженіи Древ. Росс. Вивліоѳ." части VII—XI). Реестръ крымскихъ шертныхъ грамотъ и самыя грамоты (№№ 24—26) напечатаны въ *Извѣстіяхъ Таврич. архивн. коммиссіи*. №№ 9 и 10.—„Книга посольская Метрики вел. княж. Литовскаго" заключаетъ много документовъ на счетъ того, какъ и какими средствами (внушенія, поминки) Польша поднимала Крымъ на Москву.—Изъ пособій новыхъ интересны книги г. *Смирнова* „Крымское ханство", не разъ уже здѣсь цитованная, и г. *А. Барсукова* „Родъ Шереметевыхъ", I (главы XXII—XXIII; въ послѣдней главѣ собрано не мало свѣдѣній о битвѣ въ Молодяхъ и вообще о татарскомъ набѣгѣ 1572 года).

[2]) Въ междукоролевье Генриха Валуа и Стефана Баторія, а также въ началѣ царствованія сего послѣдняго, даже въ самые дни сейма крымцы дѣлали нѣсколько нападеній на Польшу; дѣло въ томъ, что въ послѣдніе годы она платила неисправно поминки въ Крымъ; если вѣрить хану Девлету, поминки не были уплачены ему за послѣдніе восемь лѣтъ: „Книга посольская Метрики вел.

мысль государственныхъ чиновъ,—она же мысль самого короля и его канцлера Замойскаго,—авторъ разсуждаетъ въ такомъ родѣ, что воевать-де съ Крымомъ для Польши даже не выгодно: какой богатой добычи можно было ожидать отъ непріятеля бѣднаго, кочеваго? А между тѣмъ на защиту крымскихъ татаръ могъ подняться турецкій султанъ, смотрѣвшій на Крымъ, какъ на свою землю, и на татаръ, какъ присяжниковъ. Иное дѣло—Московское государство: оно могущественно, побѣда надъ нимъ доставитъ больше славы, при чемъ наградой за побѣду будетъ Ливонія, провинція цвѣтущая, прежде богатая городами и разными средствами, да и теперь представляющая много выгодъ обладанія, особенно по причинѣ приморскаго ея положенія. Итакъ—заключаетъ авторъ—рѣшено было вести войну противъ Московскаго царя наступательнымъ образомъ, такъ какъ прежній оборонительный способъ оказался мало полезнымъ [1]). Такъ судили въ Польшѣ. И тамъ цѣнили Ливонію, находили выгоднымъ воевать за нее, не отдавать ее въ чужія руки. И тамъ главное вниманіе обращали на сильнѣйшаго сосѣда, то-есть, на царя московскаго, а на крымскія отношенія смотрѣли, какъ на второстепенныя по важности: взглядъ на мѣстѣ государственныхъ людей тогдашней Польши, конечно, правильный.

Что касается притязаній крымскихъ хановъ на уступку имъ Казани и Астрахани, то эти притязанія являлись теперь, послѣ завоеванія этихъ царствъ русскимъ оружіемъ, послѣ укрѣпленія тамъ русскаго господства, уже запоздалыми, да и по существу дѣла всегда были мало основательными; ханы въ сущности не имѣли достаточныхъ средствъ для поддержки на дѣлѣ своихъ требованій, при томъ и мало охоты имѣли выступать въ далекій степной походъ подъ Астрахань, особенно послѣ несчастливой попытки Магметъ-Гирея I, который хотя успѣлъ взять этотъ городъ въ 1522 году, но владѣлъ имъ очень не долго: ногайскіе татары были недовольны пришлымъ крымскимъ ханомъ, составили противъ него заговоръ и убили вмѣстѣ съ сыномъ и приближенными; вслѣдъ затѣмъ ногайскіе и астра-

---

княж. Литовскаго", изд. *Погодинымъ* и *Дубенскимъ*, документъ подъ № 8. Сравн. также инструкцію короля послу Тарановскому: король уполномочиваетъ его обѣщать хану ежегодные поминки въ 20 тысячъ талеровъ, а въ случаѣ войны хана противъ царя еще столько же (тамъ же № 7).

[1]) Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI, volum II, pag. 89—90: Reinh. Heidensteinii De bello Moscovitico Commentarii.—Рейнгольда Гейденштейна Записки о Московской войнѣ, изд. Археографич. коммиссіи, С.-Пб. (стр. 9—11).

ханскіе татары во главѣ съ царемъ, сыномъ Шигъ-Ахмата, пошли на Перекопъ, проникли внутрь полуострова и причинили много зла крымцамъ. Въ Крыму, конечно, не забывали этого несчастнаго приключенія и не хотѣли повторять похода подъ Астрахань; тѣмъ меньше хотѣли и могли-бы сдѣлать крымцы такой походъ послѣ занятія ея русскою силой [1]). Еще меньше могло быть рѣчи о завоеваніи отдаленной Казани. Вообще на требованія крымскихъ хановъ объ уступкѣ имъ Казани да Астрахани надобно смотрѣть не больше, какъ на запросъ своего рода, или какъ на нѣкоторый дипломатическій „конекъ“ татарскій. Даже верховнымъ господарямъ Крыма, то-есть, турецкимъ султанамъ, оказалось не подъ силу завоеваніе Астрахани: какъ извѣстно, походъ турковъ подъ Астрахань, предпринятый въ 1569 году, по приказу Селима II, окончился полною неудачей, доказавъ лишній разъ рискованность далекихъ степныхъ походовъ. Правда, этотъ походъ былъ сдѣланъ слишкомъ поспѣшно и легкомысленно со стороны турковъ, при томъ очень нерадиво со стороны татаръ крымскихъ, принужденныхъ въ немъ участвовать; но еслибы все предпріятіе турковъ было даже лучше обдумано и исполнено (что касается овладѣнія устьями Волги, но не прорытія канала между Дономъ и Волгой, чего сразу нельзя было сдѣлать никакими усиліями), то и въ такомъ случаѣ турки едва-ли бы успѣли утвердиться въ Астрахани: Московское государство употребило бы всѣ силы, чтобы вытѣснить оттуда пришельцевъ и воротить свое пріобрѣтеніе; во всякомъ случаѣ оно стало-бы тревожить турковъ въ Астрахани чаще, чѣмъ въ Азовѣ, или чѣмъ крымскихъ татаръ въ Перекопѣ, пользуясь превосходнымъ воднымъ путемъ для доставки войска къ низовьямъ Волги, тогда какъ для турковъ переходъ черезъ степной промежутокъ отъ Азова или съ Кубани до Астрахани былъ-бы каждый разъ дѣломъ очень не легкимъ. Да турки и не повторили предпріятія на Астрахань. И для Турціи въ XVI-мъ вѣкѣ оказалось очень труднымъ, почти не возможнымъ дѣломъ вести непосредственную войну съ Московскимъ государствомъ, при отдаленности ихъ границъ,

---

[1]) Обстоятельства похода Магметъ-Гирея I подъ Астрахань, его гибели тамъ въ 1523 году и междоусобной схватки татаръ астраханскихъ и крымскихъ, вслѣдъ затѣмъ послѣдовавшей, стали извѣстны въ Москвѣ по донесеніямъ нашего посла въ Крыму, Ивана Андреевича Колычова (Изложеніе ихъ—у *Мамиловскаго* въ *Запискахъ Одесск. Общ. Ист. и Древн.*, т. V, стр. 234—236. Срав. *Карамзина* т. VII, 76—78, и въ новомъ трудѣ г. *Смирнова*, Крымское ханство, I, стр. 392—393).

при разъединенности ихъ моремъ, да степью. Походъ 1569 года обращаетъ на себя вниманіе съ другой еще стороны: тутъ обнаружилась нѣкоторая рознь интересовъ Турціи и Крыма. Ханъ Девлетъ-Гирей не хотѣлъ помогать султану въ его предпріятіи: онъ понималъ, что утвержденіе турецкаго господства въ Приволжскомъ краѣ было-бы достигнуто прежде всего усиліями крымскихъ татаръ, что на нихъ пала-бы новая тяжелая повинность поддерживать и впредь это господство. Вотъ почему ханъ не разъ отговаривалъ султановъ отъ замышляемаго похода астраханскаго, доказывая трудность всего предпріятія, что само по себѣ вѣрно; когда же ханъ не успѣлъ отговорить Селима, и самъ былъ принужденъ выступить въ походъ, то онъ старался препятствовать туркамъ, сколько могъ; не хотѣлъ приступать къ Астрахани, не помогалъ туркамъ строить осадный городокъ, наконецъ, когда турки сняли безплодную осаду, умышленно повелъ ихъ безводными мѣстами чрезъ кумыцкую степь, при чемъ большая часть турецкаго войска погибла отъ лишеній всякаго рода. Воротясь въ Крымъ, Девлетъ по секрету говорилъ нашему послу, Аѳанасію Нагому: „государь твой долженъ благодарить меня: это я погубилъ султанское войско“. Любопытно, что ханская интрига осталась безнаказанною со стороны турецкаго правительства; какъ видно, вся отвѣтственность за неуспѣхъ дѣла пала на главнокомандующаго похода, кафинскаго пашу [1]).

---

[1]) Турецкій походъ подъ Астрахань 1569 г. хорошо описанъ у *Карамзина* (т. IX, 74—78 и соотвѣтств. примѣчанія). Описаніе сдѣлано, главнымъ образомъ по донесеніямъ знаменитаго посла Семена Мальцова, случайно попавшаго въ турецкій плѣнъ на пути изъ Ногайской орды; въ примѣчаніяхъ исторіографъ приводитъ высокоинтересныя выдержки изъ донесеній этого Мальцова. Тамъ-же критика другихъ источниковъ (Одерборна, Стрыйковскаго). Позже въ *Запискахъ Одесск. Общ. И. и Др.*, въ томѣ VIII, напечатана любопытная русская повѣсть о томъ-же походѣ, составленная или переписанная въ 1677 году, въ дому князя В. В. Голицына, какъ значится въ ея заглавіи: она составлена на основаніи стараго источника, современнаго самому событію, т. е. походу подъ Астрахань турковъ и татаръ: авторъ не только современникъ, но отчасти очевидецъ похода. Повѣсть эта заслуживаетъ внимательнаго изученія со стороны состава и содержанія. Ошибку редакціи *Записокъ*, относившей къ XVII-му вѣку самое событіе, описанное въ повѣсти, кстати отмѣтилъ г. *Смирновъ* (Крымское ханство, I, стр. 435). Въ его же книгѣ разобраны данныя турецкихъ и татарскихъ источниковъ объ этомъ походѣ (стр. 431—434). По словамъ турецкихъ историковъ, соединеніе каналомъ Дона и Волги имѣло служить туркамъ для удобствъ войны съ Персіей. Допустимъ, что это такъ; однако вѣрно и то, что Астрахань теперь же была цѣлью турецкаго предпріятія.

И въ другихъ случаяхъ, когда Оттоманская Порта принуждала крымскихъ татаръ участвовать въ дальнихъ воинскихъ походахъ, татары открыто выражали свое неудовольствіе. Кромѣ жалобъ на тяжесть военной службы въ пользу Турціи, Крымъ, устами своего историка изъ царскаго рода Гиреевъ, жаловался на частую, иногда слишкомъ произвольную смѣну хановъ по капризамъ Порты, что унижало достоинство ханской власти, безъ того уже довольно стѣсненной со стороны крымскихъ вельможей. Ханы часто оказывались въ трудномъ положеніи, съ одной стороны, между турецкимъ правительствомъ, которое требовало онъ нихъ исправной воинской службы, а съ другой стороны крымскимъ вельможествомъ, которое не сразу оказывало должное повиновеніе хану, отъ Порты поставленному ханы иной разъ не знали, кому больше угождать: Портѣ, или мѣстнымъ вельможамъ? Конечно, многое здѣсь зависѣло отъ личности того или другаго хана, отъ его умѣнія держаться на своемъ мѣстѣ; но по формѣ, de jure,—нельзя въ этомъ не согласиться со старымъ крымскимъ историкомъ — положеніе хана относительно Турціи и самаго Крыма было не вполнѣ правильно, даже не нормально [1]). Съ другой стороны, турки, видя примѣры не всегда усердной службы татаръ, высказывали также неудовольствіе на нихъ, презрительно отзывались о нихъ, какъ о племени лѣнивомъ, грубомъ, варварскомъ и т. п. [2]). При всемъ томъ однако рознь Турціи и Крыма не была въ сущности такъ велика, какъ она можетъ показаться по приведеннымъ даннымъ. Узы единовѣрія и давняго подданства прочно объединяли Крымъ съ Турціей. Къ тому же близкое сосѣдство, торговыя и иныя сношенія по Черному морю съ разными областями азіатской и европейской Турціи дѣлали изъ Крыма естественную неотдѣлимую часть мусульманскаго культурнаго міра. Въ военномъ отношеніи Крымъ былъ, дѣйствительно, „правою рукой“ Турціи не только потому, что составлялъ ея войско, которымъ султанъ располагалъ по своему усмотрѣнію, но и потому еще, что эта рука получала значительную силу и размахъ, благодаря поддержкѣ Порты. Набѣги на Россію и Польшу производились татарами не рѣдко съ участіемъ въ нихъ турецкихъ янычаровъ и спаговъ, да при пользованіи турецкимъ оружіемъ и артиллеріей. Иные набѣги предпринимались по особому порученію султана; во всякомъ случаѣ, ханскіе

[1]) *Смирновъ*, Крымское ханство, I, стр. 316—319 (замѣчательный взглядъ историка царевича Мухаммедъ-Гирея).

[2]) Тамъ же,—напримѣръ, на стр. 155; 302; 407—410.

набѣги дѣлались съ согласія турецкаго султана, или открыто выраженнаго, или молча подразумѣваемаго съ обѣихъ сторонъ. Масса русскихъ плѣнниковъ, захваченныхъ въ набѣгахъ и тотчасъ обращаемыхъ въ невольниковъ, сбывалась главнымъ образомъ въ Турцію: не будь сбыта въ Турцію русскихъ невольниковъ, Крымъ переполнился бы ими, обратился бы въ „русскую“ землю... Уже это одно обстоятельство доказываетъ, что Турція имѣла прямую выгоду отъ крымскихъ набѣговъ и потому, что называется, сквозь пальцы смотрѣла на всякіе набѣги, даже такіе, которые предпринимались своевольными татарами иногда мимо султана и хана, безъ ихъ воли, или даже вопреки ей. Такимъ образомъ, Турція, долго не имѣя возможности вести непосредственную войну съ Московскимъ государствомъ, вела ее черезъ крымскихъ татаръ, и наоборотъ: Московское и Польско-русское государства вели войну съ Крымомъ и Турціей чрезъ казаковъ донскихъ, малороссійскихъ и запорожскихъ, поддерживая ихъ по мѣрѣ возможности оружіемъ и жалованьемъ. Безпрерывная мелкая война цѣлые вѣка подъ рядъ шла въ степи, въ устьяхъ черноморскихъ рѣкъ, въ Черномъ морѣ, на берегахъ азіатской и европейской Турціи между казаками съ одной стороны и турками да татарами съ другой: на дѣлѣ это была настоящая война, разъ навсегда объявленная и непримиримая, хотя въ офиціальныхъ сношеніяхъ Московскаго государства съ турецкимъ правительствомъ она не признавалась за таковую, а разсматривалась какъ дѣйствіе своевольныхъ казаковъ, за которыхъ государство-де не можетъ отвѣчать. Въ этой своеобразной вѣковой войнѣ, исполненной высокаго интереса и внутренняго смысла, Крымъ былъ главнымъ театромъ: оттуда исходили татарскіе набѣги съ поддержкою турецкой, а туда, на это разбойничье гнѣздо, на этотъ невольничій базаръ, на этотъ передовой постъ Турціи, казаки направляли свои частыя нападенія, наносили сюда первые удары, чѣмъ либо сдерживали татаръ отъ набѣговъ, либо слишкомъ заживо задѣвали ихъ, возбуждали ко мщенію, къ новымъ набѣгамъ. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича едва не дошло до прямой войны Московскаго государства съ Турціей, по случаю взятія Азова донскими казаками; такая война, наконецъ, произошла въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича по поводу казацкихъ же дѣлъ, именно по поводу признанія Дорошенкой турецкаго подданства. Такъ важны были для древней Россіи и Турціи отношенія казацкія и татарскія. И столь важенъ былъ Крымъ посреди этихъ отношеній!

III.

Возвращаемся собственно къ крымскимъ отношеніямъ Московскаго государства и прослѣдимъ ихъ съ того момента, на которомъ остановились.

Въ войну съ Баторіемъ, въ послѣдніе годы царствованія Грознаго и въ началѣ Ѳеодорова царствованія крымцы не дѣлали нападеній большимъ войскомъ на наше государство: они были принуждены въ это время участвовать въ войнѣ Турціи съ Персіей; при томъ въ Крыму возникли между Гиреями родовыя усобицы, коими не безъ искусства воспользовалось Московское правительство: оно приняло подъ свое покровительство двоихъ племянниковъ хана Исламъ-Гирея (царств. 1584—1588), изъ коихъ одинъ былъ посаженъ въ Астрахани, какъ русскій присяжникъ; оно посылало хану только легкіе поминки. При слѣдующемъ ханѣ, Казы-Гиреѣ II (1588—1608), отношенія измѣнились было къ худшему: столица государства еще разъ испытала страхъ татарскаго нашествія во главѣ съ самимъ ханомъ (въ іюлѣ 1591 г.); но здѣсь онъ встрѣтилъ такое большое войско и такую готовность къ битвѣ, что предпочелъ обратиться въ быстрое бѣгство. Съ больною разбитою рукою, на простой телѣгѣ ханъ воротился въ Крымъ; бо́льшая часть его войска погибла, а меньшая воротилась безо всякой добычи [1]). За то на слѣдующій годъ крымцы сдѣлали бѣдственный для государства набѣгъ: они успѣли обмануть бдительность русскихъ сторожей, не ожидавшихъ такъ скоро повторенія набѣга, обманули также московское правительство хитрыми переговорами и, быстро ворвавшись внутрь государства, опустошили мѣста рязанскія, каширскія и тульскія, увели огромный полонъ, какого давно не было уводимо [2]). Снова пришлось ухаживать за ханомъ,

---

[1]) Любопытный по тону — полушутовскому, полусерьезному — разговоръ, веденный ханомъ, послѣ бѣгства съ похода, съ нашимъ посломъ Бибиковымъ, смотр. у *Соловьева*, Исторія Россіи, VII, 350.

[2]) „Царевичи татарскіе... воеваху тѣ мѣста и разоряху, и многихъ людей побиша, и села и деревни многія пожгоша, дворянъ и дѣтей боярскихъ з женами и з дѣтьми, и многихъ православныхъ христіанъ въ полонъ поимали и сведоша, а полону много множество, яко и старые люди не помнятъ такіе войны отъ поганыхъ“ (Лѣтопись по Никонову списку VIII, 25).

который оказался очень изворотливымъ и энергичнымъ человѣкомъ (не даромъ онъ прозывался „Буря"); пришлось посылать въ Крымъ большія деньги на выкупъ плѣнныхъ, поминки для пріобрѣтенія мира. На этотъ разъ старанія правительства увѣнчались добрымъ успѣхомъ: Казы-Гирей, занятый, по приказу султана, войнами то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, ничего не имѣлъ противъ мира съ Московскимъ государствомъ; во всякомъ случаѣ онъ не могъ теперь воевать съ нимъ; онъ тѣмъ охотнѣе принялъ миръ, что ему присланы были хорошіе поминки: царская дума рѣшила отправить въ Крымъ съ посломъ княземъ Щербатовымъ поминковъ, примѣрясь къ прежнему, до 40-ка тысячъ рублей или болѣе, да хану лично 10-ть тысячъ рублей [2]). Что же значитъ такая крупная дача, въ такое время, когда крымцы были заняты въ иныхъ мѣстахъ, и не могли сильно воевать украйны Московскаго государства? Чѣмъ особенно она теперь вызывалась? Дѣло въ томъ, что въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича и въ управленіе его шурина, Б. Ѳ. Годунова,—который, замѣтно, очень любилъ строиться,—на южной украйнѣ государства возникли нѣсколько новыхъ городовъ, а именно: въ промежутокъ времени 1584—1593 гг. были построены Ливны, Воронежъ, Елецъ, Бѣлгородъ, Осколъ и Валуйки [3]). Появленіе этихъ городовъ тревожило крымцевъ: они вѣрно понимали, что каждый русскій городъ въ степи, вновь построенный, есть наступательный шагъ со стороны Московскаго государства на Крымъ. И вотъ, чтобы задобрить на время

---

[2]) *Соловьевъ*, И. Р. VII, 354. Къ сожалѣнію, не видать въ изложеніи историка, къ какому именно времени относятся слова боярскаго приговора „примѣрясь къ прежнему", и не видать, разумѣются ли тутъ поминки, не одинъ годъ платившіеся, или единовременная дача когда-нибудь. И здѣсь—повторимъ еще разъ—ощущается нужда въ точномъ изученіи источниковъ.

[3]) Лѣтопись по Никон. сп. VIII, 26—27. Раньше, при Грозномъ, въ той же сторонѣ были построены Болховъ и Орелъ, возобновленъ старинный Курскъ: *Карамзинъ*, И. Г. Р. IX, 115; X, 102, и соотвѣтств. примѣчанія. Срав. *Е. Е. Замысловскаго*, Объясненія къ учебн. атласу по Рус. ист. стр. 64, и *Д. И. Багалѣя*, Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Моск. государства, стр. 36—42. Городъ Курскъ и позже былъ строенъ, именно въ 1597 году. Дополн. къ Ак. Истор. IX, стр. 257. — До города Ливенъ касается одинъ важный актъ, заключающій много цѣнныхъ данныхъ о станичной и сторожевой службѣ въ томъ краѣ, и показывающій значеніе этого новаго города, именно — наказъ отъ 1593 года ливенскому воеводѣ Полеву: Исторія Россійск. кн. *Щербатова*, т. VI, ч. II, стр. 279—287.

крымцевъ, и болѣе прочно обезопасить отъ ихъ набѣговъ украинское населеніе, которое собиралось вокругъ возникающихъ въ полѣ городовъ, московское правительство рѣшило употребить, на ряду съ укрѣпленіемъ границы городами, и другую мѣру, то-есть, посылать хану болѣе крупные поминки. Эта мѣра оказалась практичною: посолъ князь Щербатовъ въ 1594 г. взялъ съ Казы-Гирея шертную запись, по которой тотъ обязался держать вѣчный миръ съ Московскимъ государствомъ [1]). Дѣйствительно, во все остальное время своего царствованія Казы-Гирей воздерживался отъ набѣговъ на московскія области съ большимъ войскомъ [2]). Вотъ почему, намъ кажется, нельзя согласиться съ замѣчаніемъ исторіографа Карамзина про хана Казы-Гирея, будто онъ „вымолилъ у султана дозволеніе обмануть Россію ложнымъ примиреніемъ, торжественнымъ и пышнымъ, какого въ теченіе семидесяти пяти лѣтъ у насъ не бывало съ Тавридой" [3]): примиреніе оказалось не такъ ужъ ложное, напротивъ—довольно прочное. Любопытны секретные переговоры того же хана съ московскимъ правительствомъ. Еще въ 1593 г. онъ просилъ правителя Б. Ѳ. Годунова прислать ему 30 тысячъ рублей на построеніе новаго города на Днѣпрѣ, на Кошкинѣ перевозѣ, куда ханъ хочетъ-де перевести изъ Крыма татарскіе улусы и жить въ низовьяхъ Днѣпра, съ тѣмъ чтобы отстать отъ султана, а войдти въ ближайшій союзъ съ царемъ московскимъ. Въ Москвѣ, конечно, сразу поняли истинный смыслъ ханскаго предложенія: ясно было, что это есть особый пріемъ для полученія лишнихъ денегъ, а потому, хотя въ отвѣтной грамотѣ хану было писано такъ, какъ будто московское правительство входило въ виды хана, но гонцу его было прямо сказано, что это совсѣмъ не

---

[1]) Шертная ханская грамота—въ *Извѣст. Таврич. учен. архив. ком.*, № 9, документъ № 31. Ср. тамъ же шертныя записи крымскихъ князей Сулешевыхъ, подъ №№ 29 и 30. О посольскомъ съѣздѣ съ татарами въ Ливнахъ и посольствѣ князя Меркурія Щербатова въ Крымъ существенныя свѣдѣнія у *Соловьева*, И. Р. VII, стр. 354—358. Вообще о сношеніяхъ съ Крымомъ и Турціей при Ѳеодорѣ—тамъ же на стр. 342—368.

[2]) О мелкихъ татарскихъ набѣгахъ нечего говорить: ихъ трудно, почти невозможно было избѣжать, такъ какъ сами ханы не всегда были въ состояніи удержинать своевольныхъ татаръ крымскихъ и ногайскихъ.

[3]) И. Г. Р. X, 103. Но ниже исторіографъ вѣрно замѣчаетъ про шертную Казы-Гирееву запись, что она условіями и выраженіями напоминаетъ старыя, истинно союзныя грамоты времени Менгли-Гирея и Іоанна III.

статочное дѣло, чтобы ханъ отсталъ отъ султана [1]). Въ рѣчахъ Казы-Гирея была доля правды, между строкъ сквозившей и состоявшей въ томъ, что онъ побаивался новыхъ городовъ русскихъ, выстроенныхъ на степной окраинѣ, такъ что его собственный городъ на Днѣпрѣ, еслибы онъ былъ выстроенъ, сталъ бы служить Крыму нѣкоторою защитой не отъ турковъ, а отъ русскихъ. И позже тотъ же ханъ писалъ царю Борису Ѳеодоровичу, но ужь болѣе откровенно, объ этихъ же городахъ русскихъ: ханъ говорилъ, что не слѣдуетъ-де Московскому государству укрѣплять ихъ и строить, такъ какъ-де султану будетъ легче тогда сдѣлать нашествіе на Россію, когда онъ узнаетъ, какъ близко подошли къ его землѣ русскіе города; да и татарамъ, при близости къ Крыму русскихъ городовъ, нельзя будетъ не задираться съ русскими (послѣднее соображеніе — правильно) [2]). Между тѣмъ города на южной украйнѣ продолжали строиться своимъ порядкомъ: въ 1591 г. основаны Кромы, въ 1601 г. Борисовъ [3]). Продолжали посылаться и поминки: въ 1600 г. отправлено въ Крымъ денегъ 14 тысячъ рублей, чѣмъ тамъ были не вполнѣ довольны, „прежде-де посылалось больше, что-де это за любовь, часъ отъ часу убавлять?“ [4]).

Въ смутное время самозванцевъ и междуцарствія, а также въ началѣ Михаилова царствованія, крымцы не причинили того зла, какого можно было ожидать при данныхъ неблагопріятныхъ для государства условіяхъ; въ эту пору Крымъ былъ занятъ своими внутренними смутами, да турецкими отношеніями. Правда, Авраамій Палицынъ говоритъ про ежегодныя нападенія татаръ крымскихъ и ногайскихъ [5]), но говоритъ въ выраженіяхъ слишкомъ общихъ; изъ другихъ источниковъ не видать, чтобы татары дѣлали въ это время нападенія большими массами; можно полагать, что тогда рѣже обыкновеннаго были набѣги даже малыхъ татарскихъ шаекъ: имъ опасно было проникать далеко внутрь земли, гдѣ онѣ могли наталкиваться

---

[1]) *Извѣст. Таврич. учен. арх. коммиссіи*, № 9, документъ подъ № 28. *Соловьевъ*, И. Р. VII, 353—354.

[2]) *Соловьевъ*, И. Р. VIII, 39—40.

[3]) Лѣтопись по Никонов. сп. VIII, 46 — 47. О Борисовѣ интересны свѣдѣнія и соображенія въ Очеркахъ г. *Багалѣя*, на стр. 42—51.

[4]) *Соловьевъ*, VIII, 38. Тѣмъ не менѣе шертная грамота была дана ханомъ (*Изв. Таврич. уч. арх., ком.*, № 10, документъ № 32).

[5]) Сказаніе объ осадѣ Троице-Сергіева монаст. (2-е изд.), стр. 35; 45—46.

на вооруженныя партіи казаковъ и населенія, повсюду бравшагося за оружіе. (И здѣсь, оказывается, нѣтъ худа безъ добра). Наоборотъ, встрѣчаемъ любопытныя извѣстія, что татары иногда приходили на помощь законному правительству, или по крайней мѣрѣ подъ такимъ предлогомъ являлись иногда у береговъ Оки. Такъ, въ іюлѣ 1609 г., къ Коломнѣ пришелъ крымскій калга съ 40-тысячнымъ отрядомъ, и отъ имени хана Саламетъ-Гирея предлагалъ услуги царю Василію Ивановичу: государь согласился и велѣлъ татарамъ идти къ Москвѣ [1]). Подъ слѣдующимъ годомъ лѣтопись говоритъ о приходѣ татарскихъ царевичей также на помощь царю московскому, о встрѣчѣ татаръ съ толпами тушинскаго самозванца въ Боровскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Нарѣ, при этомъ случаѣ татары побили тушинцевъ, но вскорѣ ушли обратно къ себѣ, подъ предлогомъ нужды въ продовольствіи. Со своей стороны Палицынъ прибавляетъ къ этому, что татары, призванные самимъ царемъ, не принесли ему пользы, а только вредъ: взяли царскіе подарки, но соединились съ непріятелями и забирали русскій полонъ: извѣстіе вѣроятное [2]). Принесли ли они какую пользу, или вредъ въ предыдущемъ году, не видать изъ источниковъ. Во всякомъ случаѣ татары были плохіе помощники; да едва ли царь Василій Ивановичъ и возлагалъ много надежды на нихъ.

Съ возстановленіемъ государственнаго порядка при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ было обращено надлежащее вниманіе и на крымскія отношенія; оно выразилось цѣлымъ рядомъ систематическихъ мѣръ по укрѣпленію и оборонѣ южной окраины государства: возобновилась прерванная въ смутное время дѣятельность по строенію городовъ, проведенію новыхъ засѣчныхъ линій и валовъ, по усиленію сторожевой и станичной службы на степномъ пограничьѣ; приняты разныя мѣры собственно на случай татарскихъ набѣговъ; предпринимаются спеціальные дозоры въ степи такихъ мѣстъ, кои особенно важно было укрѣпить; составляется новый чертежъ южной части государства и степи, со включеніемъ въ этотъ чертежъ отчасти самаго Крыма. Особенно важна дѣятельность по строенію городовъ, въ короткій промежутокъ времени возникшихъ въ значи-

---

[1]) Акт. Археограф. Экспед. II, № 132 (двѣ царскія грамоты отъ 26-го іюля 1609 г. О татарахъ на стр. 244 и 246).

[2]) Лѣтоп. по Никонову сп. VIII, 135—136. Сказаніе Палицына, 233. Сравн. Истор. Россійск. кн. *Щербатова*, т. VII, ч. II, стр. 393—395, и *Соловьева*, И. Р. VIII, 319.

тельномъ числѣ: въ 1628 году былъ „построенъ“ Старый Осколъ [1]); въ 1636 году, съ котораго начинается особенно энергическое строеніе городовъ, были основаны Верхній Ломовъ, Нижній Ломовъ, Тамбовъ, Козловъ и Чернавскъ; въ 1637 году велѣно было строить города Верхососенскій, Усердъ, Яблоновъ; въ 1638 году основанъ гор. Короча; въ 1640 году — Вольный, или Вольный Курганъ; въ 1641 году — Хотмыжскъ, въ 1644 году — Костенскъ. Этотъ рядъ городовъ и разнаго рода иныхъ укрѣпленій (острожки, лѣсныя засѣки собственно, рвы, валы съ изгородью, съ башнями, воротами и т. п.), располагавшихся вблизи городовъ и между ними, по засѣчнымъ линіямъ, поперекъ татарскихъ сакмъ, представляетъ знаменательное явленіе въ исторіи русскаго государства. Оно показываетъ значительный ростъ русскаго населенія, которое теперь ищетъ себѣ выхода на плодородныя земли къ югу отъ Оки; тамъ оно располагается жить земледѣльческимъ трудомъ подъ защитою укрѣпленій, энергически строимыхъ государствомъ, которое съ своей стороны находитъ возможнымъ допустить колонизацію до степныхъ предѣловъ и имѣетъ средства, хотя не всегда вполнѣ достаточныя, защищать украинское населеніе отъ кочевниковъ, крымскихъ и ногайскихъ татаръ. Построенные города, составляя для окружнаго деревенскаго населенія мѣста защиты на всякій случай, еще больше важны для государства и населенія, какъ опорные пункты для дальнѣйшаго наступленія на степь: строеніе городовъ значитъ больше, чѣмъ оборону только отъ степныхъ жителей; оно значитъ, въ сущности, наступленіе на нихъ, хотя медленное, но за то прочное и вѣрное. Такимъ образомъ, мирный земледѣльческій трудъ, да городъ, центръ правительственный и воинскій, постепенно завоевывали степь, одолѣвали ея стихійныя силы и варварскія привычки ея жителей [2]).

---

[1]) „Городъ Старый Осколъ построенъ былъ во 136 году, и тотъ городъ сгорѣлъ, а построили вновь въ прошломъ во 138 году, на томъ же мѣстѣ, на рѣкѣ Осколѣ съ правые стороны, на усть Малаго Оскольца съ лѣвые стороны“ (Дополн. къ акт. истор. IX, 269). Такъ какъ городъ былъ основанъ еще въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, то выраженіе о „построеніи“ его теперь нужно понимать въ смыслѣ возобновленія.

[2]) О строеніи городовъ и разныхъ укрѣпленій въ царствованіе Михаила весьма важный документъ — окружная царская грамота отъ начала 1637 года: Акт. экспед. III, № 268. Ср. въ томъ же томѣ относящіеся сюда же акты подъ

Но сполна одолѣть степь еще не было возможности для государства въ XVII-мъ вѣкѣ, и долго еще—и тогда, и даже въ XVIII-мъ вѣкѣ — приходилось больно чувствовать всѣ зло ея сосѣдства для земледѣльческаго украинскаго населенія. Въ данное время, то-есть, въ первой половинѣ XVII вѣка, ближайшимъ слѣдствіемъ построенія городовъ на степномъ пограничьѣ были усиленныя нападенія татарскія. Правда, въ этомъ вѣкѣ крымцы уже не могли прорываться за Оку, какъ не разъ они это дѣлали въ предыдущемъ вѣкѣ; но и теперь для ихъ набѣговъ оставался всё еще очень широкій районъ отъ Перекопа до Оки, отъ Днѣпра до Волги, но ста-

---

№№ 260 и 261, 270, 303—305. — Дополн. къ акт. истор. т. IX, № 106, заключаетъ опись городовъ, вѣдомыхъ въ Розрядѣ, составленную въ 1678 году: въ этой описи не разъ отмѣчается время основанія и подновленія городовъ, сверхъ описанія ихъ положенія въ данное, или недавно прошедшее время. — Въ примѣръ наказовъ воеводамъ, какъ надобно поступать въ виду татарскихъ набѣговъ, см. наказъ воеводамъ Переславля Рязанскаго: Акт. Эксп. II, № 187, и наказъ кропивненскому воеводѣ въ Синбирск. Сборникѣ, на стр. 26, въ отдѣлѣ актовъ, до рода Кикиныхъ относящихся. — Данныя источниковъ и спеціальныхъ сочиненій по строенію городовъ при Михаилѣ сведены въ прекрасной книгѣ *Е. Е. Замысловскаго*, Объясненія къ учебн. атласу по Русск. исторіи, на стр. 71 — 73. Въ самомъ атласѣ того же автора (изд. 3-е), на картахъ №№ 4 и 5, нанесены важнѣйшія изъ засѣчныхъ и сторожевыхъ линій XVI и XVII вв., но на картѣ № 6 не отмѣчена Украинская линія укрѣпленій по рѣкамъ Ореди и Донцу; было бы желательно также видѣть болѣе ясно обозначенною старую Бѣлгородскую черту укрѣпленій, окончательно устроенную въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Стоитъ принять во вниманіе и старую засѣчную линію, проведенную на картѣ Московскаго государства Гесселя Герарда, которая была составлена на основаніи старой карты, именуемой картою царевича Ѳедора Борисовича, и поднесена царю Михаилу Ѳеодоровичу въ 1614 году. Составитель карты пояснялъ, что такое засѣка, надписавъ по ея линіи: „saisec (засѣка) constans nemoribus desectis et vallis, a czar Fedor Iwanowicz aggestum contr irrupti ones tartarorum Crimensium“ (Карта приложена у *Устрялова*, Сказ. со врем. о Димитріѣ самозв. II; ср. замѣчанія къ картѣ на стр. 333 — 334. Та же карта воспроизведена еще разъ въ *Изв. Географ. Общ.* 1889 г., т. XXV, вып. I, при замѣткѣ г. *Стебницкаго*). — О подновленіи и пополненіи чертежей Московскаго сударства, въ частности южной половины государства и Крыма, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, см. Книгу, глаголемую Большой Чертежъ (изд. *Спасскаго*, М. 1846 г., на стр. 2—3, 5). — Подробнѣйшія указанія на строеніе городовъ и всей системы укрѣпленій въ сторонѣ Крыма, въ XVI—XVIII вв. находятся въ интересной книгѣ *Д. И. Багалѣя*, которую мы уже не разъ цитовали: Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства т. I, М. 1887.

рымъ наторённымъ дорогамъ Муравской, Изюмской и Калміусской, и по разнымъ побочнымъ путямъ, хорошо знакомымъ для нихъ. Крымцы тѣмъ съ бо̀льшимъ ожесточеніемъ теперь нападаютъ, что сами сильнѣе чувствуютъ напоръ всё больше возрастающаго въ силѣ казачества и предчувствуютъ еще бо̀льшую силу государства, за нимъ стоящаго. Они прокрадываются мимо сторожей и станичниковъ, стараются обмануть ихъ или обогнать, пробираются торопливо мимо городовъ, мимо засѣкъ и валовъ, либо прорываются сквозь самые валы и изгороди [1]), грабятъ и забираютъ въ плѣнъ деревенскій народъ, не успѣвшій скрыться въ городъ, или въ лѣсъ, или въ оврагъ, и такъ же торопливо пробираются въ обратный путь, чтобы избѣжать преслѣдованія изъ городовъ. По прежнему крымцы пользуются удобнымъ для себя временемъ, когда Московское государство вступаетъ въ войну съ Польшей: такъ, въ 1633 году, во время осады Смоленска, ханъ Джанибекъ-Гирей (1627 — 1635), подкупленный Польшею, выслалъ отрядъ татаръ подъ начальствомъ нурадина, своего сына, который повоевалъ многіе украинные города, чѣмъ заставилъ многихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ оставить осаду смоленскую, и воротиться въ ихъ вотчины и помѣстья, — обстоятельство, не выгодно повліявшее на исходъ всей смоленской войны [2]). По прежнему ханы требуютъ отъ Москвы доставки ежегодной денежной казны, мѣховъ, шубъ и тому подобныхъ поминковъ для себя, для своихъ женъ и дѣтей, для придворныхъ и знатнѣйшихъ родомъ князей и мурзъ, посылаютъ отъ себя въ Москву списокъ лицъ и поминковъ, настаивая, чтобы всё было прислано по этому списку, въ противномъ случаѣ угрожаютъ войною или отмщеньемъ на посланникахъ русскихъ, которые, дѣйствительно, не разъ подвергаются въ Крыму задержанію, грабежу, даже побоямъ и истязаніямъ. Въ виду такого варварскаго обхожденія съ послами, московское правительство иногда грозитъ хану вовсе не посылать

---

[1]) Вотъ примѣръ отъ 1673 года: „отъ города Оскола до Верхососенскаго рубежа валъ земляной, оплотъ дубовой съ крымскіе стороны, во многихъ мѣстѣхъ воинскіе люди, татарове, въ прошломъ во 181 году выжгли на девять верстъ“: по этому проломному мѣсту и прошелъ крымскій ханъ (Дополн. къ Акт. Истор. IX, стр. 277).

[2]) Собр. Гос. Гр. и Дог. III, стр. 344 и 386. Ср. *Соловьева*, И. Р. IX, 222; тамъ же о набѣгѣ татарскомъ 1622 года, стр. 217. — *Изв. Таврич. архив. ком.*, № 10, стр. 24, 26.

своихъ уполномоченныхъ въ Крымъ, но не находитъ возможнымъ порвать всякія дипломатическія сношенія съ нимъ: ихъ нельзя было порвать уже ради того только, что Крымъ въ такомъ случаѣ окончательно предался бы на польскую сторону. Итакъ, приходилось поддерживать сношенія съ ордой, доставлять хану ежегодные поминки („любительные поминки", какъ они называются на дипломатическомъ языкѣ вѣка), а его приближеннымъ — „жалованье": это были какъ бы страховыя деньги, или средство предупредить еще большее зло со стороны варваровъ; по прежнему также расчитывали поднимать этимъ средствомъ Крымъ на Польшу. Приведемъ нѣсколько данныхъ. Въ 1614 году крымскій уполномоченный Ахметъ-паша Сулешевъ на посольской размѣнѣ въ Ливнахъ [1]) запрашивалъ отъ московскихъ уполномоченныхъ 10-ть тысячъ рублей ежегодныхъ поминковъ, сверхъ мягкой рухляди, а московскіе предлагали ему четыре тысячи; въ отвѣтъ на это Ахметъ Сулешевъ сказалъ: „вы ставите шесть тысячъ рублей въ дорого, говорите, что взять негдѣ, а я на однихъ Ливнахъ вымещу: хотя возьму тысячу плѣнныхъ, а за каждаго плѣнника возьму по 50-ти рублей, то у меня будетъ 50 тысячъ рублей". Такъ переговаривались русскіе и крымскіе уполномоченные! Впрочемъ, князь Сулешевъ долженъ былъ согласиться на предлагаемыя четыре тысячи, въ ожиданіи того, что весною будущаго года будутъ отправлены съ посломъ болѣе значительные поминки, какъ обѣщали русскіе уполномоченные [2]). Съ своей стороны ханъ потребовалъ отъ пріѣхавшаго русскаго посла, князя Волконскаго, той же суммы въ 10 тысячъ руб., какъ бывало она при-

---

[1]) Ливны и Валуйки были обычныя мѣста, гдѣ съѣзжались въ XVI и XVII вв. уполномоченные русскіе и татарскіе, и размѣнивались послы. Это ускоряло переговоры и обезпечивало большую безопасность пословъ съ обѣихъ сторонъ. О порядкахъ и обстановкѣ такихъ съѣздовъ можно судить по даннымъ относительно, напримѣръ, съѣзда на Валуйкѣ 1629 года (Дворцовые Разряды, III, 823 — 838).

[2]) *Соловьевъ*, И. Р. IX, 85 — 86. *Извѣстія Таврич. учен. архив. ком.*, № 10, стр. 11—13 (шертная запись Ахмета Сулешева отъ 1614 года). Родъ Сулешевыхъ всегда былъ расположенъ болѣе другихъ къ русской сторонѣ: они часто ведутъ переговоры въ качествѣ крымскихъ уполномоченныхъ съ русскими, даютъ отъ себя шертныя записи въ томъ смыслѣ, что будутъ поддерживать русскіе интересы предъ ханомъ, защищать царскихъ пословъ и т. п. Нѣкоторые изъ Сулешевыхъ вступали въ русскую службу. (Ант. Экспед. III, № 289 и 332. Книга посольск. Метрики в. княж. Литов., изд. кн. *Оболенскаго*, стр. 226. Ист. Росс. *Соловьева* IX, 86; 365—366).

сылалась-де Казы-Гирею; однако въ шертную грамоту было вписано только общее неопредѣленное условіе на этотъ счетъ: „и тебѣ бы, брату нашему (государю Московскому), на всякой годъ, въ началѣ лѣта, къ намъ казну и поминки присылать по прежнему, что̀ у тебя лучится рублевъ денегъ“ [1]). Такимъ образомъ, русскіе посланники успѣли убѣдить татаръ, что небогатая казна Московскаго государства не можетъ-де, послѣ недавно пережитой смуты, платить въ орду крупные денежные поминки, и не внесли въ шертную грамоту опредѣленнаго обязательства на этотъ счетъ. Въ сентябрѣ 1633 года татарскіе посланцы говорили въ Москвѣ, что въ послѣдніе два года ханъ велѣлъ воевать московскую украйну за то, что ему не были присланы поминки, а его ближнимъ жалованье на два года [2]). Такъ ли было въ самомъ дѣлѣ, какъ говорили татары, не извѣстно; болѣе вѣроятнымъ представляется, что поминки крымцамъ не были посланы уже вслѣдствіе того, что они обнаружили враждебныя движенія и согласились на подкупъ со стороны Польши. Какъ бы то ни было прежде, а къ концу 1633 года ханъ Джанибекъ-Гирей далъ торжественную шертную запись: быть впредь въ дружбѣ и любви съ московскимъ царемъ, имѣть общихъ друзей и враговъ, стоять сообща противъ всякихъ недруговъ, а литовскому королю никакими мѣрами ни въ чемъ не помогать и т. д., въ обычныхъ выраженіяхъ стараго Менгли-Гиреевскаго времени. За то къ шертной грамотѣ была приложена обширная роспись, какіе поминки и кому именно слѣдуетъ впредь присылать изъ Москвы,—документъ весьма интересный въ разныхъ отношеніяхъ: и по исчисленію лицъ, занимавшихъ ближайшія мѣста подлѣ хана, и по описанію самыхъ поминковъ, кои требовались для каждаго должностнаго и чиновнаго лица, смотря по его значенію при особѣ хана, да и по самому принципу, высказанному въ этомъ документѣ: „и впредь отъ нашей стороны никакой ссоры и смуты не будетъ; да чтобъ есте прислали поминковъ безъ убавки, по сей росписи, а впредь посломъ вашимъ никакова безчестья и тѣсноты не будетъ“ [3]). Казалось бы теперь, съ опре-

---

[1]) *Извлеч. Таврич. арх. ком.* № 10, стр. 15 (шертная ханская запись отъ 1615 года).

[2]) Тамъ-же, № 10, стр. 24 и 26.

[3]) Тамъ-же, стр. 29—41. Поминки предлагались, главнымъ образомъ, мѣхами и шубами, что для казны московскаго государя было удобнѣе, нежели деньги. Вотъ для примѣра исчисленіе поминковъ хану: „шуба соболья нагольная, пуг-

дѣленіемъ точнаго размѣра поминковъ, должны были установиться на самомъ дѣлѣ болѣе прочныя мирныя отношенія между Московскимъ государствомъ и Крымскою ордой: государство хотя не богатое, даже въ сущности бѣдное, соглашалось на постоянныя поминки татарамъ деньгами и мѣхами; оно и прежде не отказывалось давать имъ эти поминки, а теперь тѣмъ больше соглашалось на нихъ, что все ближе сходилась граница русскихъ населеній съ крымскими коченьями и все чувствительнѣе становился вредъ татарскихъ набѣговъ: орду надобно было всячески сдерживать до тѣхъ поръ, пока государство не будетъ въ состояніи сдѣлать послѣдній рѣшительный шагъ на нее. Однако и теперь прочнаго мира не было, да и быть ему было очень трудно, какъ всегда. Вопервыхъ, въ Крыму были склонны постоянно увеличивать запросы поминковъ, сверхъ однажды условленнаго. Вовторыхъ, поминки шли въ пользу хана и знатнѣйшихъ татаръ его; но рядовые казаки и вся масса крымскихъ татаръ, на долю которыхъ поминковъ не было, хотѣли по прежнему жить грабежемъ, кормиться по исконному обычаю степняковъ насчетъ земледѣльцевъ; бѣдная, мало обезпеченная въ средствахъ жизни масса татарская стремилась въ набѣгъ не изъ дикой только любви къ разоренію, а ради полученія какой нибудь добычи, для удовлетворенія своей нужды; подъ вліяніемъ этой нужды она и пускалась въ далекій набѣгъ (дѣло всегда не легкое и рискованное), пускалась иной разъ даже мимо ханскаго запрещенія. Втретьихъ, наконецъ, Крымъ постоянно находился подъ сторонними вліяніями, несоотвѣтственными его внутренней силѣ и дѣйствительному значенію колебавшими настроеніе татарскихъ умовъ. Мы вѣримъ, что ханы были искренни, когда писали въ шертной грамотѣ такія, напримѣръ, торжественныя клятвы: „я, великій государь, тебѣ, брату своему, клянуся Единымъ Богомъ, Сотворителемъ нашимъ, и законодавшею [1])

ницы серебрены позолочены; шапка лисья черна; 3 пары соболей; однорядка скорлатна червчета, пуговицы серебрены золочены, кружево и петли золото съ серебромъ кованые; шуба куньи пластинчатая; 3 шубы куньи рядовые; шуба горла лисьи, шуба горностайная нагольная; 5 цки горностайные, 5 цки куньи, 10 шубъ хрептовыхъ бѣльи нагольные; 10 шубъ черева бѣльи; 10 цки бѣльи хрептовые, 10 цки черева бѣльи; 10 поставовъ суконъ на страфилю; 2 пуда рыбья зубу доброво; 4 тысячи рублевъ денегъ".

[1]) Не знаемъ, точно ли прочтено и напечатано это слово и слѣдующее за нимъ: до сихъ поръ нигдѣ намъ не приходилось встрѣтить слова „законодавша" (какъ оно было бы въ именительномъ падежѣ); слѣдующее слово „намъ" мы читаемъ: „нашимъ".

нашимъ пророкомъ Махаметемь, и утверженою нашею законною, прямою книгою, кураномъ, на которой книгѣ я, великій государь, для твоей братственной дружбы и любви шерть учинилъ на томъ, что мнѣ... и всѣмъ крымскимъ ратнымъ людемъ на Московское государство войною не ходити" [1]). Но такое настроеніе хана и его приближенныхъ обыкновенно скоро проходило, и при первомъ же случаѣ, въ родѣ набѣга какой-нибудь незначительной партіи донскихъ казаковъ, не говоря уже про внушенія изъ Порты и Польши, замѣнялось враждебностью, выражавшеюся новымъ набѣгомъ, или грубымъ оскорбленіемъ московскихъ пословъ; миръ нарушался, московскому правительству снова приходилось жалѣть о потраченныхъ даромъ усиліяхъ и деньгахъ, а крымцамъ—злиться на убавку поминковъ, или на полное прекращеніе ихъ до извѣстнаго времени.

Къ издержкамъ въ видѣ поминковъ и полоняничныхъ денегъ, посылавшихся въ Турцію и Крымъ на выкупъ плѣнныхъ [2]), присоединялись траты на оборону границы въ тѣхъ случаяхъ, когда война съ татарами могла быть предвидѣна. Такъ, напримѣръ, въ февралѣ 1637 года была разослана по городамъ царская окружная грамота, уставлявшая повсемѣстный денежный сборъ на городовое дѣло и на жалованье ратнымъ людямъ, въ виду обороны отъ татаръ [3]). Въ сентябрѣ этого же года послѣдовалъ значительный татарскій набѣгъ, по приказу султана, какъ говорили татары, за то, что донскіе казаки взяли Азовъ; по этому случаю царь собралъ земскій соборъ, на которомъ снова положено дѣлать повсемѣстный сборъ деньгами и людьми на случай новыхъ нападеній татаръ и турковъ [4]). Черезъ четыре года, именно въ началѣ 1642 г., созванъ еще земскій соборъ для совѣщанія о томъ, принимать ли государству взятый козаками Азовъ, и если принимать, то гдѣ взять денегъ на

---

[1]) *Извѣст. Таврич. архив. коммиссіи*, № 10, стр. 15. Всѣ вообще документы въ этой книжкѣ *Извѣстій*, то-есть, шертныя грамоты хановъ и ихъ уполномоченныхъ, обыкновенно князей Сулешевыхъ, суть важный матеріалъ для исторіи крымской за время государя Михаила Ѳеодоровича. Издатель ихъ, г. Лашковъ, напечатаніемъ ихъ оказалъ важную услугу для занимающихся исторіей Крыма.

[2]) Котошихинъ опредѣляетъ сумму крымскихъ поминковъ—за время государя Алексѣя Михайловича—въ 20-ть тысячъ рублей ежегодно, а сумму полоняничныхъ денегъ, собиравшихся ежегодно въ государствѣ, въ 150 тысячъ рублей, при чемъ прибавляетъ, что кромѣ выкупа ни на что другое эти деньги не тратились (О Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича, изд. 2-е, стр. 47 и 72).

[3]) Акт. Археогр. Экси. III, № 268. Акт. Историч. III, № 195.

[4]) Акт. Арх. Эксп. III, № 275.

войну съ Турціей и Крымомъ. Въ отвѣтъ подавались между прочими такія письменныя сказки: „съ турецкимъ салтаномъ и крымскимъ царемъ разорвать ли, Азовъ у донскихъ козаковъ принять ли, то въ его государской волѣ; а турскаго и крымскаго царя неправды извѣстны государю: всегда крымской царь на своей правдѣ не стаивалъ, и черезъ свое утверженье государевы украйны воевалъ, и полонъ многой ималъ и разорялъ; и за тѣ бы ихъ бусурманскія неправды не велѣлъ государь въ Крымъ своей государевой казны посылать, а та его государева казна пригодится государевымъ ратнымъ людямъ на жалованье, которые будутъ противъ ихъ, бусурманъ, стоять“ [1]). Такъ написали свою мысль два московскіе дворянина, Беклемишевъ и Желябовскій, въ особой сказкѣ. И всѣ выборные земскіе люди, конечно, хорошо знали про неправды крымскаго хана; при всемъ томъ однако, въ виду недостаточности средствъ для войны съ султаномъ и ханомъ, о чемъ земскіе люди также заявляли государю, донскимъ козакамъ послано было приказаніе оставить Азовъ; войны съ турками и крымцами у государства на этотъ разъ еще не произошло.

Таковъ былъ этотъ жгучій крымскій вопросъ! Если взвѣсить всѣ эти траты на Крымъ, или по поводу Крыма, всѣ эти издержки на оборону южной украйны во время нашествій крымскихъ, или въ виду ожидаемыхъ только нашествій, особенно издержки и труды по строенію цѣлаго ряда укрѣпленій въ видѣ городовъ и изгородей, засѣкъ и валовъ, линія которыхъ, еслибы ихъ сложить и вытянуть въ одну прямую, составила бы огромное протяженіе въ нѣсколько сотъ верстъ (труды не меньшіе, чѣмъ римскіе или китайскіе въ этомъ же родѣ); если принять во вниманіе эти потери имущества и особенно печальныя, ничѣмъ не вознаградимыя потери людей, которыхъ крали крымскіе разбойники и продавали въ турецкую неволю; если, наконецъ, представить, что государство, при всемъ его усиливающемся достоинствѣ и могуществѣ, не свободно было отъ татарскихъ набѣговъ вплоть до послѣднихъ дней существованія Крымской орды, то намъ станетъ понятна вся тяжесть крымскаго сосѣдства, вся „злоба“ крымскихъ и турецкихъ отношеній, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ. Намъ тогда становятся понятны не веселыя размышленія, находимыя, напримѣръ,

[1]) Собр. Гос. Гр. и Догов. III, стр. 398; сравн. тамъ же, стр. 385—386. Весь актъ собора 1642 г. интересенъ, между прочимъ, и по взглядамъ земскихъ людей на вопросъ крымскій и турецкій.

въ книгѣ Котошихина, этого вообще яснаго и трезваго писателя. Вотъ что читаемъ въ одномъ мѣстѣ у этого автора на счетъ крымскихъ отношеній (слова его на столько характерны, что мы приведемъ ихъ въ подлинникѣ, съ того мѣста, гдѣ говорится про поминки): „А уложилъ тѣ поминки (крымскіе) давать Алексѣй митрополитъ московскій послѣ того времяни, какъ онъ былъ въ Крыму, въ полону, тому много лѣтъ назадъ. Такъ же онъ, митрополитъ, заклялъ Московское государство, чтобы они сами на крымскихъ людей войною не ходили, а утѣшали бы нечестиваго дарами; а ежели они черезъ его заклинаніе учнутъ ходить на Крымъ войною, и имъ въ войнѣ не дастъ Богъ поиску, а въ землѣ плоду; развѣ они, крымскіе люди, сами учнутъ войною приходити,—и противъ нихъ стояти повелѣлъ. И по тому его заклинанію, Московскій царь то и чинитъ: самъ войною на Крымъ не наступаетъ, а окупается такими дарами ежегодь; а когда и войска свои противъ крымскихъ людей посылаетъ, и тогда московскіе войска на крымскіе войска поиску сыскати не могутъ никакого, потому что московскіе войска ни которыхъ людей такъ не страшны, какъ крымскихъ". [1]). Такова любопытная крымская легенда, связанная съ именемъ св. Алексѣя митрополита, державшаяся въ нѣкоторыхъ кружкахъ московскаго общества XVII вѣка. Не одинъ Котошихинъ записалъ ее: современникъ его, Юрій Крижаничъ, также слышалъ ее и записалъ вкратцѣ, съ нѣкоторыми варіаціями [2]). Гдѣ ближайшій источникъ этой легенды, мы пока не можемъ сказать; въ житіяхъ св. Алексѣя митрополита, на сколько мы знаемъ, нѣтъ указаній на что-нибудь въ родѣ плѣненія святаго мужа отъ татаръ. Но само по себѣ дѣло очень возможное, что во время одной изъ поѣздокъ своихъ въ Царьградъ, чрезъ татарскія кочевья южной Россіи, или же во время поѣздки въ Золотую Орду, митрополитъ Алексѣй дѣйствительно гдѣ-нибудь испыталъ задержку

---

[1]) О Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича, стр. 47. У того же автора встрѣчаемъ нѣсколько цѣнныхъ свѣдѣній и вѣрныхъ сужденій о дѣлахъ крымскихъ: такъ, кромѣ данныхъ о поминкахъ и полоняничныхъ деньгахъ, выше указанныхъ, онъ даетъ свѣдѣнія о пріемѣ въ Москвѣ крымскихъ пословъ, о ихъ безстыдствѣ и невѣжливости, о варварскомъ обращеніи въ Крыму съ нашими послами, о размѣнѣ и выкупѣ плѣнныхъ у крымцевъ (стран. 47—48; 56—57).

[2]) Политика, II, 131: „преподобный Петеръ (раньше было написано: „Алексѣй") митрополитъ есть заповѣдалъ татаромъ давать данину" (Вѣроятно, въ Москвѣ разные люди говорили то про одного, то про другаго святителя; но возможно также, что авторъ ошибся и поправился, написавъ одно имя вмѣсто другаго.)

отъ татаръ: въ степи такой случай какъ нельзя больше — дѣло возможное; не даромъ святитель бралъ особый ярлыкъ отъ ханши Тайдулы на свободный проѣздъ въ Грецію; очень возможно, что ярлыкъ и взятъ былъ вслѣдствіе какого-нибудь непріятнаго случая въ этомъ родѣ, имѣвшаго мѣсто прежде [1]). Вполнѣ также естественно, что знаменитый государственный человѣкъ, оказавшій такія важныя услуги великокняжескому московскому роду въ дѣлѣ собиранія и устроенія земли, сообщалъ великимъ князьямъ и боярамъ свои мудрыя, опытныя замѣчанія и давалъ завѣты по дѣламъ татарскимъ, въ томъ, напримѣръ, смыслѣ, чтобы не допускать татаръ до вмѣшательства во внутреннія дѣла Руси, не доводить до ихъ вторженій, а держать всячески миръ въ землѣ внутренній и относительно хановъ, до тѣхъ поръ пока государство соберется съ силами; можетъ быть, святитель давалъ и другіе, ближайше годные практическіе совѣты по дѣламъ орды, отношенія къ которой онъ хорошо зналъ и понималъ. Таковы, на нашъ взглядъ, общія условія или данныя, изъ коихъ могла зародиться приведенная Котошихинымъ легенда на счетъ того, будто св. Алексѣй митрополитъ вовсе запретилъ вести наступательную войну съ татарами. Ея тенденція понятна: авторитетомъ великаго святителя хотѣли прикрыться тѣ люди, которые не хотѣли рисковать наступательною войной съ Крымомъ, или даже дѣйствительно боялись такой войны; эти люди и поддерживали легенду, примѣнили ее къ крымскимъ отношеніямъ, о какихъ при св. Алексѣѣ не могло быть еще рѣчи, ибо тогда Крымъ былъ не больше, какъ простой улусъ Золотой Орды, далеко не имѣвшій того значенія, какое онъ получилъ позже. Таковъ, по нашему, смыслъ преданія, записаннаго у Котошихина; рѣчь идетъ все о томъ же: оборона, или наступленіе? Все тотъ же старый, докучливый вопросъ, медленно подвигающійся къ рѣшенію!

Начало царствованія Алексѣя Михаиловича крымскіе татары „поздравили“ вторженіемъ въ Украйну, въ Рыльскій уѣздъ, но были здѣсь разбиты царскими воеводами и принуждены воротиться безо всякой добычи. Въ отвѣтъ на эту новую дерзость, царь Алексѣй Михаиловичъ рѣшилъ взять наступательныя мѣры противъ Крыма:

---

[1]) „Сей Алексѣй митрополитъ, коли поидетъ ко Царюграду, и здѣ хто ни будетъ, чтобъ его не замали, ни силы бъ надъ нимъ не чинили ни какіе; или гдѣ ему лучится постояти, чтобъ его никто не двинулъ, ни коней его не имали занеже за Змѣебека Царя, и за дѣтей его, и за насъ молитву творитъ, такъ есми молвили“ (Собр. Гос. Гр. и Дог. II, № 10).

онъ еще раньше набѣга татарскаго заявилъ султану, что если крымскій ханъ еще разъ измѣнитъ клятвѣ, то ему больше уже не будутъ терпѣть; послѣ же набѣга государь отправилъ въ началѣ 1646 года посольство въ Польшу съ предложеніемъ заключить наступательный союзъ противъ Крымской орды: „вы бы, паны радные, сами о томъ думали и короля на то наводили, чтобъ его королевское величество для избавы христіянской въ нынѣшнее благополучное время велѣлъ отпереть Днѣпръ, и позволилъ бы днѣпровскимъ казакамъ вмѣстѣ съ донскими воевать крымскіе улусы, да и къ гетману послалъ бы приказъ, чтобы онъ съ своими ратными людьми на Украйнѣ былъ готовъ, и съ царскими воеводами обо всякихъ воинскихъ дѣлахъ ссылался, какъ имъ противъ крымскихъ татаръ стоять, въ какихъ мѣстахъ сходиться". Польскіе паны отвѣчали, что они вседушно рады и молятъ Бога, чтобы обоихъ великихъ государей руки высились надъ бусурманами [1]), какъ вдругъ поднялось возстаніе противъ Польши тѣхъ самыхъ казаковъ, на которыхъ расчитывали, какъ на передовыхъ бойцовъ противъ Крыма: вопреки ожиданію правительствъ, малороссійскіе казаки, подъ начальствомъ Хмельницкаго, поднялись не противъ Крыма, а съ помощью этого самаго Крыма противъ Польши. Дѣла принимали совершенно иное направленіе. Польское правительство повело теперь рѣчь къ московскому о томъ, чтобы то пособило разорвать союзъ казаковъ съ татарами и усмирить казацкое движеніе. Но какъ разорвать этотъ союзъ? А главное: нужно ли усмирять царю движеніе казаковъ? Въ Москвѣ ясно понимали смыслъ казацкаго движенія, знали его причины и угадывали исходъ. Дѣйствительно, возстаніе Богдана Хмельницкаго привело къ возсоединенію Малороссіи съ Великой Россіей, событію великой важности въ исторіи Россіи и Польши; для первой оно обозначало рѣшительный перевѣсъ въ вѣковой тяжбѣ за возвращеніе русскихъ земель, а для второй— распаденіе, начало конца. Еще разъ два государства вступили въ продолжительную, упорную войну; еще разъ крымцы воспользовались этою войной для своихъ набѣговъ, грабежей и плѣненій; они тѣмъ удобнѣе теперь могли вмѣшиваться въ отношенія борющихся сторонъ какъ главныхъ, то-есть, государствъ, такъ и второстепенныхъ, то-есть, разныхъ партій внутри самой Малороссіи, руководимыхъ честолюбивыми казацкими предводителями, что эти послѣдніе не стыдились призывать татаръ на помощь себѣ, на разоренье странѣ. Дѣла въ

[1]) *Соловьевъ*, И. Р., X, стр. 120—129 (2-е изд.).

Малороссіи принимали затруднительный оборотъ, запутывались и усложнялись какъ внутри, такъ и извнѣ; поэтому существенная практическая задача для московскаго правительства состояла въ томъ, чтобы удержать Малороссію въ подданствѣ, устроить ея внутренній порядокъ, примирить сословія и опредѣлить всѣ внутреннія отношенія, и въ то же время заставить Польшу помириться на условіяхъ, отвѣчающихъ достоинству и выгодамъ государства: тогда снова можно будетъ повести рѣчь о союзѣ противъ Крыма, о наказаніи его за все зло какъ за прежнее, такъ и за послѣднее, которое приходилось терпѣть, пока не былъ рѣшенъ главный вопросъ времени, то-есть, Малороссійскій.

IV.

Въ эту-то пору, когда дѣла въ Малороссіи принимали такой затруднительный, не желанный для московскаго правительства оборотъ, туда прибылъ Крижаничъ, авторъ крымскаго проекта, о которомъ собственно наша рѣчь. Присмотримся ближе, что за человѣкъ этотъ авторъ, и съ какими намѣреніями онъ пріѣхалъ въ Россію.

Хорватскій дворянинъ изъ стариннаго рода, Юрій Крижаничъ родился около 1617 года, близъ города Загреба, въ юности лишился родителей, а вмѣстѣ имущества по проискамъ корыстолюбиваго родственника, вслѣдствіе чего былъ принятъ на попеченіе загребскимъ епископомъ Винковичемъ, который склонилъ даровитаго, но бѣднаго юношу поступить въ духовное званіе. Послѣ обученія въ вѣнской хорватской семинаріи, Крижаничъ отправился для высшаго образованія въ Италію — въ Болонью и Римъ: здѣсь, въ 1641 году, онъ поступилъ въ греко-уніатскую коллегію св. Анастасія, чтобы приготовиться къ миссіонерской дѣятельности въ странахъ православнаго Востока, ближайшимъ образомъ „въ Московіи“, какъ сказано въ документѣ о принятіи его въ коллегію. По выходѣ изъ нея, Крижаничъ, принявшій санъ священника и каноника Загребской епархіи, постарался при первой возможности исполнить свое желаніе лично посѣтить русскія страны и поработать для уніи не только ученымъ перомъ, но и устною пропагандой между русскими: въ 1646 году онъ оставляетъ свой приходъ въ городѣ Вараждинѣ, готовъ отказаться и отъ званія каноника и отправляется въ путь чрезъ Вѣну въ Холмскую Русь къ тамошнему знакомому епископу, Меѳодію Терлецкому, ревностному дѣятелю уніи. Смутныя обстоятельства въ Холмскомъ

край, вслѣдствіе борьбы православныхъ съ уніатами, заставили Юрія Крижанича скоро покинуть этотъ край: онъ поѣхалъ далѣе внутрь Западной Россіи и проникъ до Смоленска; но долго ли пробылъ здѣсь, въ какихъ другихъ мѣстахъ останавливался и какіе результаты для себя получилъ, объ этомъ нѣтъ свѣдѣній: предполагаютъ, что въ это время — въ промежутокъ 1646—1650 годовъ — онъ успѣлъ, кромѣ Западной Руси, посѣтить еще Царьградъ [1]). Въ 1650 году Крижаничъ воротился въ Вѣну, а въ слѣдующіе годы (1652 — 1656) проживалъ въ Римѣ, гдѣ хлопоталъ, чтобы его вторично отправили миссіонеромъ въ Россію, причемъ въ рекомендацію себѣ представлялъ литературные труды для цѣлей уніи, именно переводы на латинскій нѣкоторыхъ книгъ, изъ Россіи вывезенныхъ, и опроверженія на эти книги съ своей стороны. Уже была положена благопріятная для просителя резолюція папы („deputetur missionarius in Moscoviam"), какъ вдругъ оказались какія-то задержки, а немного спустя былъ представленъ папѣ новый докладъ, дававшій иное направленіе дѣлу: въ докладѣ хотя отдавалась доля похвалы кроатскому священнику за его книжные труды, но въ то же время выражалось сомнѣніе на счетъ практической годности его первой миссіи и другой, теперь испрашиваемой имъ; высказывалось даже опасеніе, что онъ, пожалуй, можетъ выйдти изъ надлежащихъ предѣловъ дѣятельности миссіонера собственно. Въ силу этого доклада (въ январѣ 1658 года) послѣдовала новая резолюція папы, которая рекомендовала священнику-кроату оставаться въ Римѣ для окончанія трудовъ противъ схизматиковъ, начатыхъ авторомъ, съ выдачею ему за труды денежнаго вспомоществованія [2]). Тѣмъ не менѣе черезъ годъ Юрій Крижаничъ, не извѣстно, по волѣ своего начальства, или по собственному почину и на свою отвѣт-

---

[1]) Свѣдѣнія объ этой первой поѣздкѣ Крижанича въ Россію и въ Царьградъ заимствуемъ изъ статьи г. *Форменджина*: Prinos na životopis Gjurgja Križanića (*Starine*, kn. XVIII, 1886). За указаніе на эту статью хорватскаго ученаго, равно на матеріалы о Крижаничѣ, помѣщенные въ сборникѣ г. Ягича, мы обязаны г. профессору Московскаго университета М. И. Соколову, за что приносимъ ему искреннюю благодарность. Онъ же любезно познакомилъ насъ съ найденнымъ имъ новымъ, весьма интереснымъ по содержанію сочиненіемъ Юрія Крижанича, лѣтомъ прошлаго 1890 года, за что еще разъ благодаримъ его.

[2]) Въ сборникѣ г. *Ягича* (*Archiv für Slavische Philologie*, VI Bd, 120—121 Ss., in „Klein. Mittheilung.") помѣщено нѣсколько документовъ, найденныхъ въ римскихъ архивахъ отцомъ Пирлингомъ, важныхъ для біографіи Крижанича, а именно — постановленія о принятіи его въ коллегію св. Анастасія и доклады по просьбѣ его объ отправленіи въ русскую миссію.

ственность, опять является въ Россіи: изъ Львова онъ проѣхалъ на Кіевъ, потомъ переправился въ лѣвобережную Украйну, гдѣ проживаетъ въ разныхъ мѣстахъ, а болѣе постоянно въ городѣ Нѣжинѣ. Этотъ вторичный пріѣздъ Крижанича въ Россію состоялся въ началѣ 1659 года, во время гетманства Выговскаго, измѣна котораго царю тогда еще не обнаружилась. Нашъ пришелецъ подъ именемъ „Юрія сербина“ искалъ одно время покровительства гетмана; но когда измѣна его царю Алексѣю Михайловичу стала явною, когда съ помощью крымскаго хана, Магметъ-Гирея IV, онъ разбилъ царское войско у Конотопа (28-го іюня 1659 года), при чемъ позволилъ себѣ варварскую жестокость, перебивъ пять тысячъ безоружныхъ плѣнныхъ русскихъ, — злодѣйство, предъ которымъ содрогнулись въ Малороссіи и въ Москвѣ [1]),—тогда и Крижаничъ, поспѣшно оставивъ гетманскій обозъ, воротился въ Нѣжинъ. Здѣсь, подъ впечатлѣніемъ событій и всего видѣннаго на пути отъ Львова и въ самой Малороссіи, Крижаничъ набросалъ небольшую записку о положеніи дѣлъ въ краѣ, по всей вѣроятности, назначая ее для прочтенія людямъ, имѣющимъ власть и голосъ въ странѣ: что онъ писалъ ее не въ видѣ только памятной записки или размышленія про себя самого, это видно по ея дѣловому тону и по всему содержанію. Вкратцѣ содержаніе записки слѣдующее. Прежде всего авторъ пораженъ опустошеніемъ Малороссіи и огрубѣніемъ нравовъ ея жителей: „хотя черкасы, — говоритъ онъ,—исповѣдуютъ христіанскую православную вѣру, но нравы и обычаи имѣютъ звѣрскіе“. Послѣ такого замѣчанія, отчасти справедливаго, но вообще рѣзкаго, Юрій Крижаничъ обращается къ лучшимъ чувствамъ и здравому смыслу малороссіянъ, убѣждаетъ ихъ быть вѣрными царю, не брататься ни съ ляхами, ни съ бусурманами, подробно исчисляетъ притѣсненія, какія терпѣли малороссіяне отъ ляховъ и будутъ терпѣть, если возвратятся въ польское подданство. Авторъ энергически нападаетъ на ядовитый предразсудокъ, поляками распространяемый въ Малороссіи и во всей Европѣ, на эту въ своемъ родѣ „политическую ересь и дьявольскую мысль“, будто жить подъ царскою властію слишкомъ тяжело, — тяжелѣе, чѣмъ въ неволѣ египетской или турецкой. Затѣмъ авторъ предлагаетъ нѣкоторыя, на его взглядъ, полезныя мѣры для умиротворенія края, напримѣръ: трехлѣтнее гетманство вмѣсто пожизненнаго, учрежденіе въ Москвѣ

[1]) *Соловьевъ*, Ист. Россіи, XI, 59—60 (по 2 изд.).

Малороссійскаго приказа, гдѣ бы сидѣли природные малороссіяне, и т. п. [1]).

Эта небольшая по объему записка Крижанича обратила на себя вниманіе нѣкоторыхъ людей; она стала извѣстна также въ Москвѣ,— и автору ея было позволено, а можетъ быть приказано, явиться туда. И вотъ, пробывъ въ Малороссіи года полтора приблизительно [2]), Юрій Крижаничъ очутился въ самомъ сердцѣ Россіи, въ столицѣ того великаго царя, о которомъ давно и много думалъ нашъ ученый славянинъ. Люди съ такимъ широкимъ образованіемъ, какимъ владѣлъ Юрій Крижаничъ, были „годны великому государю", — скажемъ словами того времени; будь онъ православный человѣкъ, какимъ, конечно, сочли заочно „Юрія сербина" въ Москвѣ, ему нашлось бы здѣсь мѣсто, достойное его дарованій и учености, напримѣръ, въ числѣ справщиковъ книгопечатнаго двора, или въ числѣ переводчиковъ Посольскаго приказа; ему нашлось бы мѣсто и въ рядахъ церковной іерархіи. Но вся бѣда въ томъ, что Крижаничъ былъ католическій священникъ: его истинное званіе не могло быть скрыто имъ, и онъ немедленно былъ удаленъ изъ столицы. Пусть доселѣ не извѣстны ближайшія обстоятельства удаленія Крижанича изъ Москвы въ Тобольскъ,—дѣло и безъ того въ сущности ясно: католическій священникъ не могъ жить въ православной Москвѣ XVII вѣка, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. При томъ больше чѣмъ вѣроятно, что когда истинное званіе „Юрія сербина" открылось, его тотчасъ заподозрѣли въ намѣреніи проповѣдовать унію русской церкви съ римскою, въ чемъ

---

[1]) Эта записка была писана въ промежутокъ между конотопской битвой и избраніемъ въ гетманы Юрія Хмѣльницкаго въ Переяславлѣ (17-го ноября 1659 года). Она нашлась среди польскихъ дѣлъ 1659 года, въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, въ связкѣ, которая обозначена: „перенятыя польскихъ вельможей письма". Въ свое время на нее обратилъ вниманіе историкъ *Соловьевъ* (И. Р. XI, 70—71). Сполна издана въ *Чтеніяхъ М. О. И. и Др.*, 1876, кн. III: издатель ея, г. Кулишъ, правильно смотритъ на три части ея, каждая подъ особымъ заглавіемъ, какъ на одну записку въ сущности. О принадлежности ея не иному кому, какъ Крижаничу, сравн. согласныя мнѣнія другихъ ученыхъ: *Чтенія М. О. И. и Др.*, 1867, кн. II, отд. „Смѣсь", стр. 146 (отчетъ г. *Сѣверкаго*).

[2]) О пребываніи въ Нѣжинѣ Ю. Крижаничъ не разъ вспоминалъ впослѣдствіи по поводу братьевъ Золотаренковъ, нѣжинскихъ полковниковъ: въ сочиненіи „о Промыслѣ", на стр. 82—83, и въ трактатѣ „о св. Крещеніи", изложенномъ у г. *Безсонова* въ статьѣ о Крижаничѣ. (*Правосл. Обозр.* 1870 г., томъ II, стр. 700—701). Неточныя показанія Крижанича о старшемъ Золотаренкѣ слѣдуетъ исправить, напримѣръ, по указаніямъ *Максимовича* (Сочиненія, т. I, стр. 737—739).

конечно, не ошибались въ Москвѣ. Его показаніе, будто онъ пріѣхалъ въ Россію заниматься изученіемъ славянскаго языка, безъ иной ближайшей практической цѣли, вѣроятно, представилось неудовлетворительнымъ, мало вѣроятнымъ. Невыгодное впечатлѣніе могло произвести и то обстоятельство, что Крижаничъ одно время искалъ покровительства у гетмана Выговскаго, который вскорѣ оказался измѣнникомъ: это впечатлѣніе только отчасти сглаживалось благонамѣренною политической запиской автора о дѣлахъ малороссійскихъ [1]). Какъ бы то ни было, надъ Юріемъ Крижаничемъ разразилась гроза: по указу отъ января 1661 года, данному изъ приказа Лифляндскихъ дѣлъ, Юрій сербинъ былъ посланъ въ Тобольскъ, чтобы быть ему тамъ у государевыхъ дѣлъ, у какихъ пристойно, при чемъ кормовыхъ денегъ ему велѣно было выдавать по семи рублей съ полтиною на мѣсяцъ. Такъ какъ жалованье въ такомъ размѣрѣ было, по тогдашнему времени, не малое, то надобно полагать, что Крижаничъ при удаленіи изъ столицы не считался виноватымъ въ какомъ нибудь преступленіи; да и въ указѣ ничего нѣтъ про что нибудь преступное, ни даже проступокъ какой нибудь съ его стороны: католическаго священника сочли пока только подозрительнымъ и удалили, но ожидали отъ него полезной службы въ Тобольскѣ [2]). За послѣдующее время находимъ любопытное извѣстіе о Крижаничѣ, что ему однажды было прислано десять рублей денегъ въ милостыню отъ Симона, архіепископа вологодскаго и бѣлозерскаго, какъ это видно по росписке самого Крижанича, данной имъ казначею сибирскаго митрополита Корнилія [3]). Этотъ фактъ присылки денежной милостыни сосланному

---

[1]) *Д. В. Цвѣтаевъ* высказалъ вѣроятное предположеніе, что при удаленіи Крижанича изъ Москвы въ Сибирь дѣло не обошлось безъ воздѣйствія московскихъ нѣмцевъ-протестантовъ (Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій, стр. 768). Въ самомъ дѣлѣ, они могли скоро разгадать Крижанича, или даже раньше пріѣзда его въ Москву слышать про него, что онъ — самый горячій, самый искренній ненавистникъ нѣмцевъ.

[2]) Можетъ быть, напримѣръ, отправленія требъ для политическихъ ссыльныхъ католическаго вѣроисповѣданія родомъ изъ Литвы, каковые не рѣдко тогда попадали въ Сибирь?

[3]) Росписка Юрія Крижанича въ подлинникѣ сохранилась въ одномъ рукописномъ сборникѣ изъ древлехранилища Погодина: Описаніе церк.-слав. и русск. рукописныхъ сборниковъ Имп. Публ. Библ. *А. Ѳ. Бычкова*, I. стр. 352. Въ томъ же сборникѣ помѣщена подлинная отписка митрополита сибирскаго Корнилія къ архіепископу вологодскому Симону о томъ, что согласно его письму онъ, Корнилій, далъ въ милостыню 10 рублей ссыльному человѣку Юрію сербинину. Тамъ же, наконецъ, замѣтка *П. М. Строева*, содержащая въ себѣ извле-

католическому священнику отъ православнаго русскаго архіерея, пожалѣвшаго его въ несчастливой судьбѣ, даетъ основаніе заключать, что подъ конецъ жизни въ Тобольскѣ Крижаничъ испытывалъ нужду въ средствахъ для содержанія (присылка была въ концѣ 1675 года, либо въ самомъ началѣ 1676 года), и что жалованье отъ казны было прекращено ему въ то время: какъ видно, по дальнѣйшемъ разслѣдованіи дѣла о Крижаничѣ, его стали считать виноватымъ въ уніатскихъ замыслахъ, такъ что проживаніе его въ Тобольскѣ перестало быть для него простымъ удаленіемъ, а сдѣлалось уже ссылкою въ видѣ наказанія. То во всякомъ случаѣ вѣрно, что, не смотря на нѣсколько просьбъ, обращенныхъ къ правительству, о возвращеніи изъ ссылки или, по крайней мѣрѣ, о замѣнѣ Тобольска Соловецкимъ монастыремъ, онъ не былъ возвращенъ,—и прожилъ въ Сибири до начала царствованія Ѳеодора Алексѣевича. Освобожденный, наконецъ, по милости этого государя и, можетъ быть, по ходатайству Симеона Полоцкаго, Юрій Крижаничъ возвратился въ римскія страны. О дальнѣйшей его судьбѣ тамъ почти ничего не извѣстно [1]).

Въ настоящее время, по біографическимъ даннымъ и по сочиненіямъ Юрія Крижанича, личность его обрисовывается яснѣе прежняго, хотя многое остается еще непонятнымъ во внутренней его жизни [2]). Славянскій патріотъ, ревнитель достоинства и чести сла-

---

ченіе изъ отвѣтной грамоты Симона къ Корнилію, въ которой тотъ благодаритъ Корнилія за выдачу денегъ Крижаничу. — Раньше росписка Юрія Крижанича была напечатана въ статьѣ *С. К. Смирнова*, въ *Прибавл. къ Твореніямъ св. Отцовъ* часть 19, стр. 511, а потомъ — въ статьѣ о Крижаничѣ г. *Безсонова* (*Правосл. Обозр.*, 1870, томъ I, стр. 384).

[1]) Вмѣстѣ съ другими освобожденными изъ ссылки Юрій Крижаничъ выѣхалъ изъ Тобольска въ Москву 5-го марта 1676 года: Древн. Росс. Вивліоѳ., III, стр. 224. Благодарственное письмо его къ царю объ освобожденіи найдено и издано профессоромъ Казанской духовной академіи *Добротворскимъ*: мы знаемъ его по пересказу въ статьѣ г. *Безсонова* (*Правосл. Обозр.* 1870, I, 385—387). Въ той же статьѣ — другое, болѣе раннее письмо Крижанича по тому же предмету, такъ и озаглавленное „Litterae pro liberatione“, стр. 381 — 383. Нѣсколько соображеній г. Безсонова о послѣдующей жизнедѣятельности Крижанича внѣ Россіи см. тамъ же, стр. 387—393.

[2]) О жизни и сочиненіяхъ Юрія Крижанича теперь существуетъ на русскомъ языкѣ довольно значительная литература: обозрѣніе ея находится въ статьѣ г. *Козубскаго* (*Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія*, 1878, май) и въ новѣйшей статьѣ проф. *Брикнера* (*Русскій Вѣстникъ*, 1887, іюнь и іюль). Теперь въ пору было бы изданіе полнаго собранія сочиненій Крижанича, изъ коихъ извлекаются и полнѣйшія данныя о его жизни. Его главныя сочиненія были писаны въ Россіи,

вянскаго народа, страстно горячо ратовавшій за освобожденіе его отъ всякаго ига разныхъ чужеродниковъ, при помощи царя московскаго, на котораго онъ возлагалъ всѣ надежды славянъ, о власти котораго говорилъ съ энтузіазмомъ и даже философскимъ глубокомысліемъ, какъ о лучшей по существу власти, — этотъ славянскій патріотъ былъ католикъ, въ школѣ подготовлявшійся и въ жизни работавшій для выполненія завѣтной римской мысли, то-есть, соединенія православной греко-русской церкви съ западною, подъ главенствомъ римскаго первосвященника. Мы желаемъ вѣрить, что Юрій Крижаничъ поступалъ въ данномъ дѣлѣ по убѣжденію въ правотѣ этого дѣла; вообще онъ не кажется намъ человѣкомъ неискреннимъ. Но то представляется на теперешній взглядъ непонятнымъ, какимъ образомъ онъ сочеталъ въ своихъ внутреннихъ помыслахъ и чувствахъ эти двѣ идеи, то-есть, освобожденіе славянскихъ племенъ отъ чуждаго ига съ помощію царя московскаго, и въ то же время присоединеніе этого царя и его народа къ западной церкви, подъ послушаніе римскому первосвященнику. Ужели онъ не замѣтилъ и не понялъ, какъ дорого для русскаго народа его православное греческое вѣроисповѣданіе, его славянское богослуженіе, весь своеобычный обрядъ церковный и житейскій, подъ вліяніемъ церкви славившійся, его церковная самостоятельность, въ ближайшемъ общеніи съ матерью-церковью греческою? Ужели онъ не догадался, что для русскаго народа его вѣра и обрядъ во всякомъ случаѣ не меньше дороги, какъ и для западныхъ христіанъ дороги римское вѣроисповѣданіе и весь своеобразный римскій обрядъ, и что ни за какія блага міра русскій народъ не пойдетъ на унію съ западною церковью въ смыслѣ римскомъ, то-есть, въ смыслѣ подчиненія своей церкви подъ управленіе римскаго епископа? Да! Крижаничъ, повидимому, сталъ понимать все это лучше и справедливѣе уже позже, когда его постигло бѣдствіе ссылки, когда онъ сталъ строже относиться къ себѣ самому и лучше наблюдать окружающій его русскій міръ. Нѣтъ сомнѣнія, что и тогда онъ питалъ въ душѣ свою любимую мысль объ уніи, но тогда онъ высказывалъ ее въ своихъ сочиненіяхъ очень сдержанно, а главное — съ бо̀льшимъ уваженіемъ къ русской церкви;

для русскихъ, отчасти и на языкѣ славяно-русскомъ; его рукописи хранятся въ русскихъ книгохранилищахъ. По всему этому, сочиненія знаменитаго славянскаго писателя должны быть хорошо изданы русскими учеными: они очень интересны по содержанію; они поучительны самыми ошибками автора, его блужданіями въ области мысли и фантазіи.

можетъ быть, онъ представлялъ тогда возможность церковнаго соединенія въ иномъ видѣ, на болѣе справедливыхъ началахъ, чѣмъ въ видѣ простаго подчиненія православнаго Востока подъ главенство Рима. А можетъ быть, на время онъ совсѣмъ отложилъ планъ церковной уніи и главное свое вниманіе обратилъ на уясненіе себѣ самому и читателямъ русскимъ идеи объединенія славянскихъ племенъ, подъ вліяніемъ которой онъ теперь пишетъ свой главный трудъ, изучаетъ русскія лѣтописи и западно-европейскія историческія сочиненія, составляетъ славянскую грамматику [1]). Однако еще разъ оговариваемся, что очень не легко разгадать, каковъ былъ генезисъ и строй мыслей автора въ эту пору, и какъ онъ приводилъ ихъ въ стройный логическій порядокъ, съ соблюденіемъ внутренней правды. На нашъ взглядъ, сколько мы успѣли составить его для себя, читая сочиненія Юрія Крижанича, онъ не успѣлъ совладѣть со своими думами: эти думы такъ важны по содержанію, что одолѣли своей тяжестью носившаго ихъ; да при томъ эти думы такого свойства, что ихъ нельзя одолѣть однимъ размышленіемъ. Человѣкъ безспорно даровитый и много работавшій головой, Крижаничъ при томъ былъ еще слишкомъ впечатлителенъ; онъ больше впечатлительный и широкій мыслитель, нежели спокойный и основательный: думы, къ которымъ онъ такъ горячо относился, остались у него недодуманными. Въ его нравственномъ характерѣ сказывается также нѣкоторая неопредѣленность и двойственность: онъ — человѣкъ искренній, но въ то же время онъ дѣлаетъ впечатлѣніе такого человѣка, который, отплывъ отъ одного берега, пробовалъ какъ будто пристать къ другому, но не смогъ пристать и воротился къ прежнему утомленнымъ... Въ „Обличеніи Соловецкой челобитной“, коимъ Крижаничъ оказалъ нѣкоторую услугу для православной русской церкви, читаемъ слѣдующія характерныя слова, обращенныя къ русскимъ старообрядцамъ: „я не осуждаю церкви и не отлучаюсь отъ нея, но пребываю

---

[1]) Замѣчательная грамматика Крижанича,—первая сравнительная грамматика славянскихъ нарѣчій, по отзывамъ свѣдущихъ людей,—издана *Бодянскимъ* въ *Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн.* за 1848 и 1859 гг. Обстоятельный разборъ ея, кромѣ Бодянскаго, сдѣланъ еще въ трудѣ г. *Арс. Маркевича* въ *Варшавск. Универс. Извѣстіяхъ* за 1876 г., № 2. Объ историческомъ сочиненіи Крижанича, представляющемъ выборку и сводъ изъ русскихъ лѣтописей, отчасти также изъ западно-европейскихъ историческихъ сочиненій, см. въ статьѣ г. *Безсонова*: *Правосл. Обозр.*, 1870, I, стр. 347—352. О „Политикѣ“ скажемъ подробнѣе ниже.

въ ней и борюсь за нее: въ этомъ — печать моей вѣры. Хотя я не архіерей, но я думаю и проповѣдую согласно съ архіереями, и въ семъ дѣлѣ (то-есть, въ проповѣди единой вселенской истины церковной) я, недостойный грѣшникъ, работаю для всей церкви, или паче для Самого Христа". И въ другомъ мѣстѣ того же сочиненія: „я не такой упорный латинникъ, чтобы не былъ радъ и готовъ присоединиться къ іереямъ святой московской церкви, только бы они захотѣли принять меня безъ втораго крещенія" [1]). И однако Юрій не вступилъ въ православную церковь и послѣ того, какъ московскій соборъ 1667 года отмѣнилъ перекрещиваніе католиковъ, какъ условіе для вступленія въ православную церковь, этотъ дѣйствительно несправедливый и не канонический обычай. Припоминаемъ это о Крижаничѣ и всѣ выше сказанное о немъ клонимъ „не въ осужденье, а въ разсужденье", какъ говоритъ русская пословица: вѣдь никто, въ самомъ дѣлѣ, не вправѣ былъ ожидать и требовать отъ него вступленія въ русскую церковь. Вообще по всѣмъ даннымъ видно, что съ нимъ не произошло того, что называютъ „перерожденіе" въ русскаго человѣка; при первой возможности онъ и оставилъ Россію [2]).

Но въ Россіи онъ оставилъ память по себѣ нѣсколькими учеными и литературными трудами весьма замѣчательными по содержанію, по богатству мыслей, въ нихъ выраженныхъ. Этими трудами онъ наполнялъ свой сибирскій досугъ; ими, можно сказать, жилъ, выразивъ въ нихъ всего себя, всѣ любимыя мысли, чувства, надежды. Изреченіе о томъ, что „книга есть лучшая часть жизни сочинителя", особенно подходитъ къ писателямъ въ родѣ Крижанича, теоретика, кабинетнаго, книжнаго человѣка больше, нежели практическаго жизненнаго дѣятеля. Впрочемъ, Крижаничъ не лишалъ себя общества образованныхъ людей въ Тобольскѣ: въ столицѣ Сибири и каѳедраль-

---

[1]) „Сербскаго попа Юрія Крижанича Опроверженіе соловецкой челобитной". (Статья *С. К. Смирнова* въ *Прибавлен. къ Творен. св. Отцевъ*, ч. 19, стр. 521 и 523).

[2]) Почтенный біографъ Ю. Крижанича, г. профессоръ Безсоновъ, который имѣетъ важныя заслуги по разысканію трудовъ Крижанича, по изданію ихъ въ свѣтъ и объясненію, представлялъ его самого, на нашъ взглядъ, слишкомъ въ яркомъ свѣтѣ, когда писалъ, напримѣръ, что „Юрій Крижаничъ, по мѣрѣ возраста и занятій, по собственному процессу мысли и творчества, постепенно переходилъ въ человѣка истинно русскаго, перерождался на новой родинѣ" и т. п. (*Правосл. Обозрѣніе*, 1870, т. I, стр. 356; сравни стр. 378 и др.). Мы не можемъ раздѣлить такого взгляда на Крижанича: его нельзя доказать ни біографическими о немъ данными, ни его собственными сочиненіями.

номъ митрополичьемъ городѣ было такое общество людей образованныхъ и книжныхъ, съ которыми нашъ авторъ могъ дѣлиться мыслями, свѣдѣніями и отъ нихъ многое для себя заимствовать, которые понимали его, сочувствовали ему, или, по крайней мѣрѣ, не отворачивались отъ него пренебрежительно, какъ отъ ссыльнаго латинскаго попа. Самъ митрополитъ Корнилій, повидимому, не лишалъ его благосклонности, судя по тому, что онъ принималъ на себя посредство въ передачѣ ему денегъ отъ вологодскаго архіепископа. То же можно предполагать о тобольскомъ воеводѣ, князѣ Иванѣ Борисовичѣ Репнинѣ, которому Крижаничъ посвятилъ одно изъ своихъ сочиненій [1]). Въ Тобольскѣ, за время проживанія тамъ Крижанича, всегда былъ кружокъ подобныхъ ему людей, сосланныхъ за разныя вины; естественно, что лица этого кружка сближались между собой общею судьбой; положительно извѣстно о знакомствѣ Юрія въ Тобольскѣ съ ссыльными русскими расколоучителями: попомъ Лазаремъ, протопопомъ Аввакумомъ и другими; съ первымъ онъ сблизился до того, что дѣлилъ съ нимъ хлѣбъ-соль; дорогіе для сердца вопросы церковные и обрядовые занимали съ одинаковымъ интересомъ католическаго и бывшихъ русскихъ священниковъ, отлучившихся, къ несчастію, отъ церкви [2]). Несомнѣнно, что Крижаничъ былъ знакомъ со многими другими людьми русскими въ Тобольскѣ, какъ раньше въ Москвѣ и въ Малороссіи: многочисленныя свѣдѣнія о разныхъ сторонахъ внутренней жизни русской, какія мы находимъ въ „Политикѣ“ и другихъ сочиненіяхъ Юрія Крижанича, почерпнуты имъ, конечно, за это время проживанія въ Россіи не изъ книжныхъ только источниковъ, но также изъ непосредственнаго источника наблюдаемой дѣйствительности (Крижаничъ былъ довольно наблюдателенъ), да изъ бесѣдъ съ русскими людьми разныхъ классовъ общества, начиная съ бояръ и малороссійскихъ полковниковъ [3]). И вотъ

---

[1]) „О Промыслѣ“, изд. г. *Безсонова*, стр. 43. О тобольскомъ воеводѣ, князѣ И. Б. Репнинѣ, о митрополитѣ Корнилій и обо всемъ тобольскомъ обществѣ не безынтересныя свѣдѣнія можно найдти въ „Запискахъ, до Сибирской исторіи служащихъ“ (Древн. Росс. Вивліоѳ., III, стр. 191—224).

[2]) *Прибавлен. къ Твореп. св. Отцевъ*, ч. 19, стр. 510—516. О встрѣчѣ съ знаменитымъ Аввакумомъ и краткомъ, но весьма характерномъ разговорѣ съ нимъ Юрія Крижанича—тамъ же на стр. 514.

[3]) Припомнимъ здѣсь боярина Бориса Ивановича Морозова, извѣстнаго воспитателя и любимаго совѣтника царя Алексѣя Михайловича: два раза Крижаничъ вспоминаетъ о немъ, по поводу любви его къ наукамъ („Политика“ I, 106; II, 142). Морозовъ былъ „западникъ“ своего времени; онъ ласково отнесся къ Юрію Крижаничу, судя по тому тону, въ какомъ авторъ говоритъ про боярина.

почему сочиненія Крижанича имѣютъ значеніе большее, чѣмъ только для его біографіи и характеристики: они представляютъ не маловажный источникъ для внутренней исторіи Московскаго государства за время царя Алексѣя Михайловича.

Обращаемся къ его главному сочиненію и крымскому проекту, тамъ изложенному; на немъ мы ближе увидимъ, какъ вообще мыслилъ и чувствовалъ нашъ авторъ.

Это главное сочиненіе Юрія Крижанича называется у него „Разговоры объ владательству“ (діалогъ о государствѣ), или же „Политичныя думы“; въ наше время за нимъ стало закрѣпляться другое, хорошо подходящее къ нему заглавіе, то-есть, „Политика“: дѣйствительно, это есть политическій и политико-экономическій трактатъ о государствѣ вообще и Московскомъ государствѣ въ частности [1]). Исходя изъ того основнаго положенія, что, послѣ Бога и благочестивой въ Него вѣры, государство поддерживается матеріальными средствами, какъ произведеніемъ общенароднаго труда, затѣмъ силами оборонительными и мудростью политической, авторъ сообразно съ тѣмъ дѣлитъ все сочиненіе на три части: въ первой разсуждаетъ „о благѣ“, то-есть, государственномъ и народномъ богатствѣ; во второй—„о силѣ“, то-есть, о средствахъ обороны: крѣпостяхъ, вооруженіи, войскѣ; въ третьей—„о мудрости“, то-есть, о началахъ государственной политики: эта послѣдняя часть есть самая обширная и самая важная по содержанію. Внѣшняя форма діалога не вездѣ выдержана въ сочиненіи, гораздо чаще изложеніе ведется въ видѣ обычнаго монолога отъ лица автора, да еще въ видѣ длинной рѣчи, влагаемой въ уста царю Алексѣю Михайловичу, который держитъ ее какъ будто предъ выборными земскаго собора. Но, при невыдержанности формы діалогической, у автора за то есть дѣльное содержаніе и остроумный, по мѣстамъ истинно діалектическій способъ изложенія: для примѣра укажемъ на тѣ страницы книги, гдѣ Крижаничъ разсуждаетъ о преимуществахъ монархическаго образа правленія предъ всѣми иными въ томъ отношеніи, что монархія лучше, чѣмъ иные

---

[1]) Издано г. *Безсоновымъ* подъ заглавіемъ: „Русское государство въ половинѣ XVII вѣка. Рукопись временъ царя Алексѣя Михайловича“ (Приложеніе къ *Русской Бесѣдѣ* за 1859 годъ, и отдѣльно, въ двухъ частяхъ, въ 1859 и 1860 г.). Мы цитуемъ это отдѣльное изданіе, болѣе полное и стройное. Оно—сравнительно только полное: по замѣчанію издателя, вся рукопись Крижанича, для напечатанія своего сполна, потребовала бы еще двухъ томовъ.

образы правленія, обезпечиваетъ гражданскую свободу [1]). Послѣдовательно установляетъ авторъ въ своей книгѣ общія понятія о государствѣ, о разныхъ видахъ верховной власти, о задачахъ государственной политики; объ условіяхъ силы, процвѣтанія и ослабленія государства; о необходимости прочныхъ учрежденій и законовъ, опредѣленія правъ и обязанностей разныхъ сословій въ государствѣ; объ источникахъ и средствахъ государственнаго богатства: о земледѣліи, ремеслахъ и промыслахъ, о торговлѣ, о распространеніи сельско-хозяйственныхъ и техническихъ познаній въ народѣ, объ изученіи родной страны въ отношеніи экономическихъ средствъ ея, о народномъ трудолюбіи и бережливости, о вредѣ иностранцевъ торговыхъ и служилыхъ для народнаго хозяйства и государственнаго благополучія и т. д. На этомъ послѣднемъ пунктѣ авторъ особенно настаиваетъ и много разъ горячо разсуждаетъ о томъ вредѣ, какой причинили иностранцы для Польши и могутъ причинить его также для Московскаго государства; особенно же предостерегаетъ онъ московское правительство отъ нѣмцевъ, ихъ своекорыстія и жадности, ихъ невѣрности на службѣ, ихъ „ересей“ разнаго рода и предразсудковъ, коими они заразили всю Европу — церковныхъ, политическихъ, научныхъ и т. д. Авторъ не разъ повторяетъ свое характерное изреченіе, что мудрость государственная основывается на двухъ правилахъ: „узнай самого себя“, и „не довѣряйся инородникамъ“ [2]); раскрыть и разносторонне доказать эту истину на основаніи исторіи и здравыхъ началъ политики, установить правильныя воззрѣнія на исторію и будущность Россіи и всего славянскаго народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ обличить весь вредъ дѣломъ и словомъ, который причиняютъ славянамъ инородники, чрезъ все это принести московскому правительству нѣкоторую пользу, какая возможна со стороны писателя-пришельца,—въ этомъ Крижаничъ полагаетъ существенную задачу своего труда, посвящаемаго самому государю Алексѣю Михайловичу [3]). Свои общія положенія и выводы авторъ постоянно подкрѣпляетъ примѣрами изъ исторіи библейской и церковной, изъ всемірной, славянской и русской

---

[1]) Политика, II, стр. 44—46; 52—54. О значеніи монархической власти и въ частности русскаго самодержавія авторъ разсуждаетъ въ I части, въ главахъ 22—23, 25—26, и во II части, въ главахъ 40—45, 60. Сравн. замѣчанія мимоходомъ по тому же предмету: I, стр. 156, 233, 302—303, 314; II, 163—169, 173 и проч.

[2]) Тамъ же, I, VI, 117.

[3]) Тамъ же, II, стр. 1—9 (предисловіе и посвященіе труда царю).

исторіи, а также соображеніями, почерпнутыми изъ политическихъ писателей древнихъ и новыхъ: онъ и начинаетъ свой трудъ замѣчаніемъ, что намѣренъ въ немъ перевести и изъяснить мысли нарочитыхъ политическихъ писателей Филипа Комина, Павла Паруты, Юста Липсія и иныхъ [1]). Таковъ вкратцѣ планъ Политики Крижанича: это—замѣчательный трудъ, задуманный широко и далеко, при томъ и ученый трудъ. Само собою разумѣется, что весь онъ проникнутъ католическою мыслью: тенденція Политики Крижанича, идеалъ его государства есть теократія, на подобіе церковнаго папскаго государства; вся исторія всемірная и вся будущность міровая разсматриваются съ церковной католической точки зрѣнія. И отчего бы, конечно, не смотрѣть автору по-церковному на всемірную исторію? Извѣстно, какъ плодотворно можетъ быть изложеніе исторіи съ церковной, особенно же съ православной, истинно церковной точки зрѣнія, съ высоты которой открывается широкій историческій кругозоръ. Тогда исторія рода человѣческаго представляется какъ жизнь единаго тѣла, или, лучше сказать, какъ жизнь церкви, въ которую входили, входятъ и имѣютъ войдти люди разныхъ вѣковъ и безчисленныхъ поколѣній разныхъ народовъ; тогда исторія человѣчества, постепенно слагающагося въ церковь, получаетъ высшее единство и высшій смыслъ, какъ осуществленіе плана домостроительства Божія на землѣ; центральнымъ событіемъ всемірной исторіи тогда является воплощеніе Богочеловѣка, это истинно міровое событіе, которымъ исторія рѣшительно дѣлится на двѣ половины, но вмѣстѣ также и объединяется въ цѣлостную исторію церковную; тогда, наконецъ, проясняется высшая цѣль исторіи человѣчества, то-есть, усовершенствованіе его на христіанскихъ началахъ, безконечный прогрессъ на пути къ христіанскому идеалу. Такая точка зрѣнія не мѣшаетъ и положительному, научному изученію исторіи, построенію ея по началамъ кри-

[1]) Тамъ же, I, I. Замѣчанія объ этихъ и иныхъ писателяхъ, цитуемыхъ у Крижанича, сравни въ статьѣ г. *Брижера*, Сочиненія Крижанича (*Русск. Вѣстн.*, 1887, іюль, стр. 36—39). Изъ древнихъ политическихъ писателей Крижаничъ нѣсколько разъ цитуетъ Аристотеля; какъ видно, онъ занимался много этимъ писателемъ, и въ благодарственномъ письмѣ къ царю Ѳеодору Алексѣевичу предлагалъ свои услуги по переводу Политики Аристотеля на русскій языкъ. Прибавимъ кстати здѣсь, что въ библіотекѣ знаменитаго С. Медвѣдева были, какъ видно изъ ея описи, „Книга Политика Аристотеля“, да еще „Книга, гражданское ученіе Аристотелево, раздѣлено на три части“. Но не видать, на какомъ языкѣ были эти книги (*Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др.*, книга XVI, отд. Смѣсь, стр. 56, 64).

тики и философскаго прагматизма, исканію причинъ и слѣдствій въ ходѣ историческихъ событій, равномѣрности и однообразія, или, что то же, законовъ историческаго развитія: вѣдь Творецъ міра, управляющій имъ и исторіей человѣчества, по путямъ непостижимымъ для людей, въ то же время положилъ законы міру и исторіи, открывать которые есть дѣло достойное человѣческаго разума, хотя вполнѣ для него не достижимое. Такова церковная точка зрѣнія на исторію, возвышенная, идеальная и вмѣстѣ реальная. Но жаль, что съ высоты ея возможны быстрые скачки и обрывы, что при недостаткѣ терпѣливаго труда для пріобрѣтенія точныхъ историческихъ знаній и выводовъ, да при отсутствіи выработаннаго метода историческихъ занятій, особенно же при недостаткѣ у изслѣдователя надлежащей свободы мысли и совѣсти, у него какъ разъ можетъ случиться смѣшеніе въ одно вѣры и знанія, идеальнаго и реальнаго, духовнаго и мірскаго, церковнаго и государственнаго; тогда, вмѣсто цѣльнаго идеально-реальнаго воззрѣнія на исторію, можетъ получиться въ результатѣ именно это не полезное, даже вредное смѣшеніе, которое будетъ ни богословіе, ни исторія. Нашъ авторъ Политики, при всей его даровитости, привычкѣ къ послѣдовательному мышленію и учености, не вполнѣ избѣжалъ того, что мы назвали скачками и обрывами, не избѣжалъ также смѣшеній и противорѣчій, что, впрочемъ, не удивительно при обширности и сложности его темы [1]). При католическомъ образѣ мыслей, хотя вообще не узкомъ, а больше даже свободномъ, философскомъ, онъ, напримѣръ, все-таки не смогъ отрѣшиться отъ обычнаго взгляда на грековъ,—весьма односторонняго, несправедливаго,—будто они повинны въ распространеніи суевѣрій и предразсудковъ, въ проповѣди невѣжества, въ высокомѣрномъ презрѣніи русскихъ и славянъ, что будто для Россіи и славянъ они такіе же вредные инородники, какъ нѣмцы: такая постановка грековъ съ нѣмцами на одну доску глубоко не вѣрна и пристрастна; на Руси, конечно, издавна знали про народные недостатки грековъ, но ихъ никогда не могли тамъ ставить на одну линію съ нѣмцами [2]). Но

---

[1]) Впрочемъ, спѣшимъ оговориться еще разъ, что Политику его мы знаемъ только по печатному не полному изданію; можетъ быть, въ цѣломъ она окажется стройнѣе, послѣдовательнѣе.

[2]) Политика, II, главы 54—56. Въ двухъ послѣднихъ главахъ Крижаничъ разбираетъ причины раздѣленія церквей греческой и римской, приводитъ доказательства противъ грековъ, что ученіе римской церкви не имѣетъ признаковъ еретическаго ученія, ставитъ на видъ, что сами греки оказываютъ несправ-

за вычетомъ этихъ и подобныхъ воззрѣній, да еще нѣкоторыхъ недоразумѣній и наивностей, иногда нѣкотораго доктринерства и увлеченія по мѣстамъ ораторскими пріемами, на манеръ проповѣдника, въ Политикѣ Юрія Крижанича остается большею частью дѣльное, положительное содержаніе и трезвая рѣчь: его книга есть собственно историко-политическая и политико-экономическая. Авторъ записалъ въ нее много интересныхъ наблюденій надъ современнымъ русскимъ бытомъ и много годныхъ замѣчаній о томъ, что̀ въ будущемъ полезно для Московскаго государства и что̀ дѣйствительно исполнилось въ преобразовательной дѣятельности Петра Великаго: Крижаничъ вѣрно догадывался, что Московскому государству нужна въ скоромъ будущемъ экономическая реформа, а такова въ сущности вѣдь и была петровская реформа. Главное же, что̀ особенно цѣнно въ сочиненіи Юрія Крижанича, что̀ дѣлаетъ честь его чувствамъ и политической проницательности, это есть его высокое понятіе о царской самодержавной власти, его увѣренность вмѣстѣ съ русскими людьми, что эта власть съ Божьей помощью можетъ совершить все, что только найдетъ полезнымъ для блага народа, или,—какъ говоритъ Крижаничъ въ обращеніи къ царю Алексѣю Михайловичу,—что скипетръ въ его рукахъ есть то же, что „жезлъ чудотворный Моисеевъ“ [1]).

Въ 51 и 52 главахъ содержится проектъ Крижанича о завоеваніи Крыма въ союзѣ съ Польшею. Къ этому проекту авторъ пришелъ разными мысленными путями и подъ разными жизненными вліяніями.

И вопервыхъ, мысль о примиреніи Россіи и Польши для совмѣстнаго дружнаго дѣйствія противъ непріятелей всего христіанства, татаръ и турокъ, есть давняя мысль католическая, которая много разъ въ Европѣ высказывалась то вполнѣ искренно, то болѣе расчетливо, а именно въ видахъ втянуть Московское государство въ войну татарскую и турецкую для того, чтобы отвлечь его вниманіе отъ Польши, которая

ведливости римскимъ христіанамъ и т. п. Любопытенъ выводъ изъ указанныхъ трехъ главъ на стр. 219—220: Крижаничъ хочетъ, чтобы русскіе и всѣ славяне стали выше споровъ грековъ и римскихъ католиковъ, чтобы они не вмѣшивались въ эти споры, какъ дѣло, до нихъ де не касающееся. Но возможно ли съ нашей стороны безучастное отношеніе къ такому жизненному дѣлу? Напротивъ: узна́ть взаимныя отношенія грековъ и католиковъ, съ цѣлію выяснить для себя правду православной греческой церкви,—это всегда было и есть для Россіи дѣло самой высокой важности.

[1]) Тамъ же, I, 156; II, 8—9.

въ такомъ случаѣ тѣмъ удобнѣе могла бы проводить планы полонизаціи и уніи въ Западной Россіи: этотъ-то расчетъ и подрывалъ всё значеніе церковно-католической идеи о борьбѣ подъ знаменемъ креста двухъ самыхъ значительныхъ славянскихъ государствъ противъ татаръ и турокъ, дѣлалъ почти невозможнымъ священный союзъ между ними на мусульманъ. Болѣе удобнымъ къ исполненію, казалось, долженъ бы быть не „священный", а просто политическій—свой домашній—союзъ Россіи и Польши, основанный на началѣ общей пользы борьбы противъ общихъ непріятелей, татаръ крымскихъ, причинявшихъ столько зла русскому украинскому населенію обоихъ государствъ. И дѣйствительно, мысль о соединеніи двухъ государствъ на татаръ и турокъ не разъ, какъ извѣстно, высказывалась государственными людьми Москвы и Польши въ пору лучшихъ отношеній ихъ, напримѣръ, при заключеніи перемирій, или по случаю переговоровъ о политической уніи двухъ государствъ подъ властью единаго государя московскаго, при чемъ доводъ въ пользу такой уніи обыкновенно приводился тотъ, что два государства, соединясь въ особѣ общаго государя, успѣшно могутъ вести борьбу противъ бусурманъ; однако эти мысли на дѣлѣ не осуществились: ни соединенія государствъ подъ общимъ государемъ, ни союза противъ Крыма и Турціи не случилось вплоть до послѣдней четверти XVII вѣка. Но самыя мысли обо всемъ томъ никогда не умирали, а нашъ авторъ особенно горячо и искренно исповѣдывалъ ихъ въ качествѣ католика и славянскаго патріота [1]).

---

[1]) Еще въ 1503 году къ великому князю Ивану Васильевичу было посольство отъ короля чешскаго и венгерскаго Владислава Казимировича, а вмѣстѣ отъ папы Александра VI и кардинала Регнуса, съ предложеніемъ великому князю помириться съ его зятемъ, королемъ польскимъ Александромъ Казимировичемъ, а затѣмъ сообща дѣйствовать противъ татаръ и турокъ (Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ., т. 35, № 73). См. также грамоты папы Юлія II къ царю Ивану Васильевичу и папы Григорія XIII къ тому же царю (*Тургеневъ*, Historica Russiae Monumenta, I, № CXXXIII, и *Старчевскій*, Histor. Ruthen. scriptores exteri, II, pag. 83—84. Сравн. Памятники дипломат. сношен. древн. Россіи съ держав. иностранными, I, 897—900, и у *Тургенева* же №№ CLII и CCXII). Всѣ грамоты въ одномъ смыслѣ: приглашаютъ московскаго царя воевать, вмѣстѣ съ другими христіанскими государями, противъ татаръ и турокъ. Такое же предложеніе Лжедимитрію Отрепьеву: Собр. Гос. Гр. и Догов., II, № 126; о томъ же письмо самого Лжедимитрія къ папѣ Павлу V: тамъ же, № 107. Сравни у *Соловьева*, И. Р., VI стр. 381—384, 389—390 (внушенія Антонія Поссевина и отвѣтъ ему Грознаго); VII, стр. 283 — 285 (переговоры объ избраніи въ короли царя Ѳеодора Іоанновича и о выгодахъ, какія проистекли бы отъ этого избранія для борьбы съ мусульманами). Ограничимся пока этими примѣрами изъ XVI-го вѣка.

Далѣе: Крижаничъ самъ вынесъ много впечатлѣній на счетъ того, что̀ такое есть мусульманскій міръ для славянства. Въ бытность, напримѣръ, въ Царьградѣ и въ Турціи, онъ былъ пораженъ многочисленностью русскихъ невольниковъ, черезъ Крымъ туда попадавшихъ: „на всѣхъ военныхъ корабляхъ турецкихъ,—говоритъ онъ,—невидно почти никакихъ другихъ гребцовъ, кромѣ людей русскаго происхожденія; а въ городахъ и мѣстечкахъ по всей Греціи, Палестинѣ, Сиріи, Египту и Анатоліи, то-есть, по всему Турецкому царству, такое множество русскихъ невольниковъ, что они обыкновенно спрашиваютъ у земляковъ, вновь прибывающихъ, остались ли уже на Руси какіе нибудь люди...“ [1]). Равнымъ образомъ, бывши въ Малороссіи, Юрій Крижаничъ видѣлъ, какой вредъ наносили ей набѣги крымскихъ татаръ, и на какое зло татары способны, судя по конотопскому дѣлу.

Наконецъ, живя въ Тобольскѣ въ ссылкѣ, читая русскія лѣтописи, переполненныя извѣстіями о татарскихъ нашествіяхъ въ старое и новое время, онъ еще больше могъ оцѣнить тажесть сосѣдства степняковъ для Русскаго государства. Тамъ же онъ имѣлъ много случаевъ бесѣдовать съ русскими людьми о дѣлахъ крымскихъ, слышать разнообразныя сужденія о нихъ; конечно, не всѣ были того воззрѣнія, что татары суть роковое, не отвратимое зло; что война съ ними будетъ дѣломъ безплоднымъ, заклятымъ и т. п.; несомнѣнно, были люди и болѣе свободныхъ, смѣлыхъ чувствъ, которые говорили, что разбойниковъ давно слѣдуетъ наказать и поискать ихъ въ собственномъ ихъ гнѣздѣ. Крижаничъ догадывался, что теперь дѣло шло̀ къ наступательной войнѣ съ Крымомъ. И дѣйствительно, въ то время какъ нашъ авторъ писалъ свою Политику, война Московскаго государства съ Польшей за Малороссію приходила къ концу: оба государства, утомленныя длинною войной, имѣя также въ виду опасность турецкаго нашествія, заключили въ 1667 году въ Андрусовѣ перемиріе, послѣ обратившееся въ вѣчный миръ; въ силу Андрусовскаго мирнаго договора Московское государство и Польское теперь же обязались помогать другъ другу противъ хана крымскаго и султана турецкаго; изъ этого обязательства, пока не точно опредѣленнаго, впослѣдствіи возникъ вѣчный миръ 1686 года, и вмѣстѣ наступательный союзъ обоихъ государствъ противъ Крыма и Турціи: осуществились, наконецъ, русскіе походы большимъ войскомъ на Перекопъ! Если

[1]) О Промыслѣ, стр. 9. Что нашъ авторъ былъ въ Царьградѣ, объ этомъ довольно ясныя указанія находимъ въ Политикѣ: I, стр. 18, 292; II, 135.

Юрій Крижаничъ былъ тогда еще живъ, то онъ, конечно, очень порадовался при извѣстіи объ этихъ походахъ, о вѣчномъ мирѣ Польши и Россіи, чего онъ такъ горячо желалъ. (А поживи онъ еще дольше, онъ испыталъ бы не малое разочарованіе, узнавъ, какъ не удачны были крымскіе походы русскаго вельможи, князя В. В. Голицына, какъ иногда трудно сбываются даже внимательно и долго обдуманные проекты... Едва ли, однако, онъ дожилъ до времени этихъ походовъ).

V.

Но пусть теперь говоритъ самъ авторъ: пора намъ выслушать его самого. Приводимъ рѣчь его въ переводѣ съ сербско-хорватскаго подлинника; свои же небольшія примѣчанія относимъ подъ строку, чтобы не перерывать часто авторскаго разсужденія.

Глава 51-я: „О расширеніи государства".

„Въ придворныхъ совѣтахъ государей никогда не бываетъ недостатка въ такихъ совѣтникахъ, которые хотятъ расширять государство во что бы то ни стало и захватывать всюду, гдѣ случай представляетъ что нибудь захватить. Но относительно расширенія государства потребно серьезное размышленіе, ибо во многихъ случаяхъ государству бываетъ совсѣмъ не полезно, даже вредно расширять свои предѣлы".

„1. Вредно расширяться, если причина войны съ сосѣднимъ государствомъ будетъ несправедливая: кая бо польза человѣку, аще пріобрящетъ міръ весь, и отщетитъ душу свою? (Еванг. отъ Марка, VIII, 36). Что пользы хвататься за чужое имѣніе, которое надобно будетъ возвратить, или за которое, если не возвратить, придется погубить душу? 2) Не хорошо то расширеніе государства, когда для новыхъ земельныхъ пріобрѣтеній нужно больше затратъ, чѣмъ сколько предвидится доходовъ отъ нихъ. 3) Или когда, пріобрѣтя какую нибудь область и уничтожа одного противника, государство наживаетъ другаго болѣе сильнаго и опаснаго соперника. Турецкіе государи, напримѣръ, легко могли бы поставить своихъ пашей въ Крыму, въ Молдавіи и Валахіи, въ Венгріи; но они не хотятъ сего дѣлать, а оставляютъ тамъ татарскихъ хановъ да христіанскихъ князей, которые и дань даютъ туркамъ, и самую страну турецкую защищаютъ отъ сильныхъ сосѣдей, русскихъ и поляковъ. 4) Не полезно государ-

ству распространяться, когда для заселенія вновь пріобрѣтаемой земли должно будетъ выводить коренное населеніе государства и тѣмъ ослаблять его: поступать такъ было бы похоже на то, какъ если бы для починки прорѣхъ на платьѣ стали отрѣзать куски отъ того же платья. 5) Не выгодно расширяться, если пріобрѣтаемая область скудна и недоходна. 6) Если въ сосѣдствѣ мы имѣемъ спокойный народъ, который радъ жить съ нами въ мирѣ, то такой народъ можетъ быть для насъ вмѣсто ограды,— и наступать на такой народъ войною было бы съ нашей стороны, конечно, неблагоразумно".

„Итакъ, прежде всего слѣдуетъ внимательно разсуждать, есть ли справедливая причина къ начатію войны. Христіанамъ, напримѣръ, всегда будетъ справедливая причина наступать войною на тѣхъ магометанъ, кои овладѣли христіанскими державами, разорили святые храмы и уничтожаютъ имя Христово: христіане всегда праведно могутъ воевать противъ враговъ своего Бога и Господа господствующихъ, Христа. Тѣмъ болѣе справедливую причину войны мы имѣемъ относительно тѣхъ магометанъ, кои учинили намъ народныя обиды; таковы суть наипаче крымцы, кои цѣлые вѣка не перестаютъ обижать сіе государство" (Политика, часть II, стр. 107—108).

„Неправовѣріе сосѣдняго народа само по себѣ еще не дѣлаетъ причины къ войнѣ: нельзя наступать войною на какой нибудь народъ за то только, что онъ языческій или еретическій, но тогда можно воевать противъ него, когда бы онъ первый насъ обидѣлъ, или когда бы овладѣлъ христіанскими областями да сталъ бы разрушать храмы и истреблять христіанскую вѣру. Посему, хотя бы мы смогли покорить, напримѣръ, персовъ, но намъ въ сущности нѣтъ справедливой причины поднять на нихъ оружіе, пока они сами не дадутъ такой причины, ибо Христосъ заповѣдалъ намъ распространять свое евангеліе не мечемъ, но терпѣніемъ [1]). Вокругъ насъ живутъ разные сыроядцы: самоѣды, остяки, калмыки и иные народы, изъ коихъ нѣкоторые не употребляютъ ни соли, ни хлѣба, а иные живутъ безъ домовъ, но они людей не ѣдятъ и въ жертву идоламъ ихъ не приносятъ: такихъ людей, если они сами сперва насъ не обидятъ, правда

[1]) Съ Персіей, какъ извѣстно, Московское государство было всегда въ хорошихъ отношеніяхъ: Московское правительство цѣнило выгоды торговли съ нею; оно очень хорошо также понимало религіозныя и политическія отношенія персовъ и турокъ для того, чтобы жить въ мирѣ съ Персіей, естественною непріятельницею Турціи. „А съ Персидскимъ государствомъ войны не бываетъ", — замѣчаетъ вообще Котошихинъ: о Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича, стр. 58.

и здравый разумъ запрещаютъ намъ убивать на смерть. Годится ли инымъ способомъ приводить ихъ подъ власть и заставлять платить дань, о томъ я ничего не хочу говорить: пусть о томъ судятъ иные люди, которымъ положеніе этихъ народцевъ лучше извѣстно. Я лишь для примѣра вспомню здѣсь древнихъ римлянъ, о которыхъ въ исторіи читаемъ, что они удивительно строго,—строже всѣхъ народовъ,—охраняли права вообще и право войны въ частности, то-есть, никогда ни съ кѣмъ не нарушали ни мирнаго договора, ни союза, ни на кого не нападали безъ причины и объявленія войны заранѣе. И Богъ далъ имъ покорить многіе народы подъ свою власть: я бы сказалъ лучше, что Онъ далъ имъ это счастіе за то именно, что они ни на кого безпричинно и несправедливо не нападали войной. То же должно разумѣть и о семъ государствѣ; мы всегда имѣемъ и будемъ имѣть достаточно поводовъ, въ извѣстной мѣрѣ справедливыхъ, къ начатію войнъ; но намъ не слѣдуетъ грѣшить въ сихъ дѣйствіяхъ, то-есть, не слѣдуетъ нарушать союзовъ, ни нападать на мирные народы и принуждать ихъ къ дани, ни войнъ объявлять безъ уважительной причины. Если мы хотимъ имѣть Божіе благословеніе, то должны сохранять правду" (Тамъ же, стр. 110—111).

„Должно также разсматривать смѣны вѣковъ, историческія судьбы народовъ и высшія причины событій, чтобы понять, почему и какъ бываетъ усиленіе народовъ и паденіе. Для сего намъ необходимо знать исторію многихъ народовъ и на основаніи историческаго опыта расчислять, какое государство сколько времени существовало, и сколько древне каждое изъ существующихъ государствъ; потомъ надобно стараться понять, по какимъ причинамъ и при какихъ благопріятныхъ условіяхъ извѣстный народъ возвысился и создалъ государство, а потомъ за какіе грѣхи, по какимъ несчастіямъ и неблагопріятнымъ условіямъ постороннимъ этотъ народъ потерялъ государственное могущество и впалъ въ униженное состояніе. Для примѣра представимъ наше разсужденіе о нашемъ славянскомъ народѣ".

„Когда пришла полнота времени (Посл. къ Галат., IV, 4), и грѣхи римскаго народа, каковы: богохульство, мучительства христіанъ и иные грѣхи, созрѣли настолько, что царство должно было разориться, Богъ воздвигъ нѣсколько народовъ, каковы: готы, вандалы, герулы, лонгобарды, угры и мы, славяне, — и учинилъ такъ, что всѣ они, какъ саранча, налетѣли на Римское царство. Въ то время, именно при императорахъ Маврикіи, Фокѣ и Юстиніанѣ, наши предки изъ нынѣшней Руси перешли за Дунай и заняли нынѣшнія

земли болгарскую, сербскую и хорватскую. Они заняли ихъ не своею собственною силою, а по Божьему велѣнію, для отмщенія греческихъ и римскихъ грѣховъ; но сами они никакого добраго порядка не держали и согласія между собою не имѣли, за что вскорѣ утратили добытое господство и подпали подъ власть чуждыхъ народовъ. Другая часть славянскаго народа пребывала около Нѣмецкаго моря въ Померанiи, Польшѣ, Силезiи, Чехiи и Моравiи; но и эта часть славянъ, по причинѣ великихъ несогласій да сообщества и браковъ съ нѣмцами, впала въ унизительное рабство нѣмцамъ и до такой степени онѣмечилась, что теперь стала ни славяне, ни нѣмцы. Затѣмъ нѣмцы оттѣснили насъ изъ поморскихъ, прусскихъ и ливонскихъ городовъ, это всего этого нынѣ нѣмецкаго, а въ древности славянскаго моря. Потомъ, по грѣхамъ нашимъ, предки наши были наказаны погромомъ отъ дикаго народа: татары жестоко опустошили землю русскую и польскую, долго причиняли ей многія обиды, отчасти и доселѣ причиняютъ; но пришло время, когда и грѣхи татаръ были въ нѣкоторой мѣрѣ наказаны, и наглость ихъ сдержана, дабы они не окончательно искоренили Русь и Польшу: Богъ послалъ счастіе князю Дмитрію Ивановичу Донскому, а послѣ царю Іоанну Васильевичу, которые выбили татаръ изъ Руси, изъ Казани, Астрахани и Сибири [1]). Такимъ образомъ мы, по милости Божіей, опять расширились. Но въ то же время мы сократились на западѣ, гдѣ нѣмцы не силою, а хитростью отогнали насъ отъ всего берега Варяжскаго моря, отъ всѣхъ его удобныхъ пристаней. А народъ славянскій, который нѣкогда ушелъ за Дунай, уже погубилъ свой языкъ [2]). И вотъ теперь уже нигдѣ нѣтъ природныхъ государей славянскихъ, какъ только здѣсь, на Руси".

„Посему на тебя единаго, высокочтимый Государь, теперь устремлены тревожные взоры всего славянскаго народа. Благоволи, какъ отецъ, попечись о немъ и учинить промыселъ, да соберешь разсѣянныхъ дѣтей! Позаботься о людяхъ, чужими хитростями обманутыхъ, да возвратишь имъ разумъ, какъ учинилъ то евангельскій отецъ блудному сыну! Ибо многіе изъ нихъ, будто упоенные какимъ-то чародѣйскимъ напиткомъ изъ нѣкоего какъ бы цирцеина бокала,

---

[1]) Срав. на стр. 111 замѣчаніе автора, что царь Іоаннъ Грозный завоевалъ Сибирь по причинѣ законной, какъ страну татаръ же, притѣснителей Руси.

[2]) Но это замѣчаніе преувеличенно и невѣрно: балканскіе славяне, какъ извѣстно, сохранили свой языкъ и вѣру подъ турецкимъ владычествомъ. Иное дѣло ихъ нѣмецкое надъ славянами, гораздо тяжелѣйшее турецкаго.

превратились точно въ животныхъ; они уже не чувствуютъ своихъ лютыхъ бѣдствій, кои наносятъ имъ иноплеменники; они потеряли всякій стыдъ, они даже довольны, живя въ своемъ безстыдствѣ, и сами ищутъ своего безславія, то-есть, сами просятъ себѣ чужеплеменныхъ правителей и государей. Но ты единъ, о Царю, отъ Бога намъ данный, можешь пособить и задунайскимъ славянамъ, и ляхамъ, и чехамъ, чтобы они начали сознавать свои притѣсненія, свой стыдъ, и потомъ стали бы промышлять объ отмщеніи своимъ притѣснителямъ и о сверженіи чуждаго ига. Да! Задунайскіе славяне-болгары, сербы и хорваты—уже давно сгубили не только свои государства, но всю силу свою, языкъ и самый разумъ, такъ что уже перестали понимать, что такое народная честь. Сами себѣ помочь они не въ состояніи: имъ потребна помочь со стороны, дабы они смогли встать на ноги и войдти въ общество другихъ народовъ. Если ты, Государь, въ настоящее трудное для тебя самого время, не можешь оказать имъ помочи, то, по крайней мѣрѣ, повели исправлять и очищать языкъ славянскій въ книгахъ, дабы добрыми книгами открывать славянамъ умныя очи, да начнутъ, какъ мы сказали, сознавать свою честь и думать о возрожденіи. Вѣдь и чехи, а недавно также ляхи впали въ то же отчаянное состояніе, что задунайскіе славяне: сгубили и государство, и народную силу, и языкъ, и разумъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя ляхи хвалятся своимъ государствомъ, но у нихъ въ сущности только тѣнь государства; всему свѣту явно, что поляки не могутъ своими силами выйдти изъ затрудненій и срамоты, въ коихъ находятся; имъ также нужна посторонняя помочь, чтобы они смогли стать на ноги и прійдти въ прежнюю честь; эту помочь ты, Государь, милостію Божіей легко можешь оказать полякамъ, если учинишь съ ними крѣпкій союзъ [1]). На счетъ же земель померанской, силезской, чешской и моравской, а также приморскихъ городовъ Гамбурга, Любека, Данцига, Риги и иныхъ, нѣкогда тамъ бывшихъ славянскихъ городовъ, намъ кажется, что было бы совсѣмъ напрасно думать о возвращеніи ихъ: очень рѣдко бываетъ,—надобно замѣтить вообще,—чтобы народъ возвратилъ себѣ однажды что ни-

---

[1]) Замѣчательное сужденіе автора о современной Польшѣ: тутъ заключается очень много трезвой правды. И по всей книгѣ Крижанича разсѣяно много горькихъ, но справедливыхъ упрековъ полякамъ за чужебѣсіе, чужевладство, своеволіе и т. п. Для примѣра наиболѣе яркія страницы см. I, 243—248 и II, 296—331; въ сочиненіи „о Промыслѣ“ стр. 91—92, 102.

будь утраченное, особенно если оно было утрачено въ пользу сильнаго непріятеля".

„Итакъ съ нашей стороны благоразумно будетъ оставить всякую мысль о возвращеніи приморскихъ земель и пристаней Варяжскаго моря; напротивъ того, настоящее время намъ представляется очень удобнымъ для того, чтобы съ Божіей помощью намъ распространяться въ сторону Чернаго моря, берега и пристани котораго еще болѣе удобны, чѣмъ балтійскіе берега. Да и крымскіе татары вотъ уже болѣе 400 лѣтъ живутъ въ великомъ счастьѣ, безпрестанно обижая всѣхъ сосѣдей: кажется, ихъ злодѣйства назрѣли; кажется, теперь наступило время смирить ихъ наглость и разбойничество" (Тамъ же, стр. 113—116).

„*Дума по секрету.* Сему государству слѣдуетъ расширять свои границы именно къ югу, а не на сѣверъ, западъ или востокъ. Въ самомъ дѣлѣ: 1) противъ народовъ сѣверныхъ, западныхъ и восточныхъ, то-есть, противъ поляковъ, нѣмцевъ, шведовъ, дауровъ и китайцевъ, по временамъ не оказывается достаточной причины воевать, такъ что мы легко можемъ учинить грѣхъ, нанося имъ войну [1]); но противъ южныхъ народовъ: крымцевъ, ногайцевъ и всѣхъ татаръ, всегда существуетъ справедливая причина войны, ибо они никогда не перестаютъ обижать насъ. 2) У нѣмцевъ, поляковъ и литовцевъ мы встрѣтили бы твердо укрѣпленные города, воинственное населеніе, снабженное огнестрѣльнымъ и всякимъ оборонительнымъ оружіемъ; у крымцевъ же мало укрѣпленныхъ остроговъ; оружія огнестрѣльнаго и оборонительнаго также мало, либо вовсе даже нѣтъ. Съ крымцами опасна только генеральная полевая битва; она опаснѣе, чѣмъ со всякимъ инымъ войскомъ, и ея слѣдуетъ всячески избѣгать. 3) Сѣверныя страны студены, болотисты, малоплодны, лишены многихъ нужныхъ вещей: мало пользы отъ пріобрѣтенія такихъ странъ; нѣкоторыя, сверхъ того, такъ удалены, что, кажется, больше убытка доставляетъ охраненіе ихъ, нежели пользы владѣніе ими; Крымъ же и Ногайскія области исполнены всякаго Божьяго

---

[1]) Соображеніе слишкомъ отвлеченное! Какъ будто для войны требуется подыскиваніе причины, какъ будто эта причина не назрѣваетъ сама собою! Въ частности для войны съ Польшей, Ливоніей и Швеціей Московское государство всегда имѣло важную, жизненную причину, постоянно на лицо существовавшую, вполнѣ справедливую съ русской точки зрѣнія, то-есть, возвращеніе старыхъ русскихъ земель.

дара. 4) Сѣверныя племена не любятъ русскаго владычества [1]); наше владѣніе тамошними странами не прочно, тамъ всегда готовы измѣнить намъ; никто не пособитъ намъ въ пріобрѣтеніи тѣхъ странъ; въ Крыму же живутъ многіе христіане, которые желаютъ прихода туда русскаго войска; въ пріобрѣтеніи Крыма намъ помогутъ донскіе казаки и днѣпровскіе, поляки, если еще не другіе народы, которыхъ крымцы обижаютъ [2]). 5. Многократно была предпринимаема война противъ поляковъ и литовцевъ, но она никогда не была оканчиваема къ славѣ и достоинству сего государства, почему мы должны сказать: нѣтъ на то воли Божіей, чтобы здѣсь мы что нибудь добыли. Напротивъ, относительно татаръ Господь далъ намъ успѣхъ, именно взятіемъ Казани, Астрахани и Сибири; поэтому мы можемъ надѣяться и должны молить Господа, чтобы Онъ далъ полное одолѣніе на татаръ, и чтобы мы могли прогнать изъ Крыма общихъ всего свѣта мучителей и разбойниковъ. 6) Мы, если захотимъ, можемъ имѣть покой ото всѣхъ сѣверныхъ народовъ и не бояться никакого зла отъ нихъ,—ни наступательной войны поляковъ, ни нашествія шведовъ; сами не раздражая этихъ сосѣдей, мы можемъ имѣть всегдашній миръ съ ними, а они за такое благодѣяніе къ нимъ будутъ нашему государству съ той стороны вмѣсто оплота и стѣны".

„Вообще говоря, въ настоящее время наилучшимъ для сего государства представляется держать миръ со всѣми сѣверными, восточными и западными народами, а воевать — съ одними татарами: ибо дауры и богдои о насъ даже не узнаютъ, если мы не будемъ искать ихъ сами; калмыки также не ищутъ овладѣть ни городами, ни селами, и намъ нѣтъ основаній опасаться большаго нашествія съ ихъ стороны [3]); шведы косны, тяжелы на подъемъ, да и не многолюдны,

---

[1]) Понятіе сѣверныхъ племенъ у Крижанича не довольно опредѣленное. Въ данномъ случаѣ онъ разумѣетъ инородцевъ, преимущественно сибирскихъ. Здѣсь и въ другихъ мѣстахъ книги авторъ неодобрительно относится къ расширенію русскаго господства въ инородческихъ земляхъ Сибири, находя его не справедливымъ.

[2]) Ниже, на стр. 130, авторъ перечисляетъ предполагаемыхъ имъ союзниковъ въ войнѣ съ Крымомъ.

[3]) О появленіи впервые калмыковъ изъ-за Урала въ низовьяхъ Волги смотри въ Дополн. къ Акт. Историч., II, №№ 62 и 63, акты отъ 1635 года. О послѣдующихъ движеніяхъ калмыковъ, бѣлыхъ и черныхъ, и объ отношеніяхъ къ нимъ московскаго правительства—много данныхъ въ Акт. Историч., IV, №№ 17, 26, 32, 72, 89, 131. Калмыковъ желали направлять противъ Крыма: тамъ же, №№ 154, 229, 234. Полн. Собр. Закон. Р. И., I, № 304. О землѣ Даурской и Богдойской Китайской) первыя свѣдѣнія стали получаться въ половинѣ XVII вѣка, чрезъ

такъ что нечего ихъ бояться много; поляки и литовцы никому не наносятъ войны, если сами прежде не будутъ задѣты. Но крымцы иное дѣло: они одни всегда требуютъ отъ насъ откупа или дани, и всетаки никогда не перестаютъ причинять намъ бѣдствія. Право, достойна сожалѣнія наша несчастная политика [1]): мы стремимся воевать тамъ, гдѣ бы должны были содержать постоянный миръ, а вмѣсто того пробуждаемъ спящихъ псовъ; гдѣ же слѣдовало бы дать отпоръ дерзкому врагу, тамъ мы откупаемся дарами и всѣтаки терпимъ безпрестанные разбои и опустошенья, отдаемъ безбожному врагу чуть не все добро земли своей, а собственный народъ доводимъ до голода, до отчаянія".

„Римляне давали своимъ солдатамъ помѣстья въ добытыхъ вновь земляхъ и не запрещали желающимъ гражданамъ селиться тамъ новыми посадами. А Константинъ и самъ со всѣмъ дворомъ переселился на жительство въ новый городъ, на мѣсто болѣе богатое и болѣе удобное для столицы, чѣмъ самый Римъ. Высокочтимый великій Государь! Пригодно имѣть въ виду, что Перекопская держава будетъ весьма удобна,—гораздо больше, чѣмъ другія страны русскія, удобна для твоего государева пребыванія по слѣдующимъ основаніямъ: 1) ради приморскихъ городовъ и корабельныхъ пристаней; 2) въ тамошнее море впадаютъ русскія рѣки, по берегамъ коихъ живетъ русскій народъ; 3) вино, деревянное масло, шелковые и всякіе дорогіе товары доплываютъ туда близкимъ путемъ изъ тѣхъ самыхъ земель, гдѣ родятся, тогда какъ нѣмцы привозятъ ихъ къ намъ на Архангельскъ чуть не чрезъ половину всего свѣта; 4) сама крымская страна украшена и обогащена многими дарами Божьими: не говорю про хлѣбъ, вино, масло, медъ и разные фрукты, коихъ множество вывозится оттуда въ Царьградъ; напомню лучше, что тамъ плодятся кони, очень пригодные къ военному дѣлу, какихъ на Руси большой недо-

---

поиски служилыхъ и промышленныхъ людей, проникавшихъ на Амуръ, напримѣръ, письменнаго головы Пояркова (Доп. къ Акт. Истор., II, № 12 и 26), особенно же чрезъ поиски славнаго покорителя Амурскаго края, опытовщика Ерофея Хабарова: Акт. Истор., IV, № 31; Дополн. къ Акт. Ист., III, №№ 72, особенно интересный актъ подъ № 102 (отчетъ самого Хабарова о дѣйствіяхъ на Амурѣ); въ томъ же томѣ не мало другихъ актовъ на счетъ даурскихъ князьковъ и ихъ отношеній къ богдойскому владѣтелю: №№ 94 — 95, 99 — 103, 122; Акт. Истор., IV, №№ 61, 210—211.—О землѣ Богдойской сравни въ Изборникѣ изъ хронографовъ *А. Попова*, на стр. 532 — 533, и въ „Путешествіи чрезъ Сибирь Н. Спаѳарія въ 1675 году", изд. *Ю. В. Арсеньева*, на стр. 156—158.

[1]) „Тужень адда и окаяненъ есть нашъ совѣтъ".

статокъ; тамъ же находится мраморная руда, разные камни и деревья, пригодныя для постройки государевыхъ палатъ и городовъ; не знаю, не родится ли тамъ даже серебряная и мѣдная руда. Тамъ была столица Митридата, того славнаго государя, который владѣлъ двадцатью двумя народами, и говорилъ на всѣхъ языкахъ ихъ, если только слѣдуетъ вѣрить тому, что о немъ пишутъ. Да! Невозможно ни сказать, ни описать, на сколько Перекопская область счастливѣе русскихъ странъ, и какъ она удобна для государева жительства. Итакъ, если отъ Бога суждено русскому народу когда нибудь владѣть ею, то не безъ достаточно важныхъ причинъ могъ бы ты, преславный Государь, или одинъ изъ твоихъ наслѣдниковъ перейдти туда и построить тамъ новую столицу; или если бы государство раздѣлилось между нѣсколькими братьями, то одинъ изъ нихъ могъ бы туда переселиться“ [1]).

„Общее заключеніе: всякими мѣрами, милостивый Царь, настой, чтобы сохранять вѣчный миръ съ народами сѣверными, западными и восточными, то-есть, съ ляхами, литовцами, шведами, бухарцами, китайцами, даурами, богдоями, калмыками и съ прочими; не занимай своихъ воинскихъ силъ войною съ этими народами, а обрати всѣ эти силы на добываніе Перекопской области. Но да будетъ сія дума тайною, и никому изъ совѣтниковъ, развѣ самому довѣренному, неизвѣстною до надлежащаго времени; и если бы Богъ не привелъ тебѣ, Государь, совершить сего предпріятія, то сыновьямъ своимъ честнѣйшимъ заповѣдуй исполнить его“ (Тамъ же, стр. 117—120).

---

[1]) По поводу послѣдняго замѣчанія автора можемъ сказать словами его русскаго современника, подъячаго Котошихина, который, задавшись вопросомъ, въ какомъ положеніи по кончинѣ царя Алексѣя Михайловича, будутъ его два младшіе сына при старшемъ — царѣ, замѣтилъ: „и о томъ написати не мочно, потому что такого образца не бывало“ (О Россіи въ царствованіи Алексѣя Михайловича, стр. 15, по 2-му изданію).

Что же касается перенесенія столицы Русскаго государства въ Крымъ, то мысль объ этомъ любопытна, какъ живое увлеченіе автора своимъ проектомъ. Да и въ принципѣ его мысль о перенесеніи столицы на новое мѣсто не была праздным предположеніемъ: она исполнилась при Петрѣ Великомъ, основавшемъ новую столицу при морѣ, только не при томъ, о которомъ гадалъ нашъ авторъ. Прибавимъ, что и въ послѣпетровское время толки о новой резиденціи долго продолжались; какъ крупный примѣръ, приложимъ замѣчаніе государыни Екатерины Великой въ одномъ изъ писемъ къ Гримму: „по моему мнѣнію, настоящая столица Имперіи еще не найдена“ (*Русскій Архивъ*, 1878, кн. III, стр. 227).

Глава 52-я: „О татарахъ".

„Одинъ человѣкъ, лично наблюдавшій Перекопскую область и хорошо знакомый съ положеніемъ дѣлъ татарскихъ, имѣлъ обычай говаривать: удивительное и жалости достойное дѣло, какъ татары, будучи столь малочисленны и дурно вооружены, заставляютъ терпѣть отъ себя всѣ сосѣдніе народы да силою вымогаютъ отъ многихъ государей годовое себѣ жалованье, дары, откупы и дани: срамъ великій многимъ народамъ! И всѣ его терпятъ, — не могутъ или не хотятъ отъ него освободиться! Платятъ имъ жалованье или подарки цезарь нѣмецкій, король польскій, седмиградскіе венгры, валахи, молдаване и, какъ думаю еще, горскіе черкесы".

„Нѣкогда филистимляне, не будучи въ состояніи одолѣть Самсона, допытывались отъ Далиды, въ чемъ заключается его сила, и, узнавши чрезъ нее, что сила Самсона въ волосахъ, остригли ему, спящему, волосы и легко его связали. Такъ и намъ, если придется воевать съ татарами или инымъ народомъ, потребно напередъ узнать, въ чемъ состоитъ сила непріятеля, и тогда думать, какъ мы можемъ ослабить ее и сдѣлать менѣе вредною".

„Орелъ зовется царь птицъ, левъ — царь звѣрей, за то, что оба превосходятъ всѣхъ силою и быстротою да еще третьимъ качествомъ, которое изъ первыхъ двухъ рождается, то-есть, храбростію. Если бы какой нибудь народъ превосходилъ всѣ прочіе сими тремя качествами, то, безъ сомнѣнія, онъ пріобрѣлъ бы самое большое могущество въ свѣтѣ; да только всѣ эти качества вмѣстѣ соединенными не встрѣчаются ни у какого народа; порознь же, напротивъ, они имѣются у сопротивныхъ намъ народовъ: ибо поляки храбростью, нѣмцы силою, а крымцы быстротою почти одолѣваютъ нашихъ воинскихъ людей; посему противъ столь различныхъ непріятелей слѣдуетъ бороться не однимъ родомъ оружія и не однимъ способомъ, а разными. Мы, русскіе, въ отношеніи трехъ названныхъ качествъ оказываемся, такъ сказать, на срединѣ: мы превосходимъ быстротою нѣмцевъ, а крымцевъ силою; съ ляхами же мы одинъ народъ и одинъ нравъ: мы въ настоящее время превозмогаемъ ихъ пѣхотнымъ войскомъ и лучшимъ воинскимъ строемъ, а въ храбрости только отчасти равняемся съ ними".

„Воинская быстрота крымцевъ зависитъ отъ слѣдующихъ причинъ: 1) Они имѣютъ обиліе добрыхъ коней: отправляясь въ походъ, ка-

ждый изъ нихъ ведетъ не по одному, даже не по два или по три коня, а гораздо больше коней, коихъ перемѣняя въ пути, кажутся будто летающими, а не ѣдущими. 2) Они носятъ легкое вооруженіе, и коней своихъ также легко навьючиваютъ; никакихъ обозовъ съ запасами не возятъ, хлѣба, соли, вина не просятъ, довольствуясь однимъ конскимъ мясомъ. 3) Они всѣ вдались въ войну да грабежъ, а всѣми другими, житейскими собственно занятіями пренебрегаютъ: привычка безпрестанной войны обратилась для нихъ въ другую природу. 4) Они бьются нестройными рядами, на подобіе вороновъ врассыпную налетаютъ съ разныхъ сторонъ и въ разныя стороны разлетаются; такимъ способомъ нападенія они утомляютъ своего непріятеля и приводятъ въ разстройство его ряды. Если татары убѣгаютъ, никто ихъ не догонитъ, а если преслѣдуютъ, никто отъ нихъ не уйдетъ. На удивленье людей они ловко переплываютъ рѣки. По причинѣ быстроты они имѣютъ въ своей власти и мѣсто, и время битвы: коли окажется удобное мѣсто, побьются; коли нѣтъ такого мѣста, отступятъ дальше. И та еще выгода есть въ этомъ безпорядочномъ и нестройномъ способѣ биться, что непріятель ихъ не знаетъ, въ заправду они или съ умысломъ убѣгаютъ; но сами они не пугаются, когда видятъ своихъ товарищей убѣгающими [1]). А съ нѣмцами татары воюютъ слѣдующимъ образомъ. Они знаютъ, что нѣмцы сильны, что, благодаря огнестрѣльному оборонительному оружію и правильному строю, они неодолимы въ открытомъ бою; но они также знаютъ, что нѣмцы тяжелы на подъемъ и медленны въ движеніи; посему, видя нѣмцевъ, расположившихся въ укрѣпленномъ лагерѣ или стоящихъ въ полѣ стройными рядами, они не подступаютъ къ нимъ близко, но издалека со всѣхъ сторонъ начинаютъ окружать ихъ точно кольцомъ и стерегутъ ихъ, а все, что есть въ окрестности, сожгутъ, истребятъ, испортятъ, такъ что, когда нѣмцы пойдутъ куда нибудь, то ничего не найдутъ годнаго къ продовольствію, и такимъ образомъ, когда они будутъ изнурены лишеньями и упадутъ духомъ, татары нападаютъ на нихъ, почти какъ уже на полуживыхъ, и легко одо-

---

[1]) Послѣдняя выгода—не важнаго значенія: и непріятели, и свои не могутъ, конечно, быть долго въ сомнѣніи на счетъ того, какое бѣгство есть притворное и какое вправду.—Что касается предыдущихъ замѣчаній Крижанича о быстротѣ крымцевъ, о войнѣ какъ промыслѣ и о пріемахъ воинскихъ, употребляемыхъ ими въ набѣгахъ, то они вѣрны, согласны съ другими источниками, при томъ хорошо авторомъ выражены. Сравнить сюда же относящіяся мѣста въ „Политикѣ“: I, стр. 7, 155; II, 168, 317, и проч.

лѣваютъ. Итакъ мы видимъ, что пѣхота съ ея тяжелымъ строемъ ничего не успѣваетъ въ полѣ противъ татаръ, не можетъ дѣйствовать противъ нихъ къ одолѣнію и погрому; она оказывается тамъ годна только для обороны, и то не долгой".

„Сколько мнѣ извѣстно, татары ни однимъ народомъ не были сполна побѣждены и ни одному чужому государю не служили въ качествѣ полныхъ подданныхъ. Только одинъ турецкій султанъ отнялъ у нихъ нѣсколько приморскихъ городовъ въ Перекопѣ и принудилъ ихъ признавать себя господаремъ и оборонителемъ, да и то больше для почету: дани никакой татары не платятъ султану и слушаютъ его, сколько хотятъ [1]). Да еще нашъ царь Иванъ Васильевичъ отнялъ у татаръ Казань, Астрахань и Сибирь. За то въ болѣе давнія времена татары погромили и привели подъ свою власть многіе народы и самыхъ могущественныхъ государей. Такъ Чингисъ, первый славный ханъ татарскій, покорилъ великое царство Китайское и Хинское, которое величиной равняется всей Европѣ. Батый-ханъ отчасти покорилъ, отчасти разбилъ и разогналъ государей русскихъ, польскихъ, чешскихъ и венгерскихъ, выгналъ также грековъ изъ Перекопа или Крыма; съ того времени вотъ уже около 450-ти лѣтъ татары живутъ въ Перекопѣ, тогда какъ прежде о нихъ и слуху не было въ Европѣ. Затѣмъ Тамерланъ разгромилъ весь Востокъ и многихъ государей, положилъ въ одномъ бою 200 тысячъ турецкаго войска и захватилъ въ плѣнъ султана Баязета. А въ наше время, за какія нибудь 12 лѣтъ, перекопскіе татары оказали въ нѣкоторомъ родѣ чудеса воинской отваги: сначала разбили ляховъ при Желтыхъ водахъ, затѣмъ разбили также на чисто венгерскаго князя въ Подгорьѣ; два раза брали въ плѣнъ польскаго короля и отпускали на условіяхъ; два или три раза разбитаго короля шведскаго прогнали изъ Польской земли; два раза поразили войска нашего государства [2]). Короче, съ давнихъ временъ

---

[1]) Объ отношеніяхъ хана крымскаго къ султану турецкому сравни интересное замѣчаніе Крижанича во II ч. Политики на стр. 383—384. На его взглядъ, крымскій ханъ неограниченно правитъ своей областью, находясь въ верховной зависимости и покровительствѣ султана (sub obedientia et protectione regis Turcorum); онъ можетъ де, если имѣетъ справедливую причину войны, вести ее, не спрашиваясь султана; его положеніе, какъ равно господарей молдавскаго, валашскаго и трансильванскаго, похоже де на положеніе вассальныхъ европейскихъ государей. (Все это приблизительно вѣрно, но требуетъ болѣе точнаго опредѣленія)

[2]) Кромѣ конотопскаго пораженія, авторъ имѣетъ въ виду, конечно, еще чудновскія неудачи, испытанныя знаменитымъ кіевскимъ воеводою, бояриномъ В. Б.

перекопцы въ чистомъ полѣ и въ генеральномъ бою ни разу не оказываются побѣжденными, и только при рѣчныхъ переправахъ да въ тѣсныхъ мѣстахъ они иногда терпѣли пораженія".

„Когда народы бываютъ счастливы, тогда они бываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и надменны, тогда-то они навлекаютъ на себя Божеское наказаніе; по сей причинѣ я думаю, что татарская надменность теперь созрѣла для наказанія: столько лѣтъ татары всѣхъ мучатъ, сами ни отъ кого не подвергшись наѣзду и поиску на мѣстѣ ихъ жительства!" [1]).

„Татары живутъ, по обычаю, разбоемъ; они не знаютъ никакихъ международныхъ договоровъ и никакой человѣчности въ отношеніяхъ, нѣтъ ни выгоды, ни чести договариваться съ такими людьми [2]). Въ самомъ дѣлѣ, они безмѣрный срамъ наводятъ на наше государство тѣмъ, что, будучи малочисленнымъ, убогимъ народцемъ, принуждаютъ столь великое государство къ нѣкоторой денежной повинности, къ покупкѣ мира деньгами; да хотя бы имъ уплачивалось обѣщанное жалованье, они тѣмъ не менѣе не соблюдаютъ уговора, а постоянно пустошатъ наши области разбойническими набѣгами. Сверхъ того, они причиняютъ сему государству неисчислимый убытокъ тѣмъ, что мѣшаютъ торговлѣ между русскими и греками, что съ давнихъ временъ велась

Шереметевымъ, въ сентябрѣ и октябрѣ 1660 года. Но при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду слѣдующія обстоятельства: 1) пораженія у Чуднова и въ другихъ мѣстахъ, по близости къ нему, были нанесены царскому войску не столько татарами, сколько поляками, да еще благодаря измѣнѣ Выговскаго и Юрія Хмельницкаго; 2) побѣды дорого стоили самимъ полякамъ; 3) эти побѣды помрачены безчестнымъ поступкомъ гетмана Потоцкаго, который вопреки договору выдалъ Шереметева въ татарскій плѣнъ (*Соловьевъ*, И. Р. XI, въ началѣ 2-й главы. *А. Барсуковъ*: Родъ Шереметевыхъ, книга пятая).

[1]) Это—не вполнѣ точно. Мы знаемъ про походы въ Крымъ не только казаковъ, но и московскихъ отрядовъ (въ царствованіе Іоанна Грознаго).

[2]) Сравн. II, стр. 83. Сравни также вѣрное замѣчаніе Котошихина: „а съ крымскими и турскими война хотя и бываетъ, а трактатовъ и постановленія не бываетъ, чинятца успокоеніе черезъ пересылочныя грамоты" (О Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича, стр. 58). Къ этому слѣдуетъ прибавить, что замиреніе съ Крымомъ обыкновенно кончалось выдачею отъ хана шертной грамоты, которой у него требовали; но эта грамота была именно не взаимный трактатъ, а одностороннее (отъ хана) обязательство, иногда и составленное по присланному изъ Москвы готовому образцу, или же подъ диктовку московскихъ пословъ, такъ что эти шертныя грамоты, съ точки зрѣнія Котошихина, могутъ быть также подведены подъ понятіе „пересылочныхъ".

по Черному морю и Дону; эта торговля могла бы быть ведена и при турецкомъ господствѣ, если бы ей не пакостили перекопскіе разбойники [1]). По моему мнѣнію, если бы эта торговля возобновилась, Русь стала бы вдвое богаче, чѣмъ теперь: тамъ, за Чернымъ моремъ, живутъ народы, которые весьма охотно и въ честь берутъ наши русскіе товары, напримѣръ: сибирскіе мѣха, икру, хлѣбъ, мясо, медъ и иные товары, тогда какъ нѣмцы имѣютъ наши товары не въ такой цѣнѣ, да и покупаютъ ихъ не про себя, а больше про другихъ. Равнымъ образомъ товары, которые покупаются нами у нѣмцевъ, производятся не ими самими, а привозятся ими издалека, и потому не могутъ дешево продаваться намъ: между тѣмъ эти товары у грековъ и турокъ имѣются дома, легко могутъ доставляться ими на Русь и продаваться намъ гораздо дешевле, чѣмъ нѣмцами. Напримѣръ, вино съ давнихъ поръ привозилось въ Русь изъ Греціи; оно и до сихъ поръ носитъ древнее названіе „романеи“ отъ области „Романія“, въ коей находится Царьградъ, или Новый Римъ. А теперь вина везутся къ намъ изъ Испаніи да изъ Фряжской земли, при чемъ, надобно замѣтить, эти вина неправильно называются у насъ: испанское романеей, а фряжское—ренскимъ [2]). Да! Если бы мы не имѣли никакой другой причины къ войнѣ съ крымцами, то одна эта (то-есть, препятствія съ ихъ стороны южной торговлѣ) была бы достаточна для того, чтобы подвинуть наше государство на войну съ ними. И если бы теперь намъ нельзя было достичь нашей цѣли путемъ войны, то въ мирномъ уговорѣ съ перекопцами, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ выговорить обязательство съ ихъ стороны не вредить торговлѣ, а напротивъ помогать ей, напримѣръ, давать проводниковъ караванамъ и доста-

---

[1]) Замѣчаніе автора о выгодности Черноморской торговли вѣрно какъ относительно древняго кіевскаго времени, когда Русь была въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Царьградомъ, коимъ впрочемъ „пакостили“ тѣ же степняки, то-есть, печенѣги и половцы, такъ вѣрно и относительно времени Іоанна III и Менгли-Гирея, когда шла оживленная торговля Московской Руси съ Крымомъ и Турціей. Но въ послѣдующую пору торговыя сношенія въ этомъ направленіи все больше и больше сокращаются, движеніе торговыхъ каравановъ чрезъ татарскія степи и по Дону все больше становится затрудненнымъ со стороны разныхъ татаръ, безъ числа кочевавшихъ въ степяхъ. Тутъ дѣло не въ однихъ крымцахъ.

[2]) Эти замѣчанія автора о *привозныхъ виноградныхъ винахъ* и названіяхъ ихъ на Руси заслуживаютъ вниманія и провѣрки. О романеѣ и другихъ иноземныхъ винахъ сравни замѣтку у *Карамзина*, И. Г. Р. VII, примѣч. 399: по исторіографу, романея есть бургонское вино, а не греческое.

влять во время съѣздовъ закладниковъ, какъ поруку за безопасность русскихъ купцовъ“ [1]).

„Намъ могутъ представиться два важныхъ препятствія при выполненіи нашего намѣренія (то-есть, крымскаго похода). Первое, конечно, то, что крымцы, какъ мы говорили выше, суть народъ весьма воинственный, неодолимый, всегда берущій верхъ въ сраженіяхъ; однако надобно взять во вниманіе и другія стороны дѣла. Перекопцы, кажется мнѣ, неодолимы только внѣ дома; у себя же дома они—въ сущности не сильный, одолимый народъ. У нихъ нѣтъ многочисленныхъ городовъ и нѣтъ хорошо укрѣпленныхъ; они не умѣютъ ни чужихъ городовъ брать, ни своихъ защищать, что̀ доказываютъ намъ разные примѣры: царь Иванъ Васильевичъ, когда сдѣлалъ поискъ надъ ними и наѣхалъ ихъ въ мѣстахъ жительства ихъ, то отнялъ у нихъ Казань, Астрахань и Сибирь; также и турецкій султанъ отнялъ Кафу и иные татарскіе города при морѣ“.

„Итакъ способы, коими мы съ Божьей помощью можемъ одолѣть татаръ, суть слѣдующіе“.

„1) Намъ нечего дожидаться, чтобы татары еще разъ пришли къ намъ; мы сами должны чинить поискъ надъ ними въ собственной ихъ землѣ, разорить ихъ селенія, захватить ихъ женъ и дѣтей, чтобы они не могли больше плодиться. 2) Въ походъ наши пѣхотинцы должны запастись большими щитами для отраженія непріятельскихъ стрѣлъ; было бы также хорошо, если бы и конные солдаты имѣли легкіе щиты. 3) При этомъ особенно слѣдуетъ опасаться давать татарамъ генеральную битву въ чистомъ полѣ, гдѣ они могутъ окружить насъ со всѣхъ сторонъ; намъ полезно вступать съ ними въ битву не въ иномъ мѣстѣ, какъ, напримѣръ, у рѣчныхъ переправъ или же въ тѣснинахъ близь лѣса, укрѣпленія и т. п. 4) Хорошо противъ татаръ имѣть пѣшихъ стрѣлковъ изъ лука, а также конныхъ лучныхъ

---

[1]) Статья о свободномъ и безопасномъ пріѣздѣ русскихъ гостей въ Крымъ вносилась обыкновенно въ шертныя записи. Но дѣло въ томъ, что, даже при добромъ желаніи хановъ исполнять эту статью, они не всегда были въ состояніи на дѣлѣ выполнить ее: и въ Крыму, и особенно на дорогѣ въ Крымъ чрезъ степи, гости, даже съ послами ѣхавшіе, не были свободны отъ нападеній своевольныхъ татарскихъ шаекъ. Въ степи нельзя было надѣяться на силу какого нибудь права: тамъ, да и въ самой Крымской ордѣ, имѣло больше мѣста насиліе, чѣмъ право. Проводники и закладники—это дѣйствительно практичная мѣра; она и была употребляема относительно пословъ главнымъ образомъ, хотя также не всегда достигала своей цѣли.

стрѣлковъ, которые могутъ быть присоединены къ отрядамъ конныхъ пищальниковъ или казаковъ. Пѣхотинцамъ нужно дать палаши, а всадникамъ сабли; нѣмецкихъ же шпагъ, какъ безполезныхъ для боя съ татарами, не нужно употреблять [1]). 5) Ничего не слѣдуетъ предпринимать противъ татаръ, не заключа впередъ союза съ поляками, которымъ мы можемъ говорить примѣрно такъ: „братья поляки! мы наводимъ другъ противъ друга перекопскихъ татаръ на собственное себѣ зло; они безпрестанно наѣзжаютъ на насъ, разбойничаютъ, жгутъ, пустошатъ, уводятъ плѣнныхъ безъ числа, да сверхъ всего берутъ отъ насъ тяжелыми податями; они имѣютъ, отъ насъ все, что хотятъ: они даже ничего больше не хотятъ отъ насъ, потому что все имѣютъ; они живутъ нашимъ потомъ и кровью. Если мы мужи, то должны свергнуть съ себя это позорное иго; вы сами въ вашей конституціи имѣете постановленіе вести рѣшительную войну съ перекопцами: отчего же медлите привести его въ исполненіе?“ [2]). 6) Ничего не слѣдуетъ начинать съ тата-

---

[1]) О вооруженіи авторъ разсуждаетъ въ особыхъ главахъ Политики „объ оружіи“, „объ строехъ военныхъ“: I, стр. 70—82. И здѣсь по этому спеціальному предмету Ю. Крижаничъ показываетъ много свѣдѣній, сообщаетъ немало практичныхъ замѣчаній: не даромъ онъ былъ дворянинъ, потомокъ тѣхъ Крижаничей, которые не разъ сражались противъ турокъ, подъ предводительствомъ хорватскихъ графовъ Зринскихъ. Сравни въ сочиненіи о Промыслѣ статью о ратномъ дѣлѣ и вооруженіи у ляховъ и нѣмцевъ по сравненію съ русскими: на взглядъ автора, русская рать ничѣмъ не хуже польской, а нѣмецкой даже лучше, стр. 93—105. Сравни въ Политикѣ замѣчаніе о вооруженіи татарскомъ и нѣмецкомъ: II, 168. О безполезности нѣмецкихъ шпагъ авторъ не разъ высказывается: I, 71, 75. Отмѣтимъ здѣсь одинъ русскій документъ 1659 года, гдѣ также есть рѣчь о замѣнѣ шпагъ инымъ оружіемъ въ полкахъ драгунскихъ, солдатскихъ и стрѣлецкихъ: Акты, относ. къ истор. Южн. и Зап. Россіи, томъ VII, стр. 317 (указъ кіевскому воеводѣ Вас. Бор. Шереметеву). Но намъ не извѣстно, была ли это временная мѣра, или же болѣе общая, распространенная на другіе полки, на будущее время.

[2]) Мысль о примиреніи и союзѣ Россіи съ Польшей, какъ объ условіи успѣшной борьбы съ крымскими татарами, есть одна изъ господствующихъ въ Политикѣ Ю. Крижанича: I, 66; II, 82—83 („съ ляхами у насъ можетъ быть союзъ истинно братскій, вслѣдствіе близости языка и нравовъ, и потому, что ляхи не горды по природѣ, какъ нѣмцы, не колки, не злословны; съ нѣмцами же и крымцами у насъ не можетъ быть никакого искренняго союза“); II, 194—198, 217: что де греки, нѣмцы и шведы мѣшаютъ нашему союзу съ поляками.—Нѣтъ нужды показывать здѣсь, какія давнія и глубокія историческія причины заставляли Россію цѣлые вѣка бороться съ Польшей, дѣлали невозможнымъ ихъ примиреніе, а также почти невозможнымъ союзъ ихъ на татаръ и турокъ. Всякія рѣчи въ родѣ той, что у Крижанича, всегда оставались не больше какъ рѣчами и благодушными пожеланіями.

рами прежде, нежели царь-государь новымъ законодательствомъ не привлечетъ на свою сторону сосѣдніе народы. Еслибы ты, высокочтимый царь, обнародовалъ это новое законодательство [1]), то съ радостью и веселіемъ разные народы поддались бы твоей кроткой державѣ, какъ древніе народы Александру: къ твоему войску присоединились бы донскіе казаки и запорожскіе, молдаване и валахи, ляхи, болгары, сербы, хорваты, угры и греки. 7) Кромѣ того, на походѣ было бы полезно сдѣлать другое объявленіе войскамъ,—которое также полезно сообщить сосѣднимъ народамъ чрезъ посланцовъ,—что, если кто придетъ охотою воевать на крымцевъ, тому царь-государь дастъ помѣстье въ Крыму, что онъ будетъ держать охотниковъ-воиновъ на такихъ же льготныхъ условіяхъ, на какихъ хвалы достойные римляне содержали своихъ заслуженныхъ воиновъ. На такія объявленія несомнѣнно отозвалось бы безчисленное множество охотниковъ. 8) Когда какой нибудь государь овладѣваетъ новою страной, то, говоря по правдѣ, онъ не можетъ всѣхъ жителей, оставшихся отъ меча войны, предать поголовному истребленію или же изгнать вонъ изъ страны, особенно если эта страна есть исконная ихъ вотчина и коренное жилище: онъ долженъ оставить имъ жизнь, а если не довѣряетъ имъ, то часть ихъ переселить въ иное мѣсто. Но съ перекопцами иное дѣло: они взяли чужую страну, изгнали изъ нея Христову вѣру, а потому, по справедливости, сами могли бы быть изгнаны изъ страны, какъ учинилъ то съ маврами и жидами испанскій король. Во всякомъ случаѣ, когда Богъ дастъ намъ овладѣть Перекопомъ, мы должны, принимая татаръ въ подданство, обѣщать имъ на первый разъ не больше, какъ только одну жизнь, а въ послѣдующее время, укрѣпясь совершенно въ странѣ, объявить имъ, что тѣ изъ татаръ, которые не хотятъ креститься, должны непремѣнно оставить страну. Такое благое обѣщаніе государь могъ бы сдѣлать предъ Богомъ до выступленія въ походъ [2]). Покоривши же землю, если желаемъ сполна и прочно владѣть ею, мы должны будемъ дать свободу жительства въ приморскихъ и наиболѣе важныхъ городахъ только русскимъ, полякамъ да славянамъ вообще; въ меньшихъ городахъ и въ областяхъ пусть живутъ иныхъ племенъ жители; что же касается нѣмцевъ, то имъ не слѣдуетъ нигдѣ давать мѣста для жи-

[1]) Авторъ разумѣетъ здѣсь то законодательство въ духѣ кроткомъ и вмѣстѣ строго законномъ, о которомъ онъ подробно разсуждаетъ въ рѣчи устами царя Алексѣя Михайловича.

[2]) Но справедливы ли были бы такія мѣры, да и политичны ли?

тельства въ Крыму, ибо безъ того уже нѣмцы сдѣлались господами приморскихъ городовъ и пристаней“ [1]).

„Другимъ важнымъ препятствіемъ дѣлу можетъ служить то обстоятельство, что перекопскіе татары находятся подъ покровительствомъ Турціи, и мы, задѣвая крымцевъ, должны ожидать, что турки придутъ имъ на помощь. Однако, вопреки этому препятствію, есть другія для самихъ турокъ неблагопріятныя обстоятельства“.

„Вѣдь турки не могутъ придти на Русь сухимъ путемъ иначе, какъ на приднѣпровскую Украйну; но тамъ ихъ встрѣтятъ поляки, какъ нѣкогда они встрѣтили Османа подъ Хотиномъ; на восточной же сторонѣ Чернаго моря, еслибы турки пошли тѣмъ путемъ, ихъ враждебно встрѣтили бы горскіе черкесы, а, можетъ быть, также персы. Сверхъ того, турецкіе кони да и люди довольно изнѣжены для того, чтобы сносить русскіе морозы и иныя неудобства сѣвернаго климата [2]). Да при томъ турки имѣютъ немало своего дѣла съ иными своими непріятелями“.

„Преподобный митрополитъ Петръ [3]) заповѣдалъ давать дань татарамъ; но, по моему разумѣнію, теперь уже прекратилась сила этой заповѣди; теперь къ перекопскимъ татарамъ умѣстно будетъ примѣнить пророчество Исаіи: „горе тебѣ, опустошитель, который не былъ опустошаемъ, и грабитель, котораго не грабили! Когда кончишь опустошеніе, будешь опустошенъ и ты; когда прекратишь грабительства, разграбятъ и тебя“ (глава 33, стих. 1—2). То-есть, когда Богу угодно нѣсколько ослабить бичъ разоренія на христіанъ, то настанетъ время, что и перекопскіе татары получатъ свой судъ: Господь откроетъ умныя очи какому нибудь христіанскому государю, одному или нѣсколькимъ вмѣстѣ, дабы они совершили судъ язвы и плѣна,

---

[1]) Авторъ, по всей книгѣ много разъ доказывающій вредъ торговыхъ и служилыхъ нѣмцевъ для Московскаго государства, остается и здѣсь вѣрнымъ самому себѣ. Любопытна его замѣтка по поводу польскаго проекта, кѣмъ-то предложеннаго, о заведеніи нѣмецкихъ колоній въ Приднѣпровской украйнѣ: „и не знаю, что хуже этого можно было бы еще придумать: вѣдь извѣстно, что нѣмцы, куда придутъ въ гости, дѣлаются изъ гостей и подданныхъ хозяевами“ (Политика, II, 105).

[2]) Но Крижаничъ опускаетъ изъ виду, что турки вполнѣ удобно могли сдѣлать высадку своихъ войскъ въ любомъ пунктѣ Черноморскаго и Азовскаго прибрежья и такимъ способомъ поддержать татаръ.

[3]) Первоначально было написано „Алексѣй“. Выше, въ концѣ III главы, мы уже привели это мѣсто изъ Ю. Крижанича и сдѣлали нѣкоторыя замѣчанія къ нему и сопоставленія.

какой они сами совершаютъ надъ другими народами; это будетъ истинное „знаменіе времени“, когда одинъ государь или двое съ полною, безповоротною рѣшимостью выступятъ въ походъ на тѣхъ разбойниковъ. Что перекопцы уже четыреста пятьдесятъ лѣтъ громятъ всѣ сосѣдніе народы, а сами имѣютъ дома постоянный миръ и покой, не будучи никѣмъ тревожимы, въ этомъ мнѣ видится особый Промыслъ Божій, который изволяетъ сохранить до сей поры цѣлымъ этотъ свой бичъ; за то, если какой нибудь государь будетъ рѣшительно наступать на татаръ, это будетъ, мнѣ кажется, не собственно человѣческое рѣшеніе, а именно воля Божія, которая непремѣнно приведетъ къ доброму концу, по реченному въ Писаніи: „рука прилежныхъ будетъ господствовать, а лѣнивая будетъ подъ данью“ (Притчи Соломон., 12, 24).

„Много разъ поляки были упрашиваемы отъ папъ и нѣмецкихъ императоровъ, отъ венеціанцевъ и венгровъ, и даже отъ персовъ о; томъ, чтобы они учинили съ тѣми народами союзъ противъ турокъ но поляки никогда, никакимъ способомъ не давали направить себя на этотъ путь, никогда не хотѣли поднимать оружія на турокъ, но всегда держали съ нимъ миръ и добрыя отношенія. Владиславъ Ягайловичъ литвинъ, король польскій и венгерскій, началъ было войну съ турками, но ляхи не хотѣли участвовать съ нимъ въ этой войнѣ, и онъ съ одними венграми пошелъ въ походъ [1]). Позже поляки испытали нашествіе султана Османа, имѣли встрѣчу съ нимъ подъ Хотиномъ, а потомъ нашествія Каракаша-паши; все это вытерпѣли они и терпятъ. Недавно Владиславъ Сигизмундовичъ началъ было приготовленія къ войнѣ съ крымскими татарами, но поляки принудили его оставить это предпріятіе [2]). А что всего важнѣе: поляки, безпокоимые непрестанными набѣгами татарскими, сами уже давно сдѣлали постановленіе и внесли его въ сеймовую конституцію въ такомъ видѣ: „уничтожить перекопцевъ“ („прекопцевъ знесть, или до конца затерть“), и при всемъ томъ никогда не хотѣли приступить къ тому, чтобы эту похвальбу привести въ исполненіе. За то, когда ужъ поляки начнутъ взаправду наступать на турокъ и перекопскихъ та-

---

[1]) И погибъ въ сраженіи подъ Варною въ 1444 году. О немъ же сравни замѣчанія Крижанича въ той же части Политики, на стр. 109 и 239.

[2]) Этотъ любопытный эпизодъ изъ исторіи царствованія Владислава IV хорошо разказанъ и освѣщенъ въ монографіи *Костомарова*, Богданъ Хмѣльницкій, томъ I, глава I. Оказывается, что шляхта, изъ боязни усиленія королевской власти, не позволила королю наступательной войны на Крымъ. И вотъ новое важное препятствіе для союза Московскаго государства съ Польскимъ!

таръ то это будетъ истиннымъ знакомъ того, что наше дѣло пойдетъ съ добрымъ успѣхомъ. Только выраженія-то самыя мнѣ кажутся неразумными и даже отчасти грѣховными: „мы хотимъ уничтожить перекопцевъ! Мы опредѣляемъ походъ для полнаго уничтоженія татаръ!“ Ляхи такъ говорятъ неразумно и дерзко; Богъ не даетъ успѣха за такую надменность; лучше было бы на будущее время такъ говорить: мы идемъ на перекопцевъ биться, чтобы отплатить имъ обиды, кои они чинятъ святымъ церквамъ и имени Іисуса Христа, Бога нашего и Искупителя“ (Тамъ же, стр. 123—133).

Такъ размышлялъ набожный католическій священникъ, славянскій патріотъ, и таковъ былъ его проектъ о завоеваніи Крыма! Мы дословно передали почти всѣ размышленія его по этому вопросу, такъ близко къ сердцу принятому имъ; въ нихъ слышится голосъ горячо убѣжденнаго человѣка, увлеченнаго своей мыслью, разсуждающаго порывисто, скачками, иногда остроумно, практично; а иногда непрактично, отвлеченно, но всегда съ живымъ интересомъ къ своему предмету.

Въ заключеніе — нѣсколько словъ о судьбѣ его рукописи. Дошла ли его книга въ Москву, къ государю Алексѣю Михайловичу, о которомъ авторъ пиша постоянно думаетъ, которому онъ посвящаетъ заочно книгу? Или же онъ полагалъ, что кто нибудь въ столицѣ возьмется перевести его книгу на русскій языкъ, изложить ее болѣе стройно, выбрать изъ нея практически годные для правительства совѣты и въ такомъ удобнѣйшемъ видѣ поднести ее государю? И какова вообще судьба его рукописей? Были ли читатели, и какіе именно читатели его произведеній? Не для себя же и про себя только авторъ излагалъ свои мысли: какъ страстный публицистъ, онъ хотѣлъ дѣлиться ими, искалъ читателей, а во имя важности своихъ идей расчитывалъ даже на высокое вниманіе самого государя, вѣроятно, полагая, что составленіемъ политической книги онъ несетъ своего рода службу государю.

Къ сожалѣнію, очень мало данныхъ для точнаго отвѣта на эти вопросы. Неизвѣстно, когда, кому и какія именно свои сочиненія Юрій Крижаничъ переслалъ изъ Тобольска въ Москву, и какія самъ лично, быть можетъ, передалъ нѣкоторымъ своимъ знакомымъ и доброжелателямъ, при обратномъ проѣздѣ чрезъ Москву изъ Сибири. Вѣрно то, что въ послѣдующее время рукописи нашего автора находились въ библіотекахъ ученыхъ дѣятелей книгопечатнаго двора, а именно: у митрополита сарскаго и подонскаго Павла, главы крутицкаго братства ученыхъ справщиковъ и начальника типографіи въ

одно время, отчасти у справщика іерея Никифора Симеонова да отчасти у знаменитаго Сильвестра Медвѣдева; отъ нихъ, по кончинѣ ихъ, рукописи Крижанича вмѣстѣ съ библіотеками ихъ перешли въ Типографскую и Патріаршую библіотеки, гдѣ и сохранились до нашего времени. Въ частности относительно „Политики" Крижанича г. Безсоновъ на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, не вполнѣ, впрочемъ, опредѣлительныхъ и ясныхъ, полагаетъ, что она бывала въ Верху, у государя Алексѣя Михайловича и его преемника, и что даже будто было тогда намѣреніе печатать эту книгу въ дворцовой типографіи [1]). Но, если даже рукопись Крижанича была требована во дворецъ не въ видахъ печатанія ея въ Верхней типографіи (что̀ кажется намъ весьма сомнительнымъ), а просто для нѣкотораго знакомства съ нею государей и приближенныхъ ихъ, которые заинтересовались оригинальною личностью автора, то и это обстоятельство было бы важно: на книгу, стало быть, обращено было высокое вниманіе; не одни справщики книгопечатнаго двора узнали ее.

Одна изъ рукописей Юрія Крижанича была въ библіотекѣ князя В. В. Голицына, но какая именно, неизвѣстно [2]). Конечно, знаменитый бояринъ могъ интересоваться политическимъ сочиненіемъ ученаго славянина, какъ человѣкъ образованный, не пренебрегавшій католическими сочиненіями, даже сочувствовавшій католикамъ и католичеству; въ частности главнокомандующій въ крымскихъ походахъ 1687 и 1689 годовъ могъ заинтересоваться крымскимъ проектомъ Крижанича, какъ онъ же интересовался упомянутымъ раньше сочиненіемъ неизвѣстнаго автора, описавшаго турецкій и татарскій походъ подъ Астрахань 1569 года [3]). Но это есть только голое пред-

[1]) *Православное Обозрѣніе* за 1870 г., т. I, стр. 135—139. Сравн. у Соловьева, Ист. Росс., т. XIII, стр. 196, примѣч. 171. Но сравн. справедливыя возраженія г. *Безсонову* отъ г. *Брикнера*: *Русск. Вѣстн.*, 1887 г., іюль, стр. 27—33.

[2]) *Соловьевъ*, Ист. Росс., т. XIV, стр. 94, по 2-му изд.

[3]) См. примѣчаніе объ источникахъ по исторіи турецко-татарскаго похода подъ Астрахань 1569 года во 2-й главѣ статьи. Вообще князь В. В. Голицынъ много размышлялъ о предполагавшемся крымскомъ походѣ, совѣтовался и съ книгами, и съ людьми: припомнимъ его совѣщанія съ генераломъ русской службы П. Гордономъ и записку послѣдняго на счетъ предполагаемаго похода въ Крымъ, составленную по порученію кн. Голицына въ 1684 году: Tagebuch des Generals Patrick Gordon, veröffentlicht durch *M. C. Posselt*, Bd. II, Ss. 4—11. Ту же записку сравни у *Устрялова*: Исторія царствованія Петра Великаго, томъ I, стр. 129—134. (При удобномъ случаѣ мы намѣрены разобрать подробно эту интересную записку Гордона).

положеніе: неизвѣстно, повторяемъ, какая именно „рукопись Юрія сербянина“ была въ числѣ книгъ князя Голицына.

Во всякомъ случаѣ, читателей знаменитой книги Крижанича, существовавшей хотя бы не въ одномъ спискѣ, было въ Москвѣ очень и очень немного. Иначе и быть не могло, по той уже только причинѣ, что книга была написана на половину сербско-хорватскимъ нарѣчіемъ, не сразу понятнымъ даже для начитанныхъ тогдашнихъ людей русскихъ, да на половину — латинскимъ языкомъ. Сильвестръ Медвѣдевъ могъ понимать ее; онъ внимательно читалъ Политику Юрія Крижанича, судя по замѣткамъ его руки на поляхъ рукописи; но много ли въ тогдашней Москвѣ было другихъ знатоковъ латинскаго языка? И много ли было людей, которые взялись бы списывать и читать большую, ученую, пеструю по языку книгу католическаго священника, хотя бы очень любопытную и важную по содержанію? Habent sua fata libelli! Какъ авторъ представляетъ собой личность оригинальную и даже исключительную, такъ и книга его—явленіе исключительное, одиночное: не ко времени она пришлась для Москвы того вѣка; она гораздо ближе и понятнѣе для людей нашего вѣка, чѣмъ для современниковъ Юрія Крижанича. Иное дѣло, еслибы Политика его была переведена на русскій языкъ или еслибы она была упрощена въ хорошемъ, общедоступномъ изложеніи, тогда, конечно, она нашла бы гораздо больше читателей; въ частности главы о Крымѣ, по вопросу, такъ много занимавшему русскихъ людей того времени, были бы общеинтересны и общепонятны. Но и тутъ, то-есть, въ отношеніи къ крымскому проекту Крижанича, разные люди стали бы разсуждать различно. Дѣловые люди думные и приказные, прочтя этотъ проектъ, навѣрное сказали бы: „все это ты хорошо говоришь, Юрій, да мы сами все это давно знаемъ; усмирить бусурмановъ слѣдуетъ, да только надобно найдти прямой способъ къ этому мудреному дѣлу“. И они были бы правы: все дѣло заключалось въ томъ, чтобы найдти прямой способъ къ дѣлу, то-есть, ближайше годныя практичныя средства для рѣшенія вопроса, или, по крайней мѣрѣ, для ускоренія и надлежащаго направленія его къ практическому рѣшенію. Между тѣмъ проектъ Юрія Крижанича есть больше, всетаки, ученое, умозрительное разсужденіе, нежели собственно дѣловая записка, или практичный проектъ въ собственномъ смыслѣ слова.